МАТЕРИАЛЫ К ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МАТЕРИАЛЫ К ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР *В. П. Алексеев*

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
1986

В сборнике раскрываются различные аспекты этнической истории народов Средней Азии эпохи древности и средневековья, рассматриваются вопросы истоков этногенетического процесса, приводятся итоги обследования современного населения Узбекистана с привлечением новейших методов генетики и биологии в связи с проблемой этногенеза узбекского народа.

Для специалистов-обществоведов, занимающихся вопросами истории материальной культуры, этнографии, экономики, этнической антропологии Средней Азии и Казахстана.

Рецензенты:
доктор исторических наук *А. Р. Мухамеджанов*,
кандидат исторических наук *З. И. Усманова*

М $\frac{0508000000 - 2833}{\text{М } 355\ (04) - 85}$ 14 — 86

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, Ташкент, 1986 г.

А. А. Аскаров

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОГЕНЕЗА И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ УЗБЕКСКОГО НАРОДА

Анализ среднеазиатского этногенетического и историко-культурного процесса показал, что этногенез и этническая история узбекского народа теснейшим образом переплетены с историей других народов Средней Азии. Этнические и культурные границы между этническими образованиями этого региона, в особенности между узбекским и таджикским, были подвижными и имели двухсторонне-проницаемый характер, поэтому можно легко ошибиться, отнеся культурное наследие прошлого к тому или иному народу. При исследовании столь сложной проблемы необходимо основываться на тех принципах изучения этногенеза и этнической истории, которые на базе марксистско-ленинской методологии были разработаны ведущими этнографами страны (Бромлей, 1973; Крюков и др., 1978; Чебоксаров, 1967; Токарев, 1949; Кушнер, 1951; Шелеков, 1968; Козлов, 1969). Исходя из разработок по теоретическому осмыслению этнических процессов советские этнографы считают обязательным условием для проведения этногенетических исследований несколько моментов.

Первый момент — это вопрос о начале этногенеза. Этнос возникает лишь на определенном этапе развития человеческого общества. Исходная точка этногенеза восходит к «предкам» этноса, обитавшим в глубокой древности. Советские этнографы отмечают, что следует различать физических, языковых и этнических предков, того или иного народа, тем более, что эти три понятия отнюдь не совпадают. Если речь идет только о физических предках определенной этнической общности, то при наличии достаточных палеоантропологических материалов можно будет углубляться в историю человечества вплоть до ее древнейших этапов. Но физические предки не могут рассматриваться как имеющие непосредственное отношение к процессу этногенеза определенной этнической общности.

Поиски языковых предков того или иного народа явно обречены на неудачу, так как на ранних этапах истории человечества языки многих этнических общностей еще не сложились. Формирование этих трех понятий — явление разного времени. Следует

помнить, что этнос — это социальное, а не биологическое явление, он является результатом определенного развития человечества. И в период его становления, и позже в силу исторических причин в него входят все новые и новые компоненты, следовательно, нет народа в мире, который не был бы многокомпонентным. В этом плане история сложения узбекского народа является ярким образцом. От истоков своего формирования вплоть до оформления как народности он впитал в себя немало древних автохтонных протонародов и пришлых с северо-востока родоплеменных групп — приток последних в район Мавераннахра происходил длительное время в разной степени интенсивности.

Второй момент. Проблема этнической истории любого народа, как полагают этнографы, требует начать изучение процесса сложения этнической общности с начала ее формирования. Возникновение, развитие, трансформация этнических общностей — это цельный общеисторический процесс, который, начавшись в глубокой древности, продолжается и в наши дни (Крюков и др., 1978, с. 5—6).

Один из важнейших этапов истории этноса — завершение процесса формирования этнической общности. Этнографы, проводя конкретные этногенетические исследования, разделяют этническую историю народа на два периода: собственно этногенез, когда народ как таковой еще не сложился, и последующую этническую историю, когда народ уже сформировался. Если народ сложился, то вошедшие в него позже этнические компоненты не меняют общей картины основного процесса этногенеза и не оказывают большого влияния на окончательное формирование народа. Так, процесс становления узбекского народа, на наш взгляд, завершился в XI—XII вв., но потом в его состав вошли новые этнические компоненты. Например, в начале XIII в. в период монгольских завоеваний, затем в начале XVI в. в связи с походами Шейбанихана на территорию Средней Азии в области Мавераннахра из районов Дашти-Кипчака пришла вместе с древними тюркоязычными народами большая группа тюркоязычных племен монгольского происхождения. Однако их приход не изменил общей картины основного процесса этногенеза узбекского народа. Племена, пришедшие и осевшие в долинах Зарафшана, в Кашкадарье, в Сурхандарье и прилегающих к ним районах, до недавнего времени оставались отдельными этнографическими группами с ярко выраженным физическим обликом, тяготевшим к южносибирскому антропологическому типу (Ошанин, 1957—59).

Третий момент. В изучении этнической истории любого народа надо обращать внимание не только на начальный этап развития этнической общности, но и на последующие, при этом выявляя важные признаки этноса и этнообразующие факторы.

Общеизвестно, что в советской исторической науке давно обоснована иерархичность, таксономическая неравномерность признаков этнической общности. Основными признаками этноса счита-

ются: *общность языка, общность культуры, общность этнического (национального) самосознания* и др. Археолог В. Ф. Генинг пишет, что этнические признаки, в отличие от этнообразующих факторов, своим вторичным характером имеют конкретное, этническое содержание (Генинг, 1970, с. 23). К числу этнообразующих В. Ф. Генинг относит объективные факторы — общность территории, единство социально-экономической структуры, которые, по его убеждению, обусловливают рождение этнических отношений и этнического сознания.

Этнографы Л. П. Лащук и П. К. Козлов считают, что язык — это важное условие формирования этнической общности (Лащук, 1967, с. 80), что он является не только этнообразующим фактором, но и этническим признаком (Козлов, 1969, с. 26—28). Однако большинство этнографов не считает язык этнообразующим фактором и видит в нем лишь этнический признак (Крюков и др., 1978, с. 4). Из числа этнических признаков наибольшее значение этнографы придают этническому самосознанию. Так, В. В. Мавродин считает, что два фактора определяют народ как этническое понятие: общность языка и единство сознания всех людей, говорящих на данном общем языке (Мавродин, 1947, с. 89).

Таким образом, при изучении проблемы этногенеза и этапов его развития необходимо уделять большое внимание выявлению этнических признаков и этнообразующих факторов, что позволяет правильно ориентироваться в этногенетических исследованиях.

Четвертый момент — комплексный подход к использованию данных ряда смежных наук, который является непременным требованием к изучению этногенетических процессов (Крюков и др. 1978, с. 11). Для решения проблем этногенеза необходимо знать соотношение и особенности используемых источников, среди которых материалы палеоантропологии, археологии, этнографии, письменных памятников, лингвистики, эпиграфики и др.

Антропологические данные позволяют уверенно говорить о преемственности древнего населения на определенной территории. Антропология фиксирует результаты смешения различных этнических групп.

Археология предоставляет исследователю этногенеза данные, характеризующие культуру. Фиксируя появление новых элементов в культуре, она позволяет говорить и о процессах этнического смещения, определяет этапы развития этногенеза с момента его сложения вплоть до завершения. В изучении этнических процессов археология тесно связана с антропологией и письменными источниками. Так, археологические данные при изучении процессов этнического смещения должны корректироваться палеоантропологическими исследованиями. Данные же антропологии не приобретают научной достоверности без определения возраста палеоантропологического материала путем археологических исследований. Археология не может быть окончательным критерием для выделения этнических общностей, особенно для ранних периодов, на-

пример, для эпохи бронзы. Принадлежность населения к одной этнической общности, обоснованная данными археологии, приобретает ценность только в том случае, когда она согласуется с данными письменных источников и палеоантропологии.

Эпиграфика и письменные источники дают ценные сведения для изучения этногенеза, но они не всегда достоверны и требуют от исследователя этногенеза соответствующего подхода.

Язык является одним из основных признаков этноса и играет огромную роль в формировании этнических общностей. По нему можно судить об истории межэтнических отношений даже для дописьменных периодов истории человечества. Сравнительное историческое и типологическое изучение языков позволяет не только создать полное представление о его формировании, но и дает достаточно надежную основу для установления генетических связей между языками. Поэтому чрезвычайно важно и перспективно проведение лингвистических исследований для изучения этногенеза узбекского народа.

Весьма весомы для изучения проблемы этногенеза *этнографические данные*. Они позволяют проследить преемственность традиций в области материальной и духовной культуры, установить факт этнического самосознания на живом материале, в отличие от археологии, характеризующей культуру по данным раскопок.

Проблема изучения этногенеза неразрывно связана с разработкой общей периодизации этнической истории. Она не может быть изучена в рамках лишь начального периода этнической истории. Поэтому особое значение приобретает изучение этнических процессов и последующих ее этапов вплоть до современности. В этом особенно важно исследование антропологического аспекта современного населения для создания полной картины преемственности.

Советские этнографы считают необходимым при изучении этногенеза народа выяснить в первую очередь три вопроса: является ли изучаемый народ автохтонным или пришлым; сформировалось ли этническое лицо этого народа на единой основе или он представляет собой результат смешения разнородных компонентов; где первоначально сложилось ядро этнической общности данного народа. Поставив перед собой эти вопросы, всегда следует помнить, что тезис о «моногенезе» этнической общности противоречит подлинному историческому процессу развития человеческого общества, и вряд ли найдется специалист, который отрицал бы многокомпонентный характер формирования любого народа.

Исходя из теоретических положений, разработанных ведущими специалистами в области исторической науки, мы наметили некоторые аспекты этногенеза и этнической истории узбекского народа с учетом данных последних лет исследований.

Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии впервые обсуждались на специальном совещании в 1942 г.

в Ташкенте, на котором были поставлены некоторые методологические вопросы их изучения.

Участники совещания на основе анализа имеющихся данных историко-археологического и этнографо-лингвистического характера пришли к единому мнению, что накануне арабского завоевания (VI—VII вв.) в общественно-политической и культурной жизни Средней Азии важную роль играло тюркоязычное население, состоящее из принявших тюркский язык коренных жителей и переселенцев с востока. Проникновение тюркоязычных племен в пределы Мавераннахра, Хорезма, по всей видимости, началось на рубеже н. э. в связи с передвижением юечжийских племен и гуннов. В течение I тысячелетия н. э. шел беспрерывный сложный процесс тюркизации ираноязычного населения в северных и иранизации тюркоязычных племен в южных районах Средней Азии. Вероятно, уже в XI—XII вв. на территории Мавераннахра и Хорезма образовались тюркоязычные народности, получившие впоследствии название узбеков. В этот период здесь уже сложилась определенная группа населения, имеющая общий язык со значительно развитым словарным фондом.

Таким был основной тезис о сложении узбекской народности в начале 40-х годов. Он был общепринят и отражался во всех академических изданиях, посвященных древней истории Средней Азии (Якубовский, 1941; История Узбекской ССР, 1955; 1967).

С тех пор прошло более 40 лет. За это время во всех областях науки осуществлены большие исследовательские работы, результаты которых широко освещались как в специальных, так и обобщающих изданиях. Однако эти исследования, за исключением монографии М. Г. Вахабова «Формирование узбекской социалистической нации» (Ташкент, 1961) и издания Института этнографии АН СССР «Народы Средней Азии и Казахстана» (М., 1962), не носят целенаправленного комплексного этногенетического характера, в них затрагиваются лишь отдельные аспекты и вопросы этногенеза и этнической истории, хотя накопленные за эти годы новые археологические и антропологические материалы позволили бы внести определенные коррективы, уточнения и дополнения в целенаправленное комплексное изучение этногенеза узбеков (Алексеев и др., 1980; Алексеев, Ходжайов, 1982).

За последние 20—25 лет в области археологии сделаны значительные открытия. На основе большого фактического материала внесен целый ряд поправок к историко-археологической периодизации с древнейших времен до позднего средневековья и охарактеризованы основные этапы истории социально-экономического и культурного развития народов Узбекистана.

Широкие археологические исследования в среднем и нижнем бассейнах Сырдарьи, на территории древнего Хорезма, в Ферганской долине, Согде и в долине Сурхана, с учетом данных источников позволяют наметить пути расселения племен и дают представление о формировании их культуры, этническом составе и

процессах ассимиляции и взаимокультурного обогащения древних племен и народов с разным хозяйственным укладом и экономическим базисом.

Антропологи, находясь в тесном контакте с археологами и опираясь на археологические данные в датировке палеоантропологических материалов, определили контуры расселения основных антропологических типов и картину их географического и хронологического соотношения. По данным исследований антропологов, области между Амударьей и Сырдарьей, составляющие основную территорию Узбекской ССР, являются зоной расселения памирофергапской (термин А. И. Ярхо) расы или расы Среднеазиатского междуречья (термин Л. В. Ошанина).

Однако до последнего времени среди специалистов не было единого мнения о месте, времени и путях ее сложения. Результаты антропологических исследований древнего населения Средней Азии, проводившихся в стенах Института археологии АН УзССР с момента его создания, позволяют уточнить и решить многие спорные вопросы ее генезиса (более подробно см. об этом в статье Т. К. Ходжайова, включенной в данный сборник).

Фактические данные свидетельствуют о том, что раса Среднеазиатского междуречья не имеет древнего происхождения, данный тип не выявлен на материалах неолита и бронзы.

В эти периоды в Средней Азии были распространены протоевропеоидный и восточносредиземноморский типы и только начиная с середины I тысячелетия до н. э. на территорию севера Средней Азии постепенно проникают группы людей с монголоидными чертами. Как полагает Т. К. Ходжайов, лишь в последние века до н. э. в северных областях Средней Азии формируется раса Среднеазиатского междуречья — основной тип современных узбеков и равнинных таджиков (Ходжайов, 1981, с. 19, 37—38).

По данным археологии, как раз в последние века до н. э. в районе среднего бассейна Сырдарьи формировалась каунчинская культура (Буряков, 1982, с. 70—80; Филанович, 1983, с. 135—152), которая развивалась на этой территории вплоть до VI в. н. э. На археологическом материале конца III — начала IV в. н. э. довольно четко прослеживается распространение ее влияния на культуру Ферганской долины, древнебухарского оазиса и даже центрального и южного Согда. В IV—V вв. ее элементы появляются в культуре бактрийских владений. По данным антропологии и археологии, основу типа населения Среднеазиатского междуречья составляли, в первую очередь, автохтонное земледельческое и скотоводческое население Средней Азии (хорезмийцы, бактрийцы, саки, согдийцы, жители Чача и древней Ферганы), говорившее на различных диалектах восточных иранских языков, и пришедшие с северо-востока племена, известные под общим названием «тюрки». Значительная часть последних в результате ассимиляции с аборигенами уже в эпоху развитого средневековья потеряли свои давние родоплеменные деления, стали жителями оазисов,

построили города и вели оседлый образ жизни, как и древние аборигены среднеазиатских оазисов.

В исторической науке принято считать, что для формирования этнической общности народа необходимо созревание целого ряда этнических признаков, два из которых, по материалам северных областей Средней Азии, были уже налицо в первой половине I тысячелетия нашей эры. Первый — начало сложения нового антропологического типа, характерного для основного состава населения Узбекистана. Второй — формирование на огромной территории севера Средней Азии этнокультурной общности с единой материальной и духовной культурой в связи с проникновением в глубь Средней Азии новых этнических групп—гуннов, юечжей, затем хионитов, кидаритов и эфталитов. Это наглядно подтверждают археологический и антропологический материалы, особенно конца IV — начала V в. н. э. в связи с распространением влияния «каунчинцев» на материальную и духовную культуру населения Ферганской долины, всего Согда, в первую очередь Бухарского, где под влиянием «каунчинцев» сложилась кызылкырская культура (Ураков, 1982, с. 14—19).

Именно в этот период, по данным письменных источников, проникают в хозяйственную и культурную жизнь согдийцев, хорезмийцев и бактриан юечжийские племена, хиониты, кидариты и эфталиты, которых лингвисты хотя и относят к категории племен ираноязычной группы, однако это утверждение требует более серьезной научной аргументации, как и их тюркоязычная принадлежность.

Антропологически они в основной своей массе относились к представителям европеоидной расы, и нет доказательств, что в физическом облике этих племен, даже у ранних тюрков, наличествовали сильно выраженные монголоидные черты.

Отметим, что если сначала раса Среднеазиатского междуречья в пределах южных областей Узбекистана и Таджикистана в связи с движением кочевых племен юечжийцев формировалась преимущественно в среде городского населения, то начиная с раннего средневековья приток этнических элементов проник и в сельскую среду (Ходжайов, 1981б, с. 311—312), а территория, занятая ее представителями, расширилась до пределов западных областей Туркмении. Эта историческая ситуация раньше многими исследователями связывалась с кризисом рабовладельческой формации и становлением феодальных отношений. На самом деле, как показали результаты широких археологических и антропологических исследований, этот «кризисный» период оказался более связанным с интенсивными этническими процессами, нежели с кризисом.

Согласно письменным источникам, начиная со второй половины VI в., огромная территория Средней Азии была включена в состав тюркского каганата, что активизировало интенсивный приток тюркоязычных племен в глубь Средней Азии (этот процесс освещен в работах А. Ю. Якубовского , С. П. Толстова, М. Г. Ва-

хабова и др.). Если считать рубеж нашей эры начальным периодом формирования этнической общности узбекского народа, то второй этап в этногенезе узбеков, как показывают данные археологических и антропологических исследований с учетом письменных, начинается, на наш взгляд, со второй половины VI в.

Археологически доказано, что уже в этот период древнеташкентским оазисом управляли тюркские туданы и выпускались монеты с портретами маликов Чача и древнетюркскими тамгами (Буряков, 1982, с. 122, 135—137). Последние повсеместно встречаются даже несколько раньше в материалах каунчинской культуры в эпоху Каунчи 1 (Буряков, 1982, с. 73).

Кульминация второго этапа в этногенезе узбеков совпадает с периодом расцвета западного тюркского каганата (VII— начало VIII в.), когда власть кагана широко распространилась по всей Средней Азии и тюркоязычные племена слились воедино с автохтонным населением, говорившим на восточноиранском языке. На этом этапе этногенеза узбекского народа усиливается процесс сближения двух семейств языков и двух укладов хозяйства в основном в северных и восточных областях Среднеазиатского междуречья, что привело к образованию крупных территориальных массивов с господствующим тюркоязычным земледельческим и ремесленным населением.

Арабское завоевание Средней Азии временно приостановило интенсивное проникновение тюркоязычных племен в центральные и южные районы Среднеазиатского междуречья и способствовало ускорению процесса слияния ранних тюркских племен с ираноязычным населением при сохранении тюркского языка, тюркизации даже коренных ираноязычных народов в районах севера Средней Азии (Якубовский, 1941, с. 7—8). Топонимия ряда археологических памятников показывает, что в VIII—IX вв. в северных и северо-восточных областях Средней Азии появляются города с тюркскими названиями (Абрлиг, Намудлиг и др.). В то же время в южных областях Средней Азии происходит обратное явление, то есть иранизация ранее проникшего сюда тюркского населения. Это зависело от того, представители какого народа и с каким языком преобладали в тех или иных областях Средней Азии.

Следует отметить, что в VIII—IX вв. происходит интенсификация формирования основных черт этнической общности народности, которая впоследствии названа узбекской, и именно в этот период закладывается основа двух параллельно развивающихся народностей — узбеков и таджиков, причем *в первой, несомненно, значительный пласт составляет местное тюркизированное население.* Вместе с осевшими здесь с давних времен группами тюркских племен оно и составило *наиболее важный этнический компонент в этногенезе узбеков.*

В связи с образованием карлукского государства в 40-х годах IX в. к востоку от Мавераннахра начался третий этап в этногене-

зе узбеков. Карлуки, значительная группа тюркских племен уже в VI—VII вв. поселились на значительной территории севера Средней Азии и в Ферганской долине. Вместе с другими тюркскими племенами они проникли в южный Казахстан, а также в Ташкентский оазис до бассейна Зарафшана, отдельные их группы — и в Тохаристан (Якубовский, 1941, с. 6, 9). Под натиском арабов правящая знать и богатые кочевые скотоводы тюркских племен ушли за пределы Сырдарьи, но основная масса — бедные слои населения — осталась здесь даже при арабах. Согласно Табари, в VII—VIII вв. основное население Балха, Тохаристана, Бодгиза, Кухистана, Серахса, Чаганиана, Бухары, Чача, Ферганы было тюркоязычным (Ахмедов, 1981, с. 47).

Хотя, по данным письменных источников, между саманидами и государством карлуков и существовала определенная граница, но четкого разграничения в современном понимании этого слова не было, поэтому тюркские племена из северных районов Сырдарьи свободно мигрировали в Мавераннахр. Мирное переселение происходило постоянно, как до арабов, так и при саманидах, в результате чего приток тюркских племен и переход их к оседлому образу жизни в Мавераннахре способствовал интенсивной тюркизации аборигенов (Якубовский, 1941, с. 9) и утверждению тюркской социально-экономической структуры и этнополитической консолидации в пределах наиболее широкого расселения тюркоязычных племен Средней Азии.

Такая историческая ситуация в жизни тюркских племен Средней Азии достигла кульминации в середине IX в. К этому времени в среде тюркской этнической общности усилился процесс феодализации, который сопровождался бесконечными войнами и раздорами между родоплеменной знатью, стремившейся стать независимой от верховного джабгу. Для прекращения междоусобиц необходима была крепкая государственная власть. Такой властью обладало, как отмечает К. Ш. Шаниязов, карлукское государство (Шаниязов, 1964, с. 12—31). Хотя первоначально оно было создано в Семиречье, в восточном Туркестане и северо-восточных районах Ферганской долины, его территория простиралась до берегов Среднего бассейна Сырдарьи. Оно стало той этнополитической основой, на которой в IX—X вв. был заложен прочный фундамент для политической консолидации народности, впоследствии именующейся узбекской.

В соответствии с историко-этнографической ситуацией в этот период проходили процессы образования крупного территориально-географического единства тюркоязычной этнической общности в пределах северного и восточного районов Средней Азии, а впоследствии и центральных областей Мавераннахра. Таким образом, к числу фиксируемых к этому времени этнических признаков можно отнести общность материальной и духовной культуры в определенных крупных территориально-географических областях, единство антропологического типа, общность тюркского языка на

тюргешско-карлукской основе для подавляющей массы населения указанных областей и начало единства тюркского этнического самосознания.

Общность материальной и духовной культуры, территориальное единство в конечном счете должны были сопровождаться и языковой общностью, и общностью этнического самосознания народа, так как отсутствие последних двух признаков помешало бы политической консолидации — существенному условию для завершения этногенеза узбекского народа.

В середине X в. на той же территории утвердилась в качестве продолжения государства карлуков династия Караханидов и в конце X — начале XI в. окончательно овладела всей территорией Мавераннахра. Образование государства караханидов на территории от Кашгара до Амударьи, включая часть Восточного Туркестана, Семиречья, Ташкентского оазиса, Фергану, древний Согд и Бактрию — Тохаристан, явилось фактом окончательного формирования процесса этногенеза узбеков.

С утверждением политической власти караханидов в Мавераннахре произошел и существенный подъем в экономической жизни страны. С одной стороны, усилилось интенсивное проникновение в глубь страны тюркоязычных племен тюрко-монгольского происхождения (Якубовский, 1941, с. 10—11). Исследования антропологов показали, что это новый этап интенсивного притока в Среднюю Азию элементов южносибирской расы (Ходжайов, 1981а, с. 22—26). С другой стороны, в городах Средней Азии наступил значительный подъем экономики. Так, Ферганский Ахсикет, Ташкентский Бинкет и Харашкет, Самаркандский Афрасиаб, Бухарский Пайкент и многие другие стали торгово-ремесленными городами, резиденции феодальной знати были перенесены в сельские районы, где организовывались загородные дачи, которые впоследствии служили местом постоянного жительства состоятельных горожан.

Непрерывный приток тюркоязычных племен с северо-востока в районы Среднеазиатского междуречья и интенсивная ассимиляция их продолжались и в последующие столетия, что способствовало дальнейшему этно-культурному, территориально-экономическому, этно-политическому и языковому развитию узбекского народа. Этот процесс особенно хорошо проявился в правление Хорезмшахов и Тимуридов. Последние создали прочную основу для этнокультурного развития узбекского народа, что привело к утверждению в XIV—XV вв. литературного староузбекского языка — языка Навои и Бабура,— который, видимо, вырос на основе тюргешского народного наречия, укоренившегося еще до XI в. в оазисах Мавераннахра (Вахабов, 1961, с. 34—43), в первую очередь в среднем бассейне Сырдарьи и Семиречье. Это новый этап в этнокультурном развитии узбекского народа, который требует, особенно от историков и лингвистов, проведения глубоких, целенаправленных исследований.

Проникновение даштикипчакских племен в Среднеазиатское междуречье в начале XVI в. не привело к существенному подъему экономики и культуры узбекского народа, хотя отдельные ученые утверждают, что в связи с этим произошло завершение этногенеза узбекского народа (Народы Средней Азии и Казахстана, 1962, с. 91; Учебник этнографии, 1982, с. 276). Как показали данные антропологии, переселение в начале XVI в. большой орды даштикипчакских племен в глубь Мавераннахра не изменило существенно антропологического состава населения этой территории (Ходжайов, 1981а, с. 26—27). Лишь начиная с XVII в. происходили некоторые незначительные изменения уже сложившегося к этому времени расового типа узбеков. С этого времени в долинах Зарафшана, Кашкадарьи, Сурхандарьи, где расселились значительные группы поздних даштикипчакских племен, наличествуют многочисленные этнографические группы, отличавшиеся от основной массы населения Среднеазиатского междуречья более ярко выраженными монголоидными особенностями. Эти группы до национально-территориального размежевания среднеазиатских республик в значительной мере сохранили присущие им антропологические черты. Социально-экономическая и национальная политика социалистического государства создала прочную основу для слияния всех этнографических групп с основной массой узбекского народа. Процесс этот значительно интенсифицировался с момента образования Узбекской Советской Социалистической республики.

Завершая беглый обзор основных этапов истории развития этногенеза и этнической истории узбекского народа, следует отметить, что проблемы этногенеза и этнической истории еще требуют широких целенаправленных исследований. Проблемы эти можно решить при комплексном подходе к объекту исследования, так как без глубокого изучения компонентов этногенеза: этнокультурных, территориально-экономических, этно-политических, языковых и генетико-популяционных — нельзя ожидать существенных результатов.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В. П., Аскаров А. А., Ходжайов Т. К. Некоторые вопросы комплексного изучения этногенеза узбекского народа.— Общественные науки в Узбекистане, 1980, № 11.

Алексеев В. П., Ходжайов Т. К. Организация антропологических исследований по изучению этногенеза узбекского народа.— Общественные науки в Узбекистане, 1982, № 8.

Ахмедов Б. А. О роли письменных источников в изучении этногенеза узбекского народа.— Общественные науки в Узбекистане, 1981, № 12.

Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.

Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. 1973.

Вахабов М. Г. Формирование узбекской социалистической нации. Ташкент, 1961.

Генинг В. Ф. Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970. История УзССР, Издания 1955, 1967 г.
Козлов В. И. Динамика численности народов. 1969.
Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы. Проблемы этногенеза. 1978.
Кушнер П. И. Этнические территории и этнические границы. М., 1951.
Лащук Л. П. О формах донациональных этнических связей.— Вопросы истории, 1967, № 4.
Мавродин В. В. К вопросу о складывании великорусской народности и русской нации.— СЭ, 1947, № 1.
Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1, М., 1962.
Ошанин Л. В. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов. Ч. 1—3. Издание Ереванского Университета. Ереван, 1957—1959 гг.
Токарев С. А. Постановки проблемы этногенеза.— СЭ, 1949, № 3.
Ураков Б. Культура Бухарского оазиса второй пол. I тыс. до н. э. и первой пол. I тыс. н. э.— Автореф. канд. дис... М., 1982.
Поляков С. П.— Учебник этнографии. М., 1982.
Филанович М. И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983.
Ходжайов Т. К. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы. Автореф. докт. дис... М., 1981а.
Ходжайов Т. К. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы. Рукопись докт. дисс... М., 1981.
Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых.— СЭ, 1967, № 4.
Шаниязов К. Ш. Узбеки-карлуки. Ташкент, 1964.
Шелеков Г. В. Общность происхождения — признак этнической общности.— СЭ, 1968, № 4.
Якубовский А. Ю. К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент, 1941.

Б. А. Ахмедов

ЗНАЧЕНИЕ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ В ИЗУЧЕНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ УЗБЕКОВ

К числу проблем, которые предстоит разработать советским историкам, можно отнести научную разработку вопросов этногенеза и этнической истории узбекского народа.

К настоящему времени историками, археологами, антропологами, этнографами, источниковедами, лингвистами, фольклористами, географами и другими специалистами в этой области проведена определенная работа, накоплен значительный фактический материал как вещественный, так и духовный, почерпнутый из разноязычных письменных памятников средневековья. Письменные источники не могут дать исчерпывающих сведений о далеком прошлом человечества — о первобытнообщинном и рабовладельческом строях, о начальном периоде феодального. Основным и достоверным источником информации по этому периоду истории человечества служат вещественные памятники, т. е. памятники материальной культуры, письменные же могут служить основным источником только начиная с периода феодализма.

Тем не менее, некоторые из них, содержащие отрывочные, но весьма ценные материалы о народах, населявших Среднюю Азию

и Казахстан в далеком прошлом, дошли до нас. К их числу можно отнести «Авесту», священную книгу зороастрийцев (VII в. до н. э.— VII в. н. э.), в которой приводятся сведения о Согде и согдийцах, Мерве, Балхе, Хорезме (Яшт 10), о тюрках (tura) и легендарном туранском царе Афрасиабе (гаты; яшт 46, 12 и фравардин яште); сасанидский погодник «Хвадай-намак» («Книга о владыке»), иначе «Худай-нама» («Книга царей»), в котором изложена история Ирана и временно подпавших под его владычество народов и стран с древнейших времен до Сасанидов (226—651). Оригинал «Хвадай-намак» не сохранился. Не дошел до нас и его арабский перевод, выполненный в VIII в. замечательным стилистом, поэтом и переводчиком «Панчататра» («Калила и Димна») Абдаллахом ибн ал-Мукаффой (казнен в 759 г. по приказу халифа Мансура) и известный под названием «Китаб сияр ал-мулук»—«Жизнеописание царей» (Nicholson, p. 348). К счастью, отдельные части «Хвадай-намак» сохранились у Ибн ал-Кутайби (ум. в 889 г.), в его «Уййун ал-ахбар» («Источники преданий») и в широкоизвестном произведении Табари (838—923) «Тарих ар-расул ва-л-мулук ва-л-хулафа» («История пророка, царей и халифов»). Из древнеиранских письменных источников укажем еще на составленные в VI в. труды «Шахристанха-йи Иран»—«Города Ирана» (Liste geographique...)[1] и «Айин-намак» («Книга установлений»)[2], повествующие о городах Ирана и об их основании, о государственном строе Ирана, его административном и военном устройстве (Иностранцев, 1909).

Ценные сведения о саках, тохарах, канка (канглы), их хозяйственной жизни и торговых связях с Индией содержатся в эпической поэме на санскрите «Махабхарата»—«Сказании о великих Бхарате» (составлена во второй половине II тысячелетия до н. э.): «У дверей его (царя Юдхиштхира) среди других народов ожидали саки, тохары и канки, косматые люди со лбами, украшенными рогами, и с руками, заполненными данью: ткани из шерсти, из волокон рангу, из шелковых нитей, из волокон дерева патта (вид тополя), ткани курчавые тысячами, ткани из редких нитей, из хлопка, из овечьего руна, шкуры, нежные на ощупь, длинные мечи с острым лезвием, сабли, железные копья, топорики, другие острые топоры, напитки, разные ароматы, тысячи драгоценных камней...» (Древние авторы о Средней Азии.., с. 133).

Большое значение для изучения социально-политической жизни саков, а также народов, населявших Парфию, Дрангиану (современный Сеистан), Арею (область, охватывающую Западный Афганистан, с центром в Герате), Бактрию, Согдиану, Хорезм и Скифию имеют клинописные надписи из Лидии (Бехистунская надпись), Персеполя, Сузы и Хамадана (Хрестоматия по истории древнего Востока, с. 358—367). Чрезвычайно ценный ма-

[1] Текст издан Блошэ в Париже в 1895 г.

[2] Труд не сохранился до наших дней. Известен благодаря широкому цитированию его арабскими авторами IX—X вв.

териал о древнем населении Средней Азии — скифах, саках, массагетах, бактрийцах, согдийцах, хорезмийцах и др. (о происхождении, быте и нравах, верованиях, общественном укладе и социально-политическом положении) — содержат труды античных авторов: Геродота (484—425 гг. до н. э.), Страбона (64—63—24—23 гг. до н. э.), Эфора (405—330 гг. до н. э.), Помпея Трога (I в. до н. э.—I в. н. э.), Плиния (погиб в 70 г. н. э.), Климента Александрийского (II в. н. э.), Эллиана (II—III вв. н. э.) и др. В рамках одной статьи невозможно остановиться на каждом из них — они вполне могли бы стать предметом специального рассмотрения. Мы ограничимся приведением отдельных выдержек и фактов, представляющих интерес в историко-этнографическом плане.

Геродот («История»): «...Земля к востоку от лысых[3] населена исседонами[4]... С запада Каспийское море ограничено Кавказом, с востока к нему примыкает равнина на необозримом пространстве. Значительную часть этой обширной равнины занимают массагеты, против которых и задумал идти войною Кир... По одежде и образу жизни массагеты похожи на скифов. Сражаются они верхом на лошадях и пешие,— знают оба способа войны; сражаются луками и копьями, вооружены обыкновенно и секирами... Обычаи их таковы: хотя каждый из них женится на одной женщине, но женами они пользуются сообща. По словам эллинов, таков обычай у скифов; на самом деле так поступают не скифы, а массагеты. Если какой-нибудь массагет пожелает иметь общение с женщиной, он вешает колчан свой перед ее повозкой (Древние авторы о Средней Азии, с. 19—21).

Страбон («География»): «Древние эллинские писатели называли все северные народы общим именем скифов и кельто-скифов... Народы, живущие по ту сторону Каспийского моря, назывались одни саками, другие массагетами...

Большая часть скифов, начиная от Каспийского моря, называются даями; более восточные из них называются массагетами и саками; все прочие носят общее имя скифов, но и каждый народ в отдельности называется особым именем. Большая часть скифов, если не все, кочевники.

В состав массагетов и саков входят также атасии и хорезмии... По словам Эратосфена, арахоты[5] и массагеты живут подле бактрийцев, к западу от них вдоль реки Окса...

Массагеты доказали свою доблесть в той войне с Киром... О массагетах говорят, что часть их живет на горах, часть в равнинах, третьи занимают болота, образуемые реками, четвертые — острова на этих болотах...

---

[3] Лысые (агриппаи) — тюркские племена, населявшие в древности лесные предгорья Урала.

[4] Исседоны — народ, обитавший между Уралом и Алтаем.

[5] Арахоты обитали в юго-восточном Афганистане. Здесь помещены по недоразумению.

Массагеты, живущие на островах, питаются кореньями и дикими плодами, потому что у них нет посевов. Одеваются они в древесную кору, пьют сок, выжимаемый из древесных плодов. Живущие в болотах питаются рыбою... Горные жители питаются дикими плодами. Впрочем, они имеют немного овец, которых не режут, сохраняя их для шерсти и молока. Платья их пестро раскрашиваются растительными соками, долго не теряющими своего блеска. Жители равнин, имея землю, не обрабатывают ее, живут мясом овец и рыбою, образ жизни ведут кочевой и скифский. Все эти народы имеют одинаковый образ жизни; их погребальные обряды, нравы и весь житейский обиход сходны; каждый народ в отдельности коварен, дик и воинствен, но в отношениях с другими простодушен и правдив.

...Богом они считают только солнце, в жертву которому приносят лошадей. Хотя каждый из них имеет одну жену, но они пользуются и чужими женами и вовсе не тайно; сообщающийся с чужою женщиной вешает свой лук на повозке... Они — хорошие конные и пешие воины, вооружены луками, мечами, панцирями, медными топорами...» (Древние авторы о Средней Азии, с. 20, 22—23).

«По ту сторону [Окса] живут скифские племена. Персы вообще называют их саками по имени ближайшего племени, древние же писатели — аромийцами. Скифы же сами называют персов хорзарами и Кавказский хребет Кровказским, что означает «чистый снег». Количество скифских народов бесконечно и равняться они могут с парфянами. Знаменитейшие из них саки, массагеты, даи, иссидоны, астаки, румники, пестики, гомодоты, гисты, эдоны, камы, камаки (кимаки), эвхаты, котнеры, псаки, аримаспы, антракаты, хроазы, этаи...» (Там же, с. 126—127).

Эфор («Отрывки из всеобщей истории»): «Овечьи пастухи саки — племя скифов. Они жили в хлебородной Азии, выходцы от справедливых кочевников.

Скифы не предаются наживе, справедливы друг к другу, все имеют общее, женщин и детей и всю семью... Они передвигаются на повозках и питаются молоком. Они не допускают собственности и сообща владеют имуществом и всем. Некоторые из них переправились в Азию и поселились там; их называют саками» (Там же, с. 24).

«Скифы вначале были так же славны, как и могучи; сами они основали Парфию и Бактрию... Скифов всегда считали древнейшим племенем, и о древности они спорили с египтянами» (Там же, с. 25).

Клавдий Эллиан («Разнообразные повествования»): «Кто из саков хочет жениться на девушке, должен вступить с ней в борьбу. Если верх в борьбе остается за девушкой, побежденный борец становится ее пленником и поступает в ее полное распоряжение; только поборов девушку, может юноша взять ее в свою власть» (Там же, с. 23—24).

Геродот («История»): «Царицею массагетов в это время была

вдова умершего царя; называлась она Томирис. Кир через послов пытался было свататься для виду, как бы желая иметь ее своей женой. Но Томирис поняла, что Кир сватается не к ней, а к царству массагетов, и отвергла предложение. Когда хитрость не удалась, Кир двинулся с войском к реке Араксу[6] и открыто начал войну против массагетов; для переправы войска он положил через реку мосты, а на судах поставил башни с переправляющимися воинами.

Когда Кир занят был этой работой, Томирис послала к нему вестового со следующими словами: «Перестань, царь мидян, хлопотать над тем, чем ты занят теперь, ведь ты не можешь знать, благополучно ли кончатся твои начинания. Остановись, царствуй над своим и не мешай нам царствовать над тем, над чем мы царствуем...»

Когда Кир не послушал Томирис, она собрала все войско и напала на него. Мне кажется, сражение это было наиболее жестоким из всех, в которых когда-либо участвовали варвары. Происходило оно, как я слышал, так: вначале оба войска обстреливали друг друга из луков на значительном расстоянии, потом, когда стрелы были истощены, перешли в рукопашную и бились копьями и мечами. Войска долго стояли друг против друга, и ни одна сторона не обращалась в бегство; наконец массагеты победили. Большая часть персидского войска пала на месте сражения, сам Кир был убит. Процарствовал он двадцать восемь лет. Томирис наполнила мешок человеческой кровью и велела разыскать среди павших труп Кира. Нашедши, она погрузила голову его в мешок и, издеваясь над нею, сказала: «Хотя я, вижу, и победила тебя в сражении, но ты причинил мне тяжкое горе, коварством отнявши у меня сына, и я насыщу тебя кровью...» (Хрестоматия по истории Древнего Востока, с. 353—354).

В изучении древней истории Средней Азии, особенно этнической истории населявших ее в прошлом народов, немаловажное значение имеют китайские хроники, в частности широко известные «Исторические записки» Сыма Цяня (конец II — начало I в. до н. э.), «История старшего дома династии Хань» (25—265 гг. н. э.), «История дома Вей» (386—581), «История дома Суй» (581—618) и «История северных дворов» (VII в.), отдельные фрагменты которых в переводе на русский язык были опубликованы выдающимся синологом Н. Я. Бичуриным (1777—1853).

Китайские хроники тенденциозны: как всякое произведение, написанное в условиях классового общества, они отражают взгляды господствующего класса и правителей, являются проводником их агрессивной политики. В них всячески превозносятся щедрость и прозорливость «Сына неба», т. е. китайского императора, которому якобы была присуща «бесподобная доброта»; всячески вос-

[6] По-видимому, речь идет об Амударье.

хваляются «обширность и величие китайского двора», что касается соседних с Китаем народов (усуны, ферганцы, кангюйцы и др.), то они именуются дикарями, варварами, неприятелями, которых следует наказывать за их упрямство, неповиновение и даже за невнимательное отношение к послам Срединной империи. «Западный край (Джунгария, Восточный Туркестан и Средняя Азия — *Б. А.*) совершенно отделен от Китая... Мало было пользы, когда мы приобрели, мало и вреда, когда оставили его. По беспримерной доброте, свойственной нашим государям, мы ничего не требовали от его владетелей: посему-то со времени правления Гяньму, с. 25 г. от Р. Х. Западный край, облагодетельствованный Китаем, всегда желал быть под его зависимостью... Большие владения, как-то Кашгар, Хотан и пр., несколько раз присылали посланников и заложников к китайскому двору, изъявляя желание быть под его зависимостью. Но премудрый государь, глубоко проникая в прошедшее и настоящее, сообразуется с обстоятельствами и, не прерывая связей, не соглашается на невозможное» (Бичурин, т. 2, с. 214). Вместе с тем, составителям хроник не удалось скрыть агрессивную сущность внешней политики своих «добрых», «щедрых», «прозорливых» и «премудрых» правителей: «Сын неба решился наказать Давань (Фергану.—*Б. А.*). Если, говорил он, мы не можем покорить небольшое владение Давань, то Дахя (Бактрия, Маргиана и степное пространство, населенное даями.—*Б. А.*) и другие владения потеряют уважение к нам; даваньских аргамаков никогда не получим; а Усунь (народ, обитавший в верховьях Сырдарьи и в Семиречье.— *Б. А.*) и Луньту с пренебрежением будут провожать китайских посланников и мы сделаемся посмешищем для иностранных государств» (Там же, с. 164). Делались попытки «наказать» и Кангюй за то, что он «горд, дерзок и никак не соглашается делать поклонение» перед их посланниками (Там же, с. 185). Более сговорчивым «варварам», среди которых было немало согдийцев, тюрков, уйгуров, киданей и других представителей неханьских народов, в целях подчинения и ассимиляции жаловали китайские имена и фамилии (Малявкин, с. 94, 100, 104, 105, 117 и сл.).

Словом, приведенные в китайских хрониках факты наглядно свидетельствуют о том, что народы Западного края, т. е. Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана давали решительный отпор агрессии китайских императоров. Именно об этом говорят слова о том, что «*мало было пользы,* когда приобрели Западный край, *мало и вреда, когда оставили* (выделено нами.— *Б. А.*) его», сетования на непокорность жителей Ферганы и «дерзость» Кангюя; замечание о том, что, «проникая в прошедшее» (т. е. учитывая неудачные попытки подчинения Западного края), правители Китая вынуждены были признать «невозможным» осуществление своих агрессивных замыслов.

Вместе с тем китайские хроники отличаются четкой хронологией (события излагаются строго по годам), конкретны в факто-

логическом отношении (указываются общая численность населения владений, основное занятие населения, расстояние между различными владениями и странами) и, что весьма важно, содержат богатый этнографический материал (сведения о быте, обычаях, нравах и верованиях) о юэчжах (тохарах), усунях, кангюйцах, ферганцах, согдийцах, даях, хорезмийцах и др. Приведем несколько выдержек.

«Большой Юэчжы лежит почти в 3000 ли (ли — 576 м.—*Б. А.*) от Давани на запад, от реки Гуй-шуй (Амударья.—*Б. А.*) на север. От него на юг лежит Дахя, на запад Аньси, на север Кангюй. Также кочевое владение. Следуя за скотом, перекочевывают с места на место. В обыкновениях сходствуют с гуннами. Имеет от 100 000 до 200 000 войска. Во время прежнего могущества своего презирал хуннов. Модэ, по вступлении на престол, поразил юэчжы, а хуннуский Лаошан шаньюй (вождь, предводитель.— *Б. А.*), сын его, убил юэчжыского владетеля [еще в Туркестане.— *Б. А.*] и из... черепа его сделал сосуд для питья. Первоначально дом Юэчжы занимал страну между Дунь-хуан (Ганьсу.— *Б. А.*) и хребтом Цилянь-Шань (название горы в Ганьсу.— *Б. А.*), когда же хунны поразили его, то удалился оттуда, перешел от Давани на запад, ударил на Дахя и покорил сие владение, вследствие чего и утвердил свое местопребывание на северной стороне реки Гуй-шуй. Небольшая часть юэчжыского народа не могла следовать за прочими и осталась в южных горах. Кяны (тибетцы.— *Б. А.*) называли ее малым Юэчжы...» (Бичурин, т. 2, с. 151).

«...Владетель Большого Юэчжы имеет пребывание в городе Ланьшы. Отселе на запад до Аньси 49 дней пути; на восток до местопребывания правителя 6537, до Ло-ян (древний город Иенчжеу, основан в 1109 г. до н. э.— *Б. А.*) 16 370 ли. Народонаселение состоит из 100 000 семейств, 400 000 душ; строевого войска около 100 000 человек. Когда дом Юэчжы был уничтожен хуннами, то он переселился в Дахя и разделился на пять княжеских домов: Хюми, Шуанми, Гуйшуан, Хисйе и Думи. По прошествии с небольшим ста лет гуйшуанский (кушанский.— *Б. А.*) князь Киоцзюкю (Кадфиз.— *Б. А.*) покорил прочих четырех князей и объявил себя государем под названием гуйшуанского (кушанского). Он начал воевать с Аньси, покорил Гаофу, уничтожил Пуду и Гибинь, и овладел землями их. Киоцзюкю жил более 80 лет. По смерти его сын Яньгаочжень получил престол и еще покорил Индию, управление которой вручил одному из своих полководцев. С сего времени Юэчжы сделался сильнейшим и богатейшим Домом. Соседние государства называли его гуйшуанским государем, но китайский Двор удержал прежнее ему название: Большой Юэчжы» (Там же, с. 227—228).

«Давань лежит от хуннов на запад[7], почти за 10 000 ли от столицы прямо на запад. Даваньцы ведут оседлую жизнь, занима-

[7] Имеется в виду местопребывание хана у Хангайских гор, близ р. Орхон, где позже находилась ставка Чингисхана.

ются земледелием, сеют рис и пшеницу. Есть у них виноградное вино. Много аргамаков. Сии лошади имеют кровавый пот и происходят от породы небесных лошадей. Есть города и дома. В Давани находится до 70 больших и малых городов; народонаселение простирается до нескольких сот тысяч. Оружие состоит из луков со стрелами и копьев. Искусны в конной стрельбе. От Давани на север лежит Кангюй, на западе Большой Юэчжы, на юго-западе Дахя, на северо-востоке Усунь, на востоке Ганьми»[8] (Бичурин, т. 2, с. 149).

«Давань. Правление даваньского владетеля в городе Гуйшани (Касане?— *Б. А.*); от Чан-ан[9] в 12 250 ли. Народонаселение состоит из 60 000 семейств, 300 000 душ; строевого войска 60 000... На восток до местопребывания наместника 4 310, на север до кангюйского города Битяни 1 510, на юго-запад до Большого Юэчжы — 690 ли. На севере смежно с Кангюем, на юге — с Большим Юэчжы. Почва земли, климат, местные произведения и обыкновения одинаковы с юэчжыскими и аньсийскими... Даваньцы любят вино, а лошади их любят траву му-су (люцерну?— *Б. А.*)...» (Бичурин, т. 2, с. 186—187).

«Китайские посланники вывезли [из Давани.— *Б. А.*] семена и Сын Неба приказал и му-су и виноград посадить на тучной земле... Виноград и му-су разведены на большом пространстве. От Давани на западе до Аньси, хотя говорят различными языками[10], но в обыкновениях весьма сходствуют и в разговорах понимают друг друга» (Там же, с. 161, прим. 4).

«Усунь[11] лежит почти в 2000 ли от Давани на северо-восток. Это кочевое владение, коего жители переходят за скотом с места на место (Там же, т. 2, с. 150; т. 3, с. 73). В обыкновениях сходствуют с хуннами. Усунь имеет несколько десятков тысяч войска отважного в сражениях. Усунцы прежде были под зависимостью хуннов, но когда усилились, то собрали своих вассалов и отказались от поездок в Орду хуннов.

Кангюй лежит почти в 2000 ли от Давани на северо-запад. Это кочевое же владение, в обыкновениях совершенно сходствует с юэчжысцами; имеет до 90 000 войска. Кангюй смежен с Даванью и по малосилию своему признает над собою на юге власть юэчжысцев, на востоке власть хуннов» (Там же, т. 2, с. 150).

«Кангюйский владетель пребывание имеет в стране Лоюени в городе Битян, за 12 300 ли от Чан-ан. Он не зависит от наместника... Народонаселение состоит из 120 000 семейств, 600 000 душ; строевого войска 120 000 человек. На восток до местопребывания

---

[8] Ганьми — иначе Гюйми — городок в хотанском вилайете Восточного Туркестана.

[9] Столица китайской империи при династии Хань.

[10] Это были разные наречия тюркского языка.

[11] Подразумевается город Чигу, расположенный в 610 ли от Аксу на северо-запад.

наместника 5550 ли. Обыкновения одинаковы с Большим Юэчжы. Кангюй на востоке подчинен хуннам» (Там же, с. 184).

«Янцай лежит почти в 2000 ли от Кангюя на северо-запад. И это кочевое владение; в обыкновениях совершенно сходствует с Кангюем. Войска более 100 000. Лежит при большом озере, которое не имеет высоких берегов. Это есть северное море» (Там же, с. 150).

«Дахя лежит с лишком в 2000 ли от Давани на юго-запад, на южной стороне реки Гуй-шуй. Там ведут оседлую жизнь; имеют города и домы; в обыкновениях сходствуют с даваньцами. Не имеют верховного главы, а почти каждый город представляет своего правителя. Войска их слабы, робки в сражениях. Жители искусны в торговле. Когда Большой Юэчжы, идучи на запад, разбил их, то они поддались Дому Дахя. Народонаселение в Дахя простирается до миллиона, столица называется Ланьшы. В сем городе есть рынок с различными товарами. От Дахя на юго-восток лежит владение Шеньду, иначе Иньду» (Там же, с. 152).

«Юегяньский (Гурганджский.— *Б. А.*) владетель, имеющий пребывание в городе Юегяни, от местопребывания наместника в 6906. от Ян-гуань в 8355 ли. Все помянутые пять владетелей зависят от Кангюя» (Там же, с. 186).

Вряд ли здесь потребуется пространная интерпретация. Приведенные отрывки говорят сами за себя.

Большой фактический материал по древней истории Средней Азии содержат и эпические произведения, такие, как «Сказание о Сийавуше», «Сказание об Аморге и Спаретре», «Сказание о Томирисе», «Сказание о Шираке» и др., повествующие о борьбе саков и массагетов с Ахеменидами за свободу и независимость.

Богатый фактический материал для изучения этнической истории узбеков и других народов Средней Азии содержат арабоязычные, тюркоязычные и персоязычные сочинения средневековья: «Тарих» («История») Ахмада ибн Вадиха ал-Я'куби (ум. в 892 г.), (Ibn Wadhih gui dicitur al-Jagubi); упомянутый выше капитальный труд Табари (838—923), «Худуд ал-'алам» («Границы мира») неизвестного автора (372/982), «Шах-наме» великого Фирдоуси (941—1020), «Асар ал-бакийа ан ал-курун ал-халийа» («Следы, оставшиеся от минувших поколений») Абу Райхана Беруни (973—1048), широкоизвестный «Зайн ал-ахбар» («Украшение истории») Гардизи (сост. около 1050 г.), фундаментальный лингвистический труд «Диван лугат ат-тюрк» («Собрание тюркских языков») Махмуда Кашгари (XI в.), всеобщая история Фахр ад-Дин Мубарак-шаха Мерверруди (вторая половина XII — начало XIII в.).

Прежде всего надо сказать, что во многих из них (Я'куби, Табари, Фирдоуси) тюркоязычное население Средней Азии названо общим именем «тюрк», а страна их, т. е. территория, расположенная к северу от Амударьи,—«Туран». Специального раздела, посвященного вопросам этногенеза и этнической истории, в этих и

других сочинениях нет. Сведения этнографического и социально-экономического характера разбросаны по всему труду, их приходится собирать буквально по крупицам. Только при внимательном изучении всего сочинения от начала до конца исследователь может почерпнуть из них факты, притом очень интересные, о расселении и перемещении целых этнических групп.

Так, согласно Табари (см. разделы о событиях 32/652—53—191/807), в VII—VIII вв. основное население Балха, Тохаристана, Бадгыса, Серахса, Чаганиана, Бухары, Шаша, Ферганы и Баб ал-Абваба (Дербента) было тюркоязычным (Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammad...). Сообщая о нашествии арабов в Мавераннахр под начальством Убайдаллаха ибн Зийада в 54/674 г., Табари упоминает о сражении последнего с тюрками Бухары, во главе которых стояла царица Қабадж-хатун. Чрезвычайно ценны сообщения историка о 2000 отличных тюркских стрелков Бухары, «мечущих деревянные стрелы (нушшаб)», которые увезены были затем в Басру Убайдаллах ибн Зиядом для несения военной службы. Заслуживают внимания рассказы о поражении Са'ид ибн Абд ал-'Азиза, нанесенном ему согдийцами и тюрками в 102/720 г., за что он был смещен с поста наместника Хорасана и прозван Са'ид Хузейна (госпожа Са'ид); кровопролитном сражении Асад ибн 'Абдаллаха с тюрками в Навакете (в области Хутталан), в котором большая часть арабского войска была перебита, а оставшиеся в живых попали в плен; о сражении между арабами и тюрками у селения Сидра (на месте или около нынешней Ахча), в котором на стороне хакана стояли царь ас-Согда, владетель аш-Шаша Курсул, владетель Хутталана Хура-бугру (Хара-бугра), джабгу (князь) и тюрки ал-Хуттала[12]. Таких фактов у Табари много.

Примерно через сто лет эти сведения подтвердил Махмуд Қашгари (род. между 1029 и 1038 гг.). В отличие от Табари и других авторов Махмуд Қашгари в специальной главе привел названия части тюркоязычных племен Центральной и Средней Азии, указал примерные границы их расселения: «По словам некоторых [ученых], граница тюркских городов начинается из Мерв аш-Шахиджехана, потому что Мерв был основан Тонга Алп Эр, т. е. Афрасиабом, отцом Каз, спустя 300 лет после Тахмураса[13]. Некоторые весь Мавераннахр считают страной тюрков. Он начинается от Йанканда[14] (Бартольд, с. 235)... Весь Мавераннахр, [т. е] земли, расположенные от Йанканда до Востока, считали тюркскими городами на том основании, что названия Самарканда — Самизканда, Шаша — Ташканда, Узканда и Тункандэ тюркские. «Канд» по-тюркски означает город. Эти города построили они и назвали они. Называются так и поныне. После того,

[12] Мы пользовались рукописью В. И. Беляева.

[13] Второй представитель древнеперсидской династии Пишдадидов.

[14] Йанканд, по-видимому,— Янгикент, зимняя резиденция царя гузов, расположенная в устье Сырдарьи, на расстоянии фарсаха к югу от нее.

как здесь возобладали фарсы, они стали похожими на аджамские города. Нынче граница тюркских областей проходит по Абескунскому (Каспийскому) морю, от Рума и Узженда до Чина (Китая). Протяженность его 5000, ширина 3000 фарсахов» (Махмуд Кашгари, с. 164). Из тюркских племен Кашгари упоминает следующие (с запада, т. е. Рума, на восток, т. е. Чина): бажанак (печенеги), кипчак, огуз, йамак, башгырт, басмил, кай, йабаку, киргиз; (с юга на север): чигил, тухси, йагма, играк, жарук, жумул, уйгур, тангут (Там же, с. 64).

Важное значение имеют приведенные топонимы «окуз», «икки окуз», «узуканд», «хузар», «йабаку» и др. «Окуз», по словам Кашгари,— это название, данное рекам Джейхуну и Ефрату. Огузы употребляют его для обозначения долины Банакат. Кочевая часть огузов обитает по обоим берегам этой реки (Окуза). Еще несколько рек, протекающих по стране тюрков, [также] именуются этим названием» (Там же, с. 91). Можно предположить, что Амударья до Александра Македонского носила название «Окуз», и греки несколько исказили его — «Оксус». Что же касается топонима «Икки окуз», то во времена Махмуда Кашгари под этим названием был известен город, расположенный между Ила и Йафиндж. Слово «узуканд» на языке племени аргу означало «город», а «Хузар»— название одного из тюркских городов (Там же, с, 114, 389).

Интересные этнографические сведения о тюркоязычных племенах бажанак, токузгуз, халадж, гузз, халлух (карлук), ягма, хирхыз (киргиз), хазар, тухси, чигил, кимак, хыфчак (кипчак) и др. содержит упомянутое выше анонимное географическое сочинение «Худуд ал-'алам»[15].

Сведения Табари и Махмуда Кашгари о тюркских племенах и родах Центральной и Средней Азии: йамак, киргыз, карлык, чигил. аймур, киник, огуз, кай, урнак, тухси, кара тубут, кимчи, кимак, хазар, кара хазар, кыфчак (кипчак), кужат, бажанак, уйгур, согдак, татар, кара татар, канглы, аргу, гузз, кара гузз, токузгуз, ягма, салгур, йазгыр. аракун, баяндур, играк, баят, тутурга, йабагу, афшар, букдуз, бектили, басмил и др., и расселении их подтверждает Фахр ад-Дин Мубаракшах Мерверруди. У него в частности говорится: «...Ни одна из стран мира ни по величине, ни в широте и обширности не сможет равняться Туркестану. На востоке вилайета тюрков расположена страна Чин, с запада граница Туркестана соприкасается с Румом, с севера она проходит по стене Гога и Магога, а с юга проходит по снежным вершинам гор Хиндустана...

Есть еще вещи, отличающие [жителей Туркестана] от других. Одна из них — тюркский язык, самый хороший и влиятельный после арабского. Нынче стремление людей к овладению тюркским

[15] *Факсимиле с введением и указателями издано* В. В. Бартольдом в 1930 г., английский перевод выполнен В. Ф. Минорским (Лондон, 1937), а персидский текст — Минучехром Сотудэ (Тегеран, 1926) и Сайид Джалал ад-Дином Техрани (1933).

языком [происходит] по той причине, что в прежние времена большая часть эмиров и военачальников были из тюрков; власть находилась в их руках...

И еще. У тюрков была письменность: [они] знали тайны волшебств и небесных светил; обучали детей грамоте. У них было два вида письма: один — сугдский, другой — тогузгузский. В сугдском [письме] было около 25 букв и отсутствовало три: «зад», «за» и «гайн», пишется справа налево. [При этом] буквы не соединяются друг с другом... Тогузгузское письмо... состоит из 28 букв; пишется справа налево; [при этом буквы] друг с другом не соединяются...

Тюрки также умеют слагать стихи — касиды и руба'и...

Племена у тюрков многочисленны. Большая часть их обитает в степи, в разных местах, и кроме зимы, когда степь покрывается снегом, из-за скота никогда на одном месте не останавливаются [долго]. Если кто-нибудь захочет прибрать к рукам все племена, мечта его никогда не сбывается. Но хорошо известно, что каждый состоит при каком-либо племени. Названия их следующие: турк, йамак, киргыз, чигил, анмур, харлух, киник, йаги, салук, халаджж, огуз,... гай,... кай, уран, тухси, тибат, кара тибат, сакулай, кимджи, кимак, хазар, кара хазар, хыфчак, алти гузз, кара гузз, тогузгуз, йагма, аракун, кийак, салтыр, йазгыр, рукур, баяндур, ала йандулик, уйгур, туграк, байат, тутурга, дучитан, суйик, йабагу, афшар, бакриз, бекдили, икба, откук, лу'зутара, урул, лартилик, басмил, ал-Барсхан
р. 37—38, 40—45, 47).

Для изучения этнической истории народов Средней Азии XIII—XV вв. представляют интерес «Джами' ат-таварих» («Собрание летописей») Рашид ад-Дина (1247—1318), «Мульхакат ассурах» («Прибавление к словарю «Ас-сурах мин ас-Сахих» [Джаухари]») Абу-л-Фазл Мухамад ибн Умар ибн Халида, более известного по имени Джамал Карши (род. в 1230 г.); всеобщая история Му'ин ад-Дина Натанзи, известная как «Аноним Искандера» (сост. около 1414 г.), «Зафар-наме» («Книга побед») Шараф ад-Дина 'Али Иезди (сост. в. 1425 г.), «Тарих-и арба' улус» («История четырех [монгольских] улусов») Мирзы Улугбека (1394—1449), и др.

Как видно из данных письменных источников, во владениях Чингисхана (1206—1227) обитало множество тюрко-монгольских племен. По сведениям Рашид ад-Дина, в их числе преобладали племена тюркского происхождения. Такие племена, как джаланр, сунит, татар, меркит, курлаут, таргут, уйрат, тумат, булгачин, теленгут, урянгит и др. только во времена Чингисхана стали называться монголами, а на самом деле по происхождению они были тюрками и «в древние времена каждое из этих племен в отдельности носило [свое] особое прозвище и имя». Их обиталища (юрты) и становища (макам) были в определенных местах. Их внешний облик и язык похожи на внешность и язык монголов, потому

что в то [древнее] время монголы были народом, принадлежащим к тюркским племенам» (Рашид ад-Дин, с. 92). Такие племена, как керант, найман, онгут, тангут, уйгур, бахрин, киргиз, карлук, кипчак были тюркскими, жили обособленно, «каждое в отдельности имело [своего] государя и вождя», тюркские и монгольские племена «по типу и языку были близки» (Рашид ад-Дин, с. 126). Многие монгольские племена (урянкат, конгурат, уряут, хушин, сулдус, илдуркин, баяут, кингит, катакин, салжуит, тайджуит, сиджуит, чинас, мангут, дурбан, дуглат, йисут и др.) во времена Чингисхана, возможно и раньше, отюречились (Там же, с. 153—197).

Труд Рашид ад-Дина, основанный на достоверных источниках (произведения Махмуда Кашгари, Джувейни), а также на официальной истории Чингисхана и его предков («Алтин даптар»—«Сокровенное сказание») и устной информации знатока монгольской старины и преданий Пулада Чжэн-сяня и ильхана Газанхана (1295—1304) (Петрушевский, с. 25—26), является богатым источником для изучения этнической истории тюркоязычных народов Центральной и Средней Азии.

Обширный этнографический материал содержат труды Шараф ад-Дина 'Али Иезди и Улугбека. В «Зафар-наме» приводится перечень 44 тюркоязычных племен Средней и Центральной Азии. Среди них есть такие, которые не упоминаются в числе племен, пришедших в Мавераннахр с Чингисханом и — позже — Шейбани-ханом: токмак, тенкит, шамйан, ганчи, канглы, сайхут, мумак и др. Примечательно, что здесь отдельно упоминаются этнонимы узбек, таджик, казах, в том числе родовые ответвления последнего: чотур казак и хазара казак (Шараф ад-Дин 'Али Иезди, л. 6а, 21а, 42а, 45б, 54а, 68б, 71б, 105б, 119б, 148б, 155а, 258б, 270б, 275б, 277б, 300а, 302а и др.).

Труд Улугбека «Тарих-и арба' улус» интересен данными о появлении термина «узбек» как собирательного имени для всего тюрко-монгольского населения восточной части Дашт-и кипчака задолго до воцарения здесь Узбек-хана (1312—1341) (Ахмедов, с. 34—35).

Для исследования этногенеза и этнической истории узбеков и других тюркоязычных народов Средней Азии в XVI—XVIII вв. мы располагаем большим количеством источников: анонимный труд, составленный в самом начале XVI в., «Таварих-и гузиде, нусрат-наме» («Избранная история, книга побед»), «Шейбани-наме» Камал ад-Дина Бинаи (1453—1512) и Мухаммад Салиха (XVI в.), «Михман-наме-йи Бухара» («Книга бухарского гостя») Фазлаллаха ибн Рузбехана (сост. в 914/1509 г.), «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» Мас'уда ибн Усмана Кухистани (середина XVI в.), широкоизвестные мемуары Захир ад-Дина Мухаммада Бабура (1483—1530), капитальный труд Хафиз-и Таныша Бухари «Абдаллах-наме», «Шаджара-йи тюрк ва могул» («Генеалогия тюрков и моголов») Абу-л-Гази (сост. в 1661 г.), «Тухфат ал-хани»

(«Ханские подарки») Мухаммада Вафа-йи Керминеги и Алимбека ибн Ниязкули-бек ишана (первая половина XVIII в.) и др. В них приводятся не только названия тех или иных тюркоязычных племен, населявших Среднюю Азию в XVI — первой половине XVIII в. и составлявших один из компонентов в этническом сложении узбеков, но и указываются их численность и территории расселения, роль и место того или иного племени в общественно-политической жизни страны и в строе узбекского войска.

Прежде всего надо отметить, что этот компонент, т. е. тюркомонгольские племена, переселившиеся в Среднеазиатское Междуречье из Дашт-и кипчака в самом начале XVI в., по численности был невелик. Согласно «Таварих-и гузиде, нусрат-наме», «Шейбани-наме» Бинаи и «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани», он состоял из 24—26 племен, а именно: кушчи, буркут, найман, уйгур, курлаут, гирайли, кият, конгурат, тангут, ички, дурман, ябагу, хитай (потомки древних киданей), чимбай, шункарлы, шадбаклы, ийджан, каучин, мангыт, джургун, минг, бачкирд (башкырд), маджар, салур казан, ички байри (Таварих-и гузиде, нусрат-наме, с. 276, 285, 287, 288, 325 и др.; Камал ад-Дин Бинаи, л. 1б, 2а, 3а, 4а, 5б, 13аб и др.; Тарих-и Абу-л Хайр-хани, с. 478, л. 218 б, 220а, 220б, 224б, 229б, 230б, 233а). Уже к середине XVI в. число их, по сведениям «Абдаллах-наме» Хафиз-и Таныша Бухари, основного источника по истории Средней Азии и сопредельных с нею стран Востока XVI столетия, достигло уже 40: бахрин, беш юз, дурман, джалаир, кенегес, мангыт, минг, маджар, найман, алчин, арлат, сулдуз, тонгярук, уйгур, халадж, хитай, ширин, утарчи, канглы, катаган, кипчак, конгурат, кият, аргун (аргын), ябу, мугал, саджават, тубайи, тума, кераит, карлук, сарай, турк, уйшин, арлат и др. (Абдаллах-наме). В XVII в., по данным Махмуда ибн Вали, число их превышало пятьдесят. К тем, что приведены в «'Абдуллах-наме», добавлены следующие: буйрак, кырк, курама, дугдак, юз, келечи, узз, кулан аянлы, кука араб, куш аяк, уйрат, булачи (булгачи), мекрит, фулавчи, шабаят, месит и др. (Бахр ал-асрар).

Эти сведения совпадают с материалами «Шаджара-йи тюрк ва могул», «Тухфат ал-хани» и других сочинений. Однако в отличие от остальных в «Тухфат ал-хани» указываются состав некоторых племен и территория их расселения. Так, в позднесредневековый период племена бахрин, етти уруг и джалаириды заселяли Миankалат, кенегесы — Шахрисябз и область, мангыты — в основном Карши, сараи — Хузар, буркуты — Нур, дурмены — Кубадиан, юзы и утарчи — Хисар, Ура-тюбе и Ургут, кырки — Джизак, конгураты — Байсун и Куштут и т. д. Автор приводит очень интересные сведения о роде йабу (из племени етти уруг), кочевавшем между селениями Туркестани и Шахарак в Миankале в тумане Самджен, о родах шади и мерке из племени юз, обитавших в Ургуте и Хисаре (Тухфат ал-хани, л. 63б, 69б, 106а, 107а, 120б и др.).

В источниках XVI —XVII вв. («Абдуллах-наме» Турды Фарати) говорится о разделении узбеков на 92 рода. В ряде сочинений:

«Маджму' ат-таварих» («Собрание историй») ферганца муллы Сайф ад-Дина Ахсикети (XVI в.), «Насаб-наме-йи узбек» («Генеалогия узбеков») и «Асами-йи навади ду фирка-йи узбек» («Названия девяноста двух узбекских родов»), а также в «Тухфат ат-таварих-и хани», составленных в прошлом столетии, приводятся их названия.

В «Маджму' ат-таварих» (ркп. ЛО ИВ АН СССР, инв. № 667) они приведены в такой последовательности: минг, юз, кырк, джалаир, сарай, конгурат, алчин, аргун, найман, кыпчак, калмак, чакмак, кыргыз, кырлик, тюрк, туркман, баявут, бурлан, шамарчик, кабаша (?), нуждин (?), килачи, килакаш, бурат, уйрат, кият, хытай, кангли, урйуз, джуналаучи, куджи, утарчи, фуладчи, джит, джуют, чулчут, турмавут, уймавут, арлат, кераит, онгут, тангут, мангут, джалавут, мамасит (?), меркит, буркут, кият, куралаш, оглан, кары, араб, иладжи (илачи), джибурган, кишлык, гирай, дурмен, табин, тама, рамадан, уйшун, бадай, хафиз, уюрджи, джурат, татар, юрга, баташ, каучин, тубаи, тилав, кардари, санхиян, киргын, ширин, оглан, чимбай, чихил кас, уйгур, анмар (?), ябу, таргыл, тургак, тайит, кохат, фахир, куджалик, шуран, даражат, кимат, шиджаат, авган (Материалы по истории киргизов.., с. 210—213).

В «Насаб-наме-йи узбек: минг, юз, кырк, узбек, ункаджат, джалаир, сарай, конгурат, алчин, аргун, найман, чакмак, азак, калмак, тарлык, тудак, бурлак, самарчик, кипчак, келечи, кинакаш, буйрак, урат, кият, хитай, тункли, узжулавчи, койчи, утаджи, булатчи, джуйут, джат, чилчут, бувмаут, уймаут, арлат, кераит, ункут, танкут, мангыт, чалчувут, месит, меркит, буркут, кийат, курлас, укалан, кары, араб, илачи, жубурган, ташлык, керай, туркман, дурман, табин, тама, рамадан, муйтан, уйшин, бадайи, хафиз, киргиз, мажар, кучалык, сауран, бахрин, уйрис (уйрас), жубрай, бидай, татар, табаш, мичкир, сулдус, тубан, тилав, кирдар, биктийа, каркын, ширин, оглан, курлат, баглан, чимбай, чехил кас, уйгур, агар, ябу, таргыл, тургак, кохат (Насаб-наме-йи узбек, л. 183 аб).

Несколько иной список приведен в «Асми-йи навади ду фирка-йи узбек»: минг, юз, кырк, онг, ункаджат, джалаир, сарай, хитай, кипчак, найман, чакмак, урмак, тудак, бустан, самарчик, калмак, карлык, катаган, арлат, аргун (аргын), барлас, буйтай, кенегес, келачи, буйрак, уйрат, кийат, конгурат, канглы, уз, джулавчи, джусулавчи, каджи, утарчи, курлавчи, джуйут, джид, чулчут (чилчут), буйазит, уймавут, кераит, баган, ангыт, тангут, мангыт, меркит, буркут, маду, кият, укалан, алчин, кары, гариб, шеберган, кышлык, туркман, дурман, табан, там, табин, рамадан, митан, уйшун, буса, хафт, кыргиз, татар, бачкыр, сулдус, килавчи, дужар, джурат, бадаи, оглан, курлавут, чимбай, мехди, чилкас, уйгур, агаркур, нукуз, кара тушлуб, ябу, таргыл, кохат, шауран (сауран), ширин, тама, бахрин, керай, сатхийан, мугал, каян (Асами-йи навади ду фирка-йи узбек, л. 132 б — 133а).

Есть еще один список, заимствованный Н. В. Ханыковым из

«Насаб-наме», несколько отличающийся от приведенных как по составу, так и по численности: мангыт, минг, юз, кырк, унг, ункачит, джилаир, сарай, кунград, яльчин (алчин), аргун, найман, кипчак, чичак, уйрат, калмак, кара-ту (карлык?), бурлак, буслак, самарчин, катаган, галячи, кинагаз, бутряк, узой, кабат, хитай, канглы, уз, чуплячи, тупчи, утарчи, упулячи (упулавчи), джулун, джид, джуют, чилджуют, буймаут, уймаут, аралат, киреит, унгут, кангыт, халяуат, масад (месит), муркут (меркит), буркут, куралас, углан, кары, араб, илячи, джуляган, кишлык, гедой, туркмен, дурмен, табын, тама, риндан, мумин, юйшун (уйшун), берой, хафиз, киргиз, юйручи, джуйрат, бузачи, сихтиан (сахтийан), бяташ (бияташ?), ягрын, шулдур, тумай, тилеу, кырдар, киркин, углан, гурлят, иглан, джимебай (чимбай), чилькясь, уйгур, агыр, ябу, наргил, юзак, кахет (кохат), начар, куджалык, бузан, ширин, бахрин, тюмя (тама), никюз (нукуз), мугал, каян, татар (Хаников, с. 58—63).

В данной работе мы обратились лишь к некоторым данным письменных источников, затрагивающим этническую историю узбекского народа. При этом сослались лишь на некоторые из этих памятников. Они многочисленны и хранятся как в Собраниях СССР, так и за рубежом. Многие из них все еще ждут своего исследователя. Они содержат бесценные сведения не только о расселении и численности тюрко-монгольских племен Центральной и Средней Азии, но изобилуют фактическим материалом, характеризующим также общественный уклад и образ жизни этих племен в далеком прошлом.

ЛИТЕРАТУРА

'Абдаллах-наме, ркп. ИВ АН УзССР, № 2207.

Асами-йи навади ду фирка-йи узбек, ркп. ИВ АН УзССР, № 4330/III.

Ахмедов Б. А. Улугбек и его исторический труд «Тарих-и арба' улус».— В сб.: Из истории науки эпохи Улугбека. Ташкент, 1979.

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. 1. М., 1963.

Бахр ал-асрар, ркп. биб-ки «Индиа Оффис» (Англия), № 575.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Редакция текста, вступительная статья и комментарии А. Н. Бернштама и Н. В. Кюнера. В 3 т. Москва, 1950—1953.

Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н. э.— III в. н. э.). Хрестоматия. Под ред. Л. В. Баженова. Ташкент, 1940.

Иностранцев К. А. Сасанидские этюды. Спб, 1909.

Камал ад-Дин Бинаи. Шейбани-наме, ркп. ИВ А НУзССР, № 844.

Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. Новосибирск, 1974.

Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1, М., 1973.

Махмуд Кашгари. Диван лугат ат-тюрк. Т. 3. Перевод и подготовка к печати С. М. Муталлибова. Ташкент, 1963.

Насаб-наме-йи узбек, ркп. ИВ АН УзССР, № 3386.

Петрушевский И. П. Рашид ад-Дин и его исторический труд.— В кн.: Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. 1, кн. 1.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. 1, кн. 1. Перевод с персидского А. А. Хетагурова. М.—Л., 1952.
Таварих-и гузиде, нусрат-наме. Исследование, критический текст, аннотированное оглавление и таблица сводных оглавлений А. М. Акрамова. Ташкент, 1967.
Тарих-и Абу-л-Хайр-хани, ркп. ЛО ИВ АН СССР.
Тухфат ал-хани, ркп. ИВ АН УзССР, № 2604.
Хаников Н. В. Описание Бухарского ханства, С-Пб, 1843, с. 58—63.
Хрестоматия по истории древнего Востока. Под редакцией академика В. В. Струве и Д. Г. Редера, Москва, 1963.
Шараф ад-Дин 'Али Иезди. Зафар-наме. Подготовка к печати, предисловие, примечания и указатели А. Урунбаева. Ташкент, 1972.
Annalesoguos scripsit Abu Djafar Mohammad ibn Djarir at Tabari cum alliis ed. M. J. De Goeje. Lugduni Batavorum, series I, v. I—IV, 1879—1890.
Ibn Wadhin qui dicitur al-Jaqubi. Historiae. Ed. M. Th. Hautsna. Pars 1. Historiam anteislamicam continens, Pars II, Historiam Islamicam continens, Lugduni Batavorum, 1883.
Liste geographique des villes de l'Iran, par. E. B. Blochet, Paris, 1895.
Nicholson R. A. A literary History of the Arabs, Cambridge, 1962.
Ta'rikh-i Fakhri'd-Din Mubarakshan being the historical introduction to the Book of Genealogies of Fakhrid'd-Din Mubarakshah Marwar-rudi, compiled in A. D. 1206. Ed. from unique Manuscript by Denison Ross, London, 1927.

Е. Е. Неразик

ОБ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ И СРЕДНЕВЕКОВОМ ХОРЕЗМЕ

Советская наука достигла больших успехов в разработке теории этноса. Значительно продвинулось вперед исследование таких проблем, как понятие об этнической общности и ее признаках, отношение этнической общности и экономики, этнической общности и культуры, роли самосознания как важнейшего признака этнической общности и т. п. (Бромлей; Чебоксаров; Токарев; Козлов, 1967; Козлов, 1970; Лащук; Чистов). Развитие теории вместе с дальнейшим накоплением антропологических, археологических и исторических сведений способствует повышению уровня исследования этнической истории населения Средней Азии и, в частности, этногенеза узбеков, одним из компонентов которого являлись, как известно, хорезмийцы. Благодаря комплексному изучению этой проблемы установлено, что уже в средневековье были сформированы основы языка, этническая территория, специфика хозяйства, образ жизни и быт современного населения этого обширного региона (Народы мира). В итоге длительного этнического развития нынешняя Хорезмская область УзССР, где некогда находились центральные районы хорезмийского государства, характеризуется теперь как населенная, в основном, представителями узбекской национальности. В ходе этнической консолидации здесь продолжали, однако, существовать этнографические группы, сохранившие вплоть до конца XIX — начала XX в. своеобразные черты культуры и быта. (Народы мира, с. 169). Наиболее многочисленной из них были сарты, потомки, как известно, коренного оседлого ираноязычного населения, составлявшие тот этнический

пласт, который сложился в итоге тюркизации местного субстрата.

Эта группа, согласно этнографическим исследованиям, сохранялась в ряде мест достаточно компактно, однако исследования Г. П. Снесарева, составившего карту расселения узбеков в конце XIX — начала XX в. на территории Хорезмской области УзССР, показали, что районы, прежде считавшиеся зоной сплошного расселения сартов, заняты узбеками с родоплеменным делением. Их предки появились здесь на разных этапах этнической истории страны, приняв участие в тюркизации аборигенов (Снесарев, 1975, с. 92). Это исследование еще раз подтвердило важное значение огузского этнического пласта в формировании сартов, игнорируя который, по словам исследователя, невозможно решить вопрос об их сложении (Снесарев, 1975, с. 91).

Предметом настоящей работы являются раннесредневековые и средневековые периоды истории Хорезма, когда на территории Средней Азии происходили крупные перемещения тюркоязычных племен, сыгравшие важную роль в этногенезе ее населения.

Поскольку речь пойдет о формировании определенной этнической общности, бывшей, как известно, основным этносоциальным организмом докапиталистических классовых обществ, в той или иной мере нам придется касаться вопроса о ее основных признаках: общности языка и территории, являющихся условием ее сложения; характерных чертах материальной и духовной культуры, психологических особенностях, социально-экономической организации. Наблюдается иерархичность этнических признаков, которые подразделяются на этноформирующие и вторичные, в том числе самосознание (и связанное с ним самоназвание), появляющиеся на заключительной стадии этногенеза и, в конечном счете, оказывающиеся решающими при определении этнической принадлежности населения (Чебоксаров, с. 99; Крюков, с. 56—58). Весьма перспективна для исследования этногенеза разработка в трудах советских ученых теории о типах этнических процессов и факторах, лежащих в их основе и воздействующих на их ход. Например, географические, экономические и государственно-политические факторы — внеэтнического порядка (Бромлей, с. 162—172).

Стержнем этнической истории Хорезма, этногенетических процессов, развивавшихся с глубокой древности на его территории, является взаимодействие ираноязычного населения с полукочевыми жителями степей, тесно окружавшими страну, далеко выдвинутую на северо-запад Средней Азии.

Привлекая в первую очередь антропологические и археологические материалы, а также сведения письменных источников, рассмотрим, как проявлялось это взаимодействие в эпоху средневековья.

Данные антропологии позволяют судить об этнической однородности или смешанности населения, направлении связей и т. п. Палеоантропология Южного Приаралья свидетельствует о посте-

ценном становлении здесь в I—II тысячелетиях н. э. антропологического типа среднеазиатского междуречья, европеоидные расовые черты которого лежат в основе формирования антропологического типа узбеков (Ходжайов, 1970, с. 246). Отмечается, что население Хорезма в II—III вв. н. э. относилось, преимущественно, к восточносредиземноморскому типу. В VI—VII вв. сложились черты, являющиеся переходными к типу среднеазиатского междуречья, ставшего основным в IX—XI вв. (Там же, с 245). Развитие шло по линии брахикефализации; постепенно увеличивалась доля монголоидных элементов, отмечающихся на периферии Хорезма уже в первые века н. э.

Население Хорезма прибегало к искусственной деформации черепа; поскольку ряд исследователей считает ее особым и даже важным этническим признаком (Ходжайов, 1966, с. 60; Гинзбург, Трофимова, с. 101; Ходжайов, 1970, с. 170), остановимся на данном вопросе подробнее.

Постепенно накопившиеся антропологические материалы свидетельствуют о довольно раннем появлении этой особенности в Средней Азии (V—III вв. до н. э.), причем круговая или циркульная и другие типы искусственной деформации первоначально получили распространение в кочевой среде, а затем в оазисах и городских центрах Средней Азии (Ходжайов, 1980, с. 164; Трофимова, 1980, с. 101)[1].

Столь широкая география этого явления ограничивает, по нашему мнению, возможности рассмотрения его в качестве этнического признака. Более перспективным данное направление исследования является для небольшого региона, например, Хорезма.

Представление об антропологическом типе коренного оседлоземледельческого населения страны в античный период дает довольно многочисленная серия черепов из оссуарных захоронений II—III вв. н. э. на городище Кузалы-гыр, относящаяся к восточносредиземноморскому антропологическому типу. На большинстве черепов из некрополя в руинах дворца отмечается затылочно-теменная деформация (Трофимова, 1959). На черепах из одновременных или чуть более поздних захоронений на городищах Куня-Уаз и Канга-кала зафиксирована кольцевая деформация, однако серии эти немногочисленны (Трофимова, 1958, с. 619). Среди населения Гяур-калы Левобережной (городище Миздахкан письменных источников) данное явление существовало вплоть от VIII в. н. э. (Ходжайов, 1970, с. 193).

Кроме того, на Куня-Уазе и Канга-кале, в отличие от Калалы-гыра, представлен метисированный антропологический тип, на

[1] Среди исследователей в этом вопросе нет единодушия. Так, В. В. Гинзбург и Т. А. Трофимова полагают, что затылочно-теменная деформация была типична именно для оседло-земледельческого населения изначально, а лобно-затылочная — для кочевого (Палеоантропология Средней Азии, с 101). Видимо, требуется дальнейшее накопление материалов для решения этого важного вопроса.

европеоидный компонент которого, типичный для оседлого населения Хорезма, наложился монголоидный (Трофимова, 1958, 663). На черепах первых веков н. э. из курганных могильников периферии страны (Тузгыр) деформация отсутствует (Гинзбург, Трофимова, с. 169). Наличие в стране одновременно или в близкие эпохи различных типов исскуственной деформации позволяет предположить неоднородность населения в этническом отношении, которая представляется несомненной на окраинах. Особенно она усиливается в эпоху великого переселения народов, потоком которых в IV—V вв. был захвачен и Хорезм. Этнические различия сказались, возможно, и на обряде захоронений, исследованных на границах земледельческих оазисов Хорезма, среди которых имеются и трупоположения, и трупосожжения, и оссуарные погребения (Сб: Кочевники на границах Хорезма).

Эта неоднородность прослеживается и в дальнейшем. Так, черепа, датированные VI—VIII вв. и найденные в Беркуткалинском оазисе, т. е. в районе, расположенном близ тогдашней столицы страны Кята, характеризуются чертами, переходными к типу среднеазиатского междуречья. На них имеются следы затылочно-теменной искусственной деформации. К сожалению, эта серия немногочисленна (Гинзбург, Трофимова, с. 199). Население городища Миздахкан в это же время еще практикует кольцевую деформацию (Ходжайов, 1970, с. 190).

В Кердере (области в низовьях Амударьи, о которой подробнее речь пойдет ниже), где в наусах Токкалы хоронили, как полагают, хорезмийцев, деформация черепов того же этнического типа, что и в Миздахкане, отсутствует (Ходжайов, 1970, с. 193). Появляются первые сведения об облике собственно кердерцев VI—VIII вв., складывавших кости покойников не в оссуарии, как делали хорезмийцы, а в крупные сосуды. Будучи также европеоидами, они заметно отличаются от хорезмийцев большей брахикранией, обнаруживая сходство с населением Джетыасара № 3 первых веков н. э. (Ходжайов, 1973, с. 76), что соответствует археологическим данным о контактах населения обеих областей.

В IX—XI вв. кольцевая деформация голов обитателей Миздахкана уступает место затылочно-теменной, как и в других районах страны, и лобно-затылочной, практиковавшейся населением Токкалы (Ходжайов, 1973, с. 79).

В XIV в. среди обитателей Ургенча все еще встречались представители древнего восточносредиземноморского типа, хотя и подвергшегося процессу брахикефализации, но существенно не отличавшегося, по мнению исследователей, от антропологического типа калалыгырцев, II—III вв. и современного узбекского населения того же района (Гинзбург, Трофимова, с. 203).

Изложенный материал свидетельствует о том, что затылочно-теменная деформация была присуща хорезмийскому населению больше, нежели кольцевая, в чем мы совершенно согласны с Т. Ходжайовым (Ходжайов, 1966, с. 64). Однако если кольцевая

деформация — результат сознательного действия, то затылочно-теменная может возникнуть из-за длительного пребывания ребенка в колыбели (бешике). Возникает вопрос — закономерно ли относить ее к этническим признакам? Есть одно свидетельство того, что, во всяком случае, для определенных периодов истории страны ее можно считать этническим признаком. Речь идет об известной легенде о происхождении хорезмийцев, приведенной ал-Макдиси в его сочинении. Ввиду важности данного отрывка для нашего исследования, приводим его целиком: «Я спросил: а почему ваши головы отличаются от голов [других] людей? Они сказали: наши древние делали три вещи, которыми они одолевали жителей других стран. Одна из них это то, что они делали набеги на тюрок и брали их в плен, поэтому у них сходство с тюрками и их не узнавали. Иногда они попадали к мусульманам и их продавали в рабство. Тогда они велели женщинам, чтобы они, когда родят, привязывали мешки с песком с обеих сторон головы детей, чтобы головы уширялись (МИИТ, с. 186, сноска 3) и после этого они не обращались в рабство, а тот из них, кто попадал к мусульманам, возвращался в свою область» (МИИТ, с. 186).

Итак, хорезмийцы прибегали к искусственной деформации головы, чтобы отличаться от окружавших их тюрков, как писал автор X в., а X в.— это время правления в Хорезме мамунидов, границы государства которых теснят огузы из присырдарьинских степей, и недалеко то время, когда власть в стране перейдет Шах-Мелику, создавшему на короткое время сельджукско-хорезмийское государство. Огузы настолько часто тревожили границы Хорезма, что на протяжении нескольких столетий сношения с ними составляли главную заботу хорезмийских правителей в их международных контактах. Ниже мы несколько подробнее остановимся на этом в связи с разбором другого вопроса, в данном же случае, учитывая сказанное, сделаем следующие выводы. В легенде, рассказанной ал-Макдиси, отразился истинный смысл обыкновения искусственной деформации головы в средневековом Хорезме, не исключено, что этой же причиной — желанием отличаться от населения окружавших племен — вызвано это явление и в более раннее время. Далее обращает на себя внимание противопоставление «Мы—они» в самосознании хорезмийцев: с одной стороны—хорезмийцы, жители мусульманского государства, с другой — тюрки, которые захватывали в плен и обращали в рабство. Следовательно, население Хорезма в X в. полностью осознавало свою принадлежность к хорезмийской культуре в отличие от тюркоязычного населения периферии. В этом смысле искусственная деформация головы может рассматриваться как этнический признак данного населения. С другой стороны, тот же текст ал-Макдиси может быть свидетельством тюркизации хорезмийцев, проявлявшейся и в других чертах культуры населения, в первую очередь, его языке.

Хорезмийский язык, относившийся к группе восточноиранских, сохранял свое значение не только в качестве письменного, но и разговорного до конца XIII—XIV в. (Лившиц, с. 138).

Арабы застали в Хорезме население, говорившее, по ал-Мақдиси, на непонятном для других языке, употреблявшемся и для ведения документации (Бартольд, 1965, с. 162). Заметим, что остатки документов на хорезмийском языке найдены в замке VII—VIII вв. Якке-парсан (Неразик, 1963, с. 13—14).

Во времена Беруни хорезмийским языком еще широко пользовались при дворе хорезмшахов и в канцелярском делопроизводстве (Гудкова, Лившиц, с. 15). Но в XIII в., как полагают некоторые исследователи, большинство населения было уже двуязычным, и тюркская речь преобладала над хорезмийской. Действительно, Плано Карпини, проезжавший через Хорезм в XIII в., встретил там только команскую (разновидность тюркской) речь (Гафуров, с. 545). Письменным языком, наряду с хорезмийским, уже гораздо раньше, в X—XI вв. или даже в предшествовавшие столетия, являлся арабский, несколько позднее его — и таджикский (Лившиц, с. 203).

Таким образом, в средневековом Хорезме общий для населения предшествовавшего, раннесредневекового периода страны хорезмский язык стал постепенно заменяться двуязычием, причем антропологи констатируют, что «распространение на территории Хорезма тюркского языка не сопровождалось сколько-нибудь значительным изменением антропологического типа» (Гинзбург, Трофимова с. 203). В литературе уже затрагивался вопрос о причинах перемены языка при сохранении антропологического облика и приводились соображения о том, что их надо искать, в первую очередь, в социальных факторах (Алексеев, Бромлей, с. 43). В VI в., время существования в Средней Азии тюркского каганата и инфильтрации значительных групп тюркского населения в местную, в том числе, и хорезмийскую среду, тюркский язык стал постепенно распространяться в Хорезме путем культурно-экономических контактов населения и смешанных браков. Тогда же политическое господство в Хорезме захватили представители тюркоязычного населения — наместники Газневидов, тюрки-сельджуки, в XII в.—Хорезмшахи, также выходцы из тюркоязычной среды. Большую роль в политической жизни страны играли ставленники Турканхатун — матери последнего представителя Великих Хорезмшахов Мухаммеда, происходившей из кипчакского племени канглы.

Есть основания полагать, что в те времена на землях Хорезма осело значительное количество тюркоязычного населения — огузов, кипчаков и др. Уже неоднократно отмечалось, что в XI в. огузам были отведены земли в районе канала Гавхорэ (Бартольд, 1963, с. 360). На территории Каваткалинского оазиса, расположенного в зоне этого канала, встречалась привозная посуда сырдарьинского происхождения (Фонды ХАЭ). В эпоху Хорезмшахов, когда в состав их могущественной державы входили присырдарьинские районы, в стране появились смешанные хорезмийско-огузские и хорезмийско-кипчакские поселения, особенно в левобе-

режном Хорезме, по Дарьялыку, близ столицы Хорезмшахов Ургенча. Укрепленные и неукрепленные, они, видимо, являлись административными и торгово-ремесленными центрами: на обширных территориях, вдоль каналов крупными «гнездами»— группами жилых и хозяйственных построек — располагались дома населения с явными признаками бывшей скотоводческо-кочевнической культуры (Неразик, 1976, с. 128—129). В некоторых поселках зафиксированы следы юрт, а среди находок имеются предметы с тамгами, встречающимися у тувинцев и восходящими, по-видимому, к выделенному в их орнаментике позднекочевническому слою и к кипчакской этнической среде (Вайнштейн, рис. 98, с. 44 и сл.).

В свете изложенных фактов представляет интерес имеющееся в литературе мнение о таких причинах распространения двуязычия, как миграция населения и завоевания. Полагают, что в том случае, когда с приходом нового этноса и при его политическом преобладании хозяйственно-культурная жизнь и способ производства не меняются, местное население сохраняет свой язык. Причинами появления двуязычия могут являться также и большое несходство языков субстрата и суперстрата, значение и количественное соотношение пришлого и местного населения и др. (Алексеев, Бромлей, с. 44 и сл.). Все эти предположения подтверждаются и материалами средневекового Хорезма. В самом деле, трудно представить, что в XI—XII вв. вместе с политическим преобладанием тюркоязычного населения в стране, особенно в приамударьинских районах, где находились важнейшие центры ее древней оседло-земледельческой цивилизации, произошли сколько-нибудь серьезные изменения в хозяйственной жизни населения и способе производства. Основой хозяйства здесь, по-прежнему, оставалось ирригационное земледелие. Иное дело, на периферии Хорезма, особенно в его западных и северо-западных районах, о которых шла речь выше. Население здесь с древних времен было этнически более разнородным, чем в центральных районах, а в хозяйстве гораздо более заметную роль играло скотоводство. На окраинах оседали значительные группы тюркоязычного населения, зачастую преобладающие над аборигенами в количественном отношении. Это, конечно, должно было способствовать распространению здесь тюркского языка, постепенно — по мере тюркизации населения центральных районов Хорезма (особенно после монгольского нашествия),— сделавшегося общим для всего населения страны.

Наряду с антропологическими и лингвистическими данными (а язык обладает наиболее выраженными этническими функциями) прекрасным источником для исследования путей этногенеза могут быть и формы материальной культуры. Сложность состоит в том, что необходимо проследить ее этническую традицию, поскольку в основе развития материальных форм культуры, тесно связанных с естественно-экологическими условиями и социально-экономическими отношениями, далеко не всегда лежали этнические элементы.

Попытаемся рассмотреть соотношение некоторых элементов материальной и духовной культуры с другими факторами на материалах раннесредневекового Хорезма, достаточно хорошо исследованного в археологическом отношении.

VI—VIII вв. н. э. в Хорезме — время становления феодальных отношений, больших перемен в культуре страны. Материальная культура этой эпохи резко отличалась от античной, причем некоторые изменения возникли уже в IV—V вв. Изменился облик жилищ, распространились большие дома-массивы с центральным коридором или двором и многими жилыми и хозяйственными помещениями, подведенными под общую кровлю (Неразик, 1966, с. 82). Интерьер жилых комнат стал иным: вдоль трех или четырех стен тянулась кирпичная суфа, посредине помещался открытый очаг-кострище, на одной из суф устраивался тандыровидный очаг.

Керамика VI—VIII вв. отличается от посуды первых веков н. э. новыми технологическими признаками (светлый мутный ангоб вместо якого красного, вышло из употребления лощение, распространенное в первые вв. н. э., нет росписи). Изменились форма многих типов сосудов, набор керамики. В очень малом количестве изготовлялись чаши и миски, прекратилось производство бокалов и кубков, широко распространились лепные одноручные горшки — или кружки, поскольку их форма близка гончарным сосудам данного типа (Неразик, 1966, с. 82; Неразик, 1959).

К числу существенных изменений, происшедших в культуре Хорезма в раннесредневековый период, нужно отнести полное прекращение изготовления терракотовых статуэток мужчин, столь непременных находок на памятниках античного времени. В слоях IV—VI вв. н. э. (городище Топрак-кала, сельские усадьбы) встречаются совсем иные изображения богов: вместо фигурок в длинных, ниспадающих одеждах с головным покрывалом или накидкой, идентифицирующихся с богиней плодородия Анахитой,— грубые глиняные или алебастровые статуэтки идолов. Одни из них по облику напоминают лепные антропоморфные сосудики с выделенными защипами носом и ушами, изготовленные из плохо промешанной глины. Другие, столь же примитивные,— более крупные фигурки с сильно выступающим налепом — носом. Обычно эти находки связывают с веяниями степного мира, поскольку подобные изображения чаще всего находят в курганах эпохи переселения народов в сармато-аланских и присырдарьинских степях, в Фергане, а также на Северном Кавказе и в Причерноморье (Городище Топрак-кала, с. 112, 117, рис. 55, *2*), хотя они встречаются и в поселениях.

Новые явления в области материальной и духовной культуры Хорезма VI—VIII вв. свидетельствуют об изменениях в жизни страны. Чем вызваны эти изменения, являются ли они отражением этнических перемен, т. е. носят этническую окраску, или объясняются другими причинами?

Есть основания считать, что афригидская культура сложилась

под влиянием пришлых элементов, и автор данной статьи положил немало труда, аргументируя это положение (Неразик, 1964; Неразик, 1968). Накопление нового материала, относящегося к рассматриваемой эпохе, расширило представление о генезисе форм материальной культуры Хорезма эпохи Афригидов, позволив выделить ряд новых аспектов.

Изменение форм материальной культуры в указанное время произошло не только в Хорезме, но и во многих других районах Средней Азии. Так, интерьер жилых помещений в Согде, Уструшане, Фергане, Тохаристане так же, как и в Хорезме, был организован прежде всего Т-образной или Г-образной суфой, нехарактерной ранее для жилищ этих областей (Воронина, 1963; Воронина, 1963; Нильсен; Булатова). Новым и достаточно общим явлением в культуре раннесредневековых среднеазиатских областей стало распространение такой архитектурной формы, как кешк-донжон (при различных типологических вариантах, складывавшихся в разных районах), таких архитектурно-строительных особенностей, как купольное перекрытие и т. п. (Пугаченкова; Нильсен; Неразик, 1976).

В некоторых областях, например, в Согде и Хорезме, отмечается изменение форм и набора раннесредневековой керамики, в частности, распространение кружек, отдельные виды которых восходят к тюркским прототипам (Маршак, 1961, с. 180—185). Однако керамика Согда и других среднеазиатских областей не претерпела в VI—VIII вв. столь решительных изменений, как хорезмийская. Меньшие перемены произошли и в сохранившейся там традиции мелкой коропластики, совсем утраченной, как указывалось, в Хорезме.

Некоторые общие черты в материальной культуре среднеазиатских областей в эпоху раннего средневековья возникли в ходе развития производительных сил при становлении новой, феодальной формации, повлекшего за собой значительные изменения в жизни населения. Но не только эта, хотя и очень важная причина лежит в основе появления столь глубоких новшеств в культуре афригидского Хорезма. Помимо общесреднеазиатских черт (хотя и в местном варианте), в ней наблюдается специфика, происхождение которой не всегда легко объяснить. Так, вопрос об истоках формирования афригидской культуры встал в результате раскопок, вскрывших слои IV—VI вв. н. э. городища Топрак-кала. Изучение материалов из этих слоев, с одной стороны, подтвердило сложившееся ранее представление о путях развития кушано-афригидской культуры Хорезма. С другой, поскольку была возможность проследить от слоя к слою изменения, происходившие на протяжении II—VI вв., выявилось большое отличие материальной культуры и проявлений духовного строя жизни в IV—VI вв. и в предшествовавший период. К концу V—VI в. исчезли многие, характерные для нижнего горизонта городища формы первых веков н. э. Более 40% керамики верхних горизонтов составляет лепная посуда, сре-

ди которой много кружек и горошков. Весьма симптоматично использование в орнаментации керамики зооморфных сюжетов, налепов, прочерченного орнамента. Распространились предметы, свидетельствующие о связях с населением степей (украшения, пряжки) (Городище Топрак-кала, с. 146).

Наибольшее значение для понимания происходящих в то время процессов имеет открытие на городище храма, где объектом поклонения являлись богато украшенные рога барана-архара. Культ барана известен в Средней Азии и сопредельных районах с глубокой древности и в виде пережитка сохранялся там до недавнего прошлого. В пережиточных верованиях это животное является оберегом, в этом его основная функция в качестве объекта почитания. Вспомним хотя бы изображения рогов-оберегов, защищавших жилища и мазары — места упокоения умерших — от злых сил (Снесарев, 1969, с. 315—317). Мотивы роговидных очертаний, претерпевшие эволюцию от реалистического изображения до чисто схематичной орнаментальной фигуры, оказались весьма устойчивыми в искусстве кочевой среды и вошли в орнаментику якутов, бурят, народов Саяно-Алтая и т. д. (Вайнштейн, с. 157—158). Полагают, что мотив рога в искусстве кочевых скотоводов Евразии восходит к стилизованным изображениям рогатой головы горного барана в памятниках эпохи ранних кочевников (Вайнштейн, с. 157).

Б. А. Литвинский, проследивший использование этого сюжета в среднеазиатской древности, показал, что наиболее распространен он был в средс кочевого и полукочевого населения, символизируя фарн — божество власти и могущества, благополучия и процветания, покровителя семьи, дома, народа (Литвинский, 1968, с. 87).

С культурой той же среды связаны найденные на городище и упоминавшиеся уже небольшие идолы, зооморфные сюжеты на керамике, в частности, навершие ручки керамической сковороды в виде головы барана (Городище Топрак-кала, с. 88, рис. 61).

Суммируя эти сведения, можно наметить определенный круг культурных связей кушано-афригидской культуры: сармато-аланский мир, присырдарьинские степи, где в религиозной символике был весьма популярен мотив бараньих рогов (Вайнберг, 1977, с. 39). Этот круг можно, безусловно, расширить. Напомним отмеченные нами ранее центральноазиатские элементы в хорезмийском субстрате, прослеживающиеся по материалам погребений на городищах Куня-Уаз и Канга-кала (Неразик, 1968).

Однако не следует переоценивать значение этих связей, хотя оно, бесспорно, было очень велико. Несмотря на привнесенные извне новшества, отраженные в самом массовом археологическом материале — керамике, основой формирования керамического комплекса эпохи Афригидов все же были традиции предшествовавшего периода. Превалирует эволюция старых форм, сильно изменившихся и огрубевших. Поскольку выше речь шла о городище

Топрак-кала, напомним, что в IV—VI вв. оно из столичной резиденции превратилось в маленький, захолустный городок, благодаря чему могла и должна была измениться культура его обитателей. Аналогичные изменения прослеживаются в керамике других городских центров страны, например, Куня-Уаза, крупного городского центра позднеантичного Хорезма. Причины рассматриваемых перемен заключаются в упадке городских ремесел в период кризиса, наблюдавшегося в стране в указанный период времени (Толстов, 1948, с. 194). На первый план должны были выступить домашние промыслы, тот местный и, по-видимому, во многом родственный окружавшему степному миру субстрат, которому и без влияний извне могли быть присущи те же элементы материальной и духовной культуры, что и его полукочевому окружению.

В период кризиса, вместе с упадком роли городов и городских ремесел в таких скромных поселениях, каким стала Топрак-кала, ярче проявлялись народные языческие верования, в том числе идолопоклонничество и поклонение магическим силам, скрытые в имперский период государственными культами и ритуалами. В этом отчасти можно найти другое объяснение отмеченному выше факту распространения в IV—VI вв. фигурок-оберегов, символике орнаментации керамики.

Данные раскопок городища Топрак-кала иллюстрируют сложность и многогранность проблемы формирования материальной и духовной культуры раннесредневекового Хорезма, при исследовании которой приходится учитывать целый ряд аспектов. Традиционное и новое в ней определяется при сопоставлении стратиграфической колонки данных по городищу с материалами других археологических памятников сложного периода кризиса рабовладельческой формации и переселения народов, причем последнее обстоятельство определили и археологические, и антропологические исследования.

Большая роль пришлых этнических элементов в сложении раннесредневековой культуры Хорезма выявляется и при изучении культуры более позднего периода —VII—VIII вв. Так, установлено, что орнаментация керамики данного времени отражает влияние вкусов обитателей низовьев Амударьи и родственного им населения присырдарьинских степей (Неразик, 1959, с. 260). Некоторые типы лепных горшков Хорезма и Кердера обнаруживают большое сходство как в форме, так и в орнаментации.

Судя по обилию и виду этой орнаментации, отражающей определенные религиозные воззрения (Пещерева, с. 78—108), магические представления занимали в это время значительно большее место в жизни хорезмийцев, чем прежде. В раннесредневековом Согде, напротив, орнаментация лепной керамики стала более скромной, что частично может свидетельствовать об обратном (Маршак, 1965, с. 19). Развитие общественных отношений в Хорезме могло иметь свою специфику: так, общинно-родовые связи в период становления феодализма не ослабевали, а в какой-то

момент укреплялись. Конечно, одних сведений об орнаментике посуды слишком мало для такого ответственного утверждения, но следует вспомнить, что история селькой жилища в той мере, в какой она может служить источником реконструкции социальных форм общества, также свидетельствует в пользу выдвигаемой версии. Выше указывалось, что в VII—VIII вв. в Хорезме распространились крупные жилые дома-массивы, являвшиеся жилищами больших патриархальных семей, в первые же века н. э., судя по размерам и планам домов, семьи были меньше (Неразик, 1976, с. 213—219).

Объяснение этих явлений уводит нас в область взаимоотношений Хорезма и Кердера, возникают новые вопросы, связанные с разницей в уровне развития населения обоих регионов. Установлено, что население Кердера составляли выходцы из присырдарьинских степей, носители джетыасарской культуры (Гудкова, 1963, с. 267; Левина, с. 241). Судя по особенностям форм материальной культуры Кердера, в их создании могло участвовать население и так называемых «болотных городищ».

Кердерцы стояли на более низкой ступени социально-экономического развития, нежели хорезмийцы. Обитание в сильно заболоченной и поросшей дельте обусловило специфику слабо дифференцированного скотоводческо-рыболовецко-земледельческого хозяйства кердерцев, занимавшихся также охотой и домашними промыслами (Гудкова, 1962, с. 78—81). Свидетельство полуоседлого образа жизни кердерцев — следы юрт на территории большого кердерского поселения Куюк-калы, открытые стоянки по берегам древних русел (Неразик, Раппопорт, с. 131—132; Ягодин, 1973, с. 8—11) и т. д. В последнее время следы кочевий кердерцев обнаружены далеко на северо-западе, в Прикаспии и на Устюрте (Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта, с. 292). Определенную роль в возникновении поселений Кердера сыграли хорезмийские купцы и ремесленники, создавшие небольшие колонии, включенные чужеродным телом в местный этнический массив (Неразик, 1966, с. 127). В Ток-кале (Дарсан письменных источников), крупном культовом центре общегосударственного значения, при сравнительно небольшом поселении существовал обширный некрополь, где обнаружены оссуарии с надписями на хорезмийском языке и росписями, запечатлевшими сюжеты похорон и оплакивания покойников и насыщенными зороастрийской символикой (Гудкова, 1962, с. 102—105). Видимо, данная область развивалась под эгидой Хорезма, откуда был воспринят зороастризм и хорезмийский язык, использовавшийся в качестве письменного. Разговаривали же кердерцы на своем языке, «не хорезмийском и не тюркском», как отметил позже Якут.

Чем объяснить, что в Хорезме, стране с развитой экономикой, многовековыми культурными традициями и высокой древней земледельческой культурой, получили распространение вкусы более примитивного в указанных отношениях кердерского населения?

Конечно, в культуре народов, входивших (во всяком случае, в отдельные исторические периоды) в одно государственное образование, не могло не быть общих черт.

Установлено, что кердерское население проникало на территорию собственно Хорезма. Лепная кердерская посуда найдена в целом ряде усадеб Яккепарсанского оазиса, в том числе и в самом замке, при несколько необычных обстоятельствах. Ее находки отмечаются в верхних слоях памятников, когда они по каким-то причинам приходят в упадок. В замке Якке-парсан в VIII в. часть стен срубается новыми обитателями, и вместо жилых помещений появляются большие дворы, где, видимо, содержался скот. Найденные в центральном помещении донжона, торжественно оформленном высоко вздымавшимся над плоской кровлей соседних комнат куполом, остатки рваной, грубой хлопчатобумажной одежды, веревок, плетеных корзинок и войлочных подстилок никак не вяжутся с его пышным архитектурным убранством (Неразик, 1963, с. 716). Сходная картина наблюдается и на соседнем участке Яккепарсанского оазиса, в Безымянном замке, заброшенном, видимо, в начале VIII в. н. э. и приспособленном позднее для временного существования. Здесь также были найдены обломки кердерской посуды. По-видимому, заброшенные земли в низовьях канала с хорошо сохранившимися и почему-то пришедшими в упадок усадьбами могли использоваться в качестве пастбищ скотоводами-кердерцами. Сходная ситуация сложилась в XI в. н. э., когда хорезмшах Харун разрешил огузам поселиться в Хорезме и отвел им земли по каналу Гавхорэ. В первые века н. э. это были земли столичного района Хорезма, расположенные неподалеку от резиденции хорезмшахов Топрак-калы и столицы Хорезма Кята, в X в., с упадком политического и экономического значения Кята, разрушаемого Амударьей и уступившего первенство Ургенчу, они были заброшены. По словам В. В. Бартольда, в соперничестве Кята землевладельцев-дихканов и Ургенча ремесленников победил последний (Бартольд, 1965, с. 170).

Тесные контакты населения обеих областей приводили к смешанным бракам. Можно предположить, что у хорезмийцев было обыкновение брать в жены женщин из Кердера, иначе как можно объяснить вышеотмеченное сходство отдельных форм лепной керамики из Хорезма и Кердера? Сообщение ал-Микдиси об обычае хорезмийцев брать в жены тюрчанок является лишним аргументом в пользу данного предположения.

Однако только политическое превосходство Кердера привело к тому, что более развитое в культурно-экономическом отношении население Хорезма усвоило вкусы кердерцев. Этим обстоятельством, а также беспокойной обстановкой в Хорезме периода становления феодальных отношений, его раздробленностью на крупные отдельные уделы, правители которых самостоятельно чеканили монету (Вайнберг, 1977, с. 98—99), объясняется усиление магических представлений и общинно-родовых связей в хорезмийской

среде. Политическое превосходство Кердера, как показывают письменные источники и археологические данные, действительно могло существовать в начале VIII в. н. э. К этому времени относится междоусобная война в Хорезме между хорезмшахом Чеганом и его братом Хурразадом, вмешательство арабов, поставивших на хорезмийский престол Аскаджамука (II?), сына хорезмшаха, посягательство на трон некоего царя Хамджерда и пр. Перипетии этой борьбы неоднократно обсуждались исследователями, поэтому мы не будем останавливаться на них подробно (Толстов, с. 223—225; Вайнберг, 1977, с. 78—79, 81, 90). Отметим лишь, что одним из лиц, участвовавших в событиях тех лет, как установлено по нумизматическим данным, был некий Хусрав, чеканивший монеты с тамгой в виде трезубца на реверсе и портретом царя в короне, изображавшей двугорбого верблюда — на аверсе. Происхождение короны и тамги связывается с влиянием культуры присырдарьинских степей и является основным доводом в пользу предположения, что Хусрав был правителем Кердера (Вайнберг, 1977, с. 114).

Политическое превосходство Кердера, видимо, было недолгим, так как уже во второй половине VIII в. на монетах вновь появляется традиционная хорезмийская тамга.

В рассматриваемой взаимосвязи Хорезм — Кердер есть и еще один момент, на котором вкратце следует остановиться: стойкое и длительное сохранение кердерской культуры, несмотря на постоянное, начиная с VII—VIII вв., воздействие хорезмийской цивилизации. В послеафригидский период культурно-экономические связи обеих областей стали, судя по археологическим данным, еще более тесными, по крайней мере в IX—X вв. хорезмийская гончарная керамика составляла значительную часть посуды на поселениях Кердера. Тенденции к унификации культуры, помимо общих процессов социально-экономического развития эпохи феодализма, должна была в какой-то степени способствовать исламизация населения Приаралья, сопровождавшаяся обычно сходными явлениями в области материальной и духовной культуры, например, появлением общих типов погребальных обрядов, культовых и иных общественных сооружений (мечетей, ханако, мавзолеев, медресе) и т. п. Полагают даже, что «религии в феодальную эпоху оказывали настолько большое влияние на все стороны традиционно-бытовой культуры, что можно говорить о существовании этноконфессиальных обществ, в которые входили как родственные, так и неродственные народы» (Брук, Чебоксаров, с. 23). Однако эти перемены не привели к стиранию этнической обособленности населения Кердера и Хорезма: и во времена Якута кердерцы сохраняли свой язык — не хорезмийский и не тюркский.

Можно предположить, что корни этой обособленности — в стабильном хозяйственно-культурном типе населения дельты (ХКТ), обусловленном спецификой ее природных условий, в слабости внутренних экономических связей, в застойном характере

производительных сил. Кроме того, имело значение и количественное соотношение хорезмийцев и местного населения. Лишь в XII—XIII вв., по мнению В. Н. Ягодина, кердерская культура полностью поглотилась хорезмийской (Ягодин, 1963, с. 13), однако к этому времени в связи с перемещением дельты Амударьи к западу кердерские поселения постепенно запустели.

Поскольку периоды VII—VIII и IX—XI вв. являются важными этапами в формировании тюркоязычной народности в низовьях Амударьи, необходимо установить этническую принадлежность кердерцев. Согласно одной из выдвинутых версий, «Кердер был

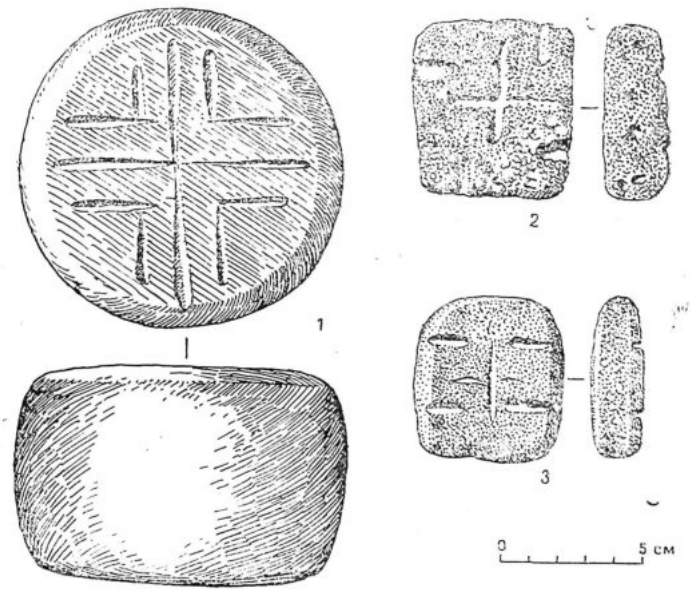

Рис. 1. Поселение XII — начала XIII в. в урочище Сюзанлы. Левобережный Хорезм. *1* — каменный предмет; *2—3* — пластинки из шлака.

огузским владением в низовьях Амударьи, а кердерская культура является культурой огузских племен» (Ягодин, 1971, с. 71), другой,— «носителями джетыасарской культуры (передвинувшимися, как указывалось, в низовья Амударьи,— *Е. Н.*) были «кангюйские» племена, известные в раннем средневековье под названием кангар-кенгрес» (Вайнберг, 1977, с. 115). Сейчас этот вопрос еще далек от окончательного решения, однако бесспорно, что кердерцы сыграли важную роль в сложении огузского племенного союза, особенно на позднем этапе развития кердерской культуры — в IX—XI вв. (рис. 1). В пользу этого свидетельствуют исторические сведения об огузах и их расселении (Агаджанов, с. 72—80). Боль-

шой интерес в этой связи представляет и тот факт, что лепная керамика Кердера, такой выразительный в этническом отношении элемент, с одной стороны, сохранила традиционные формы керамического комплекса на всем протяжении его существования, с другой,— имела сходство с керамикой населения огузских присырдарьинских городищ IX—XI вв. (Ягодин, 1970, с. 58).

Очень важны в рассматриваемом аспекте сведения об элементах семиреченского происхождения, наблюдаемые в орнаменте джетыасарской керамики на позднем этапе развития данной культуры и появление в верхнем горизонте Джетыасара № 3 длинных

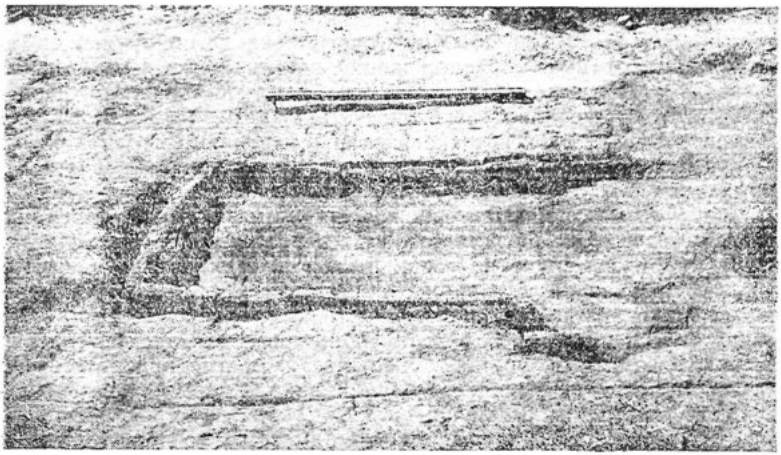

Рис. 2. Яккепарсанский оазис. Хайдартепе (V—VIII вв. н. э.). Каны в одном из помещений усадьбы. На первом плане — печь, сообщавшаяся с жаропроводящим каналом.

очагов-канов. В этой связи представляют интерес результаты раскопок одной из усадеб раннесредневекового Яккепарсанского оазиса Хорезма, названной нами Хайдартепе. На территории усадьбы была открыта жилая комната с П-образной кирпичной суфой, которая ничем не выделялась бы из числа подобных, если бы не наличие очагов-канов, проложенных по ее краю. Источником тепла являлась опущенная в кладку суфы керамическая цилиндрическая печь, в которую открывалось устье жаропроводящего канала, огибавшего суфу (рис. 2.). Похожий очаг с жаропроводящими каналами по краю суфы, датирующийся VII—VIII вв. н. э. и не имеющий местных традиций, обнаружен в верхнем слое Джетыасара № 3. Видимо, к тому же периоду относится и кан из Хайдартепе, поскольку в одной из ям соседнего помещения найдена медная монета Чегана (начало VIII в.), хотя не исключена и более ранняя дата, так как на усадьбе имеется керамика и V—

VI вв., а яма могла быть вырыта в последний период существования усадьбы.

Каны — чужеродное явление в материальной культуре Хорезма, на территории которого до открытия на Хайдартепе они были зафиксированы только раз в слоях XIV—XVII вв. на городище Ташкала (Куня-Ургенч) (Федоров-Давыдов, с. 507—508). Очаги эти центральноазиатского происхождения, и в Средней Азии, где они прошли известную эволюцию, не получили широкого распространения, особенно в ее западных и северо-западных районах. Поэтому есть все основания считать их появление в Приаралье свидетельством культурно-этнических контактов хорезмийцев, опосредованное их сырдарьинскими связями, возможно, минуя Кердер, поскольку там подобные очаги пока не обнаружены. Таким образом, в нашем распоряжении новые сведения о тех центральноазиатских элементах культуры населения Южного Приаралья, которые, по всей вероятности, связаны с перемещением племен в эпоху тюркского каганата, сыгравшего столь важную роль во взаимодействии тюркоязычного и ираноязычного населения на территории Средней Азии.

Сосредоточив внимание на кердерско-сырдарьинско-хорезмийских контактах, мы, разумеется, не исчерпали всего многообразия и глубины культурно-этнических связей Хорезма в эпоху средневековья. Выбор данных районов определяется тем, что их население сыграло важнейшую роль в истории тюркско-огузского племенного объединения, в формировании того этнического пласта, без обращения к которому трудно понять многие проблемы в этническом развитии населения Приаралья. Особые перспективы для исследования протекавших в VII—XI вв. на территории Южного Приаралья процессов заключаются в изучении объединения в рамках одной политико-административной единицы двух различных этносов — хорезмийского и кердерского. В связи с этим появляется возможность исследовать их взаимодействие в плане таких факторов, как становление этнического типа населения, распространение общего языка и особенностей культуры. Специфика основного источника — археологического материала — до известной степени ограничивает эти возможности, предполагая необходимость проследить преемственность культурных форм, выявить традиции и новшества и попытаться объяснить их происхождение.

Мы не стремились проследить развитие культуры на протяжении всей истории населения Хорезма вплоть до времени консолидации тюркоязычной народности в низовьях Амударьи, что можно сделать в отношении языка этнического типа. Пока решение данной проблемы — отдаленная перспектива, хотя уже сейчас установлена преемственность отдельных элементов традиционно-бытовой культуры Хорезма: например, в области расселения или типов народного жилища, т. е. главным образом тех форм, которые в большей степени, чем другие, связаны со стабильным, в данном случае хозяйственно-культурным типом населения.

Исследование отдельных аспектов культурно-этнических связей населения Хорезма приводит к выводу о ведущей роли социально-экономических отношений в происходивших здесь этногенетических процессах и о большом значении политической власти в их регулировании. По мере проникновения разнородных в этническом отношении элементов на территорию Хорезма происходил синтез субстрата и суперстрата. Поскольку пришельцы, как правило, находились на более низком уровне развития, чем местное население, их появление не влекло за собой изменений хозяйственной жизни и способа производства. Местное население сохранило свой язык, но постепенно распространилось двуязычие, чему способствовало то обстоятельство, что в политической жизни страны с XI в. важную роль стали играть тюркоязычные представители степного мира — ставленники Газневидов и Сельджукидов. Как мы видели, тюркизация по языку произошла в конечном итоге быстрее, чем изменение антропологического типа населения, что отмечается исследователями и других среднеазиатских областей, например, Ферганы (Литвинский, 1976, с. 59).

Специфика этногенетических процессов, развивавшихся в Хорезме, по нашему мнению, заложена в особенностях социально-экономических условий в стране, в особых чертах этносоциального организма (ЭСО) в отличие от этникоса, т. е. собственно этноса. Экономика Хорезма времени становления там феодальных отношений характеризовалась относительно слабыми внутренними связями, отсутствием единого рынка, господством натурального хозяйства, при котором каждый из земледельческих оазисов представлял собой замкнутый район, мало связанный с соседними. В каждом из них были развиты деревенские ремесла, удовлетворявшие нужды жителей в керамике, хозяйственных орудиях и других предметах первой необходимости, и домашние промыслы (Неразик, 1966, с. 110—112).

Консерватизм и устойчивость земледельческих общин, опутанных родственными и агнатическими связями, были, по нашему мнению, одним из условий длительного сохранения хорезмийской этнической специфики. В этом заключалось существенное отличие хорезмийских условий становления нового строя и образования тюркоязычной феодальной народности от западноевропейских, где внутреннюю структуру этой этнической общности определяли всецело чисто территориальные, земляческие связи.

В IX—XI вв. развитие феодальных отношений в Хорезме, рост городов, подъем городских ремесел и торговли способствовали распаду этнической однородности населения и включению в него пришлых этнических элементов. Как говорилось выше, антропологические данные свидетельствуют о том, что на окраинах страны ввиду тесных контактов с кочевой и полукочевой округой эта неоднородность была более ощутимой, чем в центральных районах.

Указанные процессы углубились с распространением в эпоху развитого средневековья феодального института икта, причем

тюркизация населения шла усиленными темпами в связи с тем, что служилая верхушка населения стала, видимо, в значительной мере отличаться от основной массы земледельческого населения. К сожалению, письменные источники очень скудно освещают эту область социально-экономических отношений в средневековом Хорезме, но можно не сомневаться в том, что ленные пожалования за военную службу должны были стать заметным явлением в стране в X—XI вв. и особенно в эпоху хорезмшахов, опиравшихся на тюркскую гвардию из представителей кипчакских племен. С ростом новой служилой знати в определенной степени связано падение роли старого дихканства, еще фигурировавшего, как отметил В. В. Бартольд, в событиях времени становления династии Саманидов и борьбы за власть Сельджуков, но уже совсем не упоминающегося в XIII в., в период монгольского завоевания (Бартольд, 1964, с. 249). Система пожалований вела к упрочению этнического суперстрата и способствовала, наряду с другими причинами, сложению в Южном Приаралье новой тюркоязычной народности.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей. 1969.

Агаджанов С. Г. *Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии* IX—XIII вв. Ашхабад, 1969.

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. 1. М., 1963.

Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Соч., т. 2, ч. 2, М., 1964.

Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. Соч., т. 3. М., 1965.

Брук С. И., Чебоксаров Н. Н. Межэтнические общности.— Расы и народы. М., 1970.

Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973.

Булатова В. А. Кува. Ташкент, 1972.

Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы. М., 1974.

Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977.

Вайнберг Б. И. *Удельный чекан раннесредневекового Кердера*. Ташкент, 1977.

Воронина В. Л. Жилище раннесредневековой Средней Азии.— СЭ, 1963.

Воронина В. Л. Архитектура древнего Пенджикента. 1964.

Гафуров Б. Г. Таджики. М., 1972.

Городище Топрак-кала. М., 1981.

Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.

Гудкова А. В. Ток-кала. Ташкент, 1962.

Гудкова А. В., Лившиц В. А. Новые хорезмийские надписи из некрополя Ток-кала и проблемы хорезмийской эры.— ВКФ АН УзССР, 1967.

Гудкова А. В., Ягодин В. Н. Археологические исследования в правобережной части дельты Аму-Дарьи в 1958—1959 гг.— МХЭ, вып. 6. М., 1963.

Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. Ташкент, 1978.

Козлов В. И. О понятии этнической общности.— СЭ, 1967.

Козлов В. И. Этнос и экономика. Этнические и экономические общности.— СЭ, 1970.

Кочевники на границах Хорезма. М., 1979.

Крюков М. В. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза.— Расы и народы, вып. 6, 1978.
Лащук Л. П. О формах донациональных этнических связей.— ВИ, 1967.
Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в первом тысячелетии н. э. М., 1971.
Лившиц В. А. Иранские языки народов Средней Азии.— Народы мира. Народы Средней Азии и Казахстана, т. 1. М., 1962.
Литвинский Б. А. Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968.
Литвинский Б. А. Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы.— История культуры народов Средней Азии. М., 1976.
Маршак Б. И. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII вв.— ТОВЭ, т. 5. Л., 1961.
Маршак Б. И. Керамика Согда V—VIII вв. как историко-культурный памятник. Автор. канд. дис.... Л., 1965.
МИТТ, т. 1, 1939.
Неразик Е. Е. Керамика Хорезма времени Афригидов.— ТХЭ, т. 4. М., 1959.
Неразик Е. Е. Раскопки Якке Парсана.— МХЭ, вып. 7. М., 1963.
Неразик Е. Е. Раннесредневековое государство Афригидов и памятники их владычества на территории Каракалпакии.— Очерки истории Каракалпакской АССР, т. 1. Ташкент, 1964.
Неразик Е. Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966.
Неразик Е. Е. Некоторые направления этнических связей населения Южного и Юго-восточного Приаралья в IV—VIII вв. н. э.— История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). М., 1976.
Неразик Е. Е., Раппопорт Ю. А. Куюккала в 1956 г.— МХЭ, вып. 7. М., 1959.
Нильсен В. А. Архитектура Средней Азии V—VIII вв. Ташкент, 1966.
Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии. М., 1959.
Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958.
Снесарев Г. П. Объяснительная записка к «Карте расселения узбеков на территории Хорезмской области (конец XIX — нач. XX в.)».— В сб.: Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975.
Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.
Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей.— ВФ, 1964.
Трофимова Т. А. Черепа из оссуарного некрополя крепости Калалы-гыр 1 (раскопки 1953 г.).— МХЭ, вып. 2. М., 1959.
Трофимова Т. А. Материалы к палеоантропологии Хорезма и сопредельных областей.— ТХЭ, т. 2. М., 1958.
Узбеки. Исторические сведения.— Народы мира. Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1. М., 1962.
Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки торгово-ремесленного квартала XV—XVII вв. на городище Ташкала в Ургенче.— ТХЭ, т. 2, 1958.
Ходжайов Т. К. О преднамеренной деформации головы у населения Средней Азии в древности.— ВКФ АН УзССР, вып. 4, 1966.
Ходжайов Т. К. Население Миздахкана по данным антропологии.— Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.
Ходжайов Т. К. К антропологии населения Ток-калы (древний Дарсан). Антропология и культура Кердера. Ташкент, 1973.
Ходжайов Т. К. К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент, 1980.
Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых.— СЭ, 1967, № 4.
Чистов К. В. Этническая общность, этническое самосознание и некоторые проблемы духовной культуры.— СЭ, 1972.

Ягодин В. Н. Археологические памятники Приаральской дельты Амударьи. Автореф. канд. дис... М., 1963.
Ягодин В. Н. Археологическое изучение городища Курганча.— В сб.: Средневековые города Средней Азии и Казахстана. Л., 1970.
Ягодин В. Н. Об этническом определении кердерской культуры и ее роли в этногенезе каракалпаков.— ВКФ АН УзССР, вып. 3, 1971.
Ягодин В. Н. Кердерское поселение Курганча (К изучению исторической топографии и хронологии).— Антропология и культура Кердера. Ташкент, 1973.

Ю. Ф. Буряков

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ К ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БАССЕЙНА СРЕДНЕЙ СЫРДАРЬИ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Этническая общность, к ведущим признакам которой исследователи относят консолидацию материальной и духовной культуры, развитие психологического склада и самосознания, язык как средство общения (Чебоксаров, с. 99), формируется на определенной территории и связана единством экономических связей, являющихся важными факторами ее консолидации (Бромлей, с. 162—172).

Большую сложность для исследования представляют этногенетические процессы населения Средней Азии, материальная и духовная культура которого формировалась в условиях взаимосвязей представителей различных расовых типов и хозяйственно-экономических систем, обусловленных оазисной системой расселения. Основоположники научного коммунизма подчеркивали, что «у всех восточных племен можно проследить... общее соотношение между оседлостью одной части и продолжающимся кочевничеством другой части» (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 28. С. 214).

Изучение локальных регионов с их особенностями комплекса материальной культуры, прослеживаемого в динамике развития, позволяет проследить генезис этнических групп.

Одним из ключевых районов в этнической истории населения Средней Азии является бассейн Средней Сырдарьи. Древний Яксарт (Сырдарья), по мнению исследователей,— мощный ретранслятор культур от Приаралья до Ферганы.

Важным центром его были бассейны рек Парака (Чирчик) и Илака (Ахангаран), в которых складывалось комплексное хозяйство и земледельцев долин, и скотоводов адырно-предгорных районов.

На севере границы этого района простирались до Тараза и Отрара (Кляшторный, с. 158; Агаджанов, с. 68), на западе его территория включала пастбища левобережья Сырдарьи, на юге— горные отроги Чаткала и Кураминского хребта, известные в древности как интенсивно разрабатываемые месторождения серебра, золота, цветных металлов и бирюзы.

Здесь, в контактной зоне земледельцев и скотоводов, активно протекали сложные этногенетические процессы, носившие двойственный характер. С одной стороны, расположение территории способствовало непрерывному вливанию — и в порядке оседания, и путем вторжения — новых групп скотоводов. С другой, консолидация государства, экономическая интеграция региона способствовали трансформации этнических групп, формированию единой этнической общности. Письменными источниками процесс этот освещен недостаточно и противоречиво. Материал для его объективной характеристики дают археологические исследования.

Объективная характеристика хозяйственно-культурного комплекса, представляющего тот или иной этнос, археологическим методом может быть получена лишь на основе совокупного изучения всех объектов материальной культуры. Комплексное изучение региона позволило выявить 742 памятника материальной культуры древности и средневековья, включавшие 531 городище и поселение, 120 разнохарактерных погребальных комплексов, 90 рудных и производственно-металлургических центров, представляющих обширный материал для характеристики уровня хозяйственно-экономической системы, материальной и духовной культуры, эволюции антропологического типа населения региона в динамике развития от I тысячелетия до н. э. — до XIII в. н. э. (Буряков, 1982).

По данным письменных источников, в середине I тысячелетия до н. э. бассейн Средней Сырдарьи населяли племена, относившиеся к пастушеско-скотоводческому сакскому кругу. Они носили название «заяксартские саки, которые за Согдом». Интересна точка зрения И. Гершевича, который, сравнив данные античных авторов и Авесты, отмечает, что и те, и другие выделяют группу саков, варящих хаому, и туров, располагавшихся в районе озера Чаечаста. Название последнего он сравнивает с Чачем, озеро отождествляет с Аральским морем и в бассейне Сырдарьи от Ташкентского оазиса до Арала расселяет могучих туров (Gershevitch, p. 54—55).

В предгорной части оазиса вскрыто сакское погребение, по составу находок связываемое с племенами тазабагьябского круга (Древности Чарвака, с. 36—41). Этнический тип, по определению Т. К. Ходжайова, мезокранный, европеоидный, напоминающий андроновский, генетически связывается с северными районами Средней Азии и Южного Казахстана (Ходжайов, с. 101—102).

Археологическими исследованиями в западной части оазиса, низовьях Чирчика и Ахангарана, саях междуречья и частично в среднем течении Чирчика выявлена земледельческая культура, названная по месту первой находки Бургулюкской (Тереножкин, 1940; Он же, 1950; Дуке). Она представлена открытыми (за исключением поселения 1 на Туябугузе) поселениями различных размеров от 50×60 м (Шаштепа) до 250×100 м (Туябугуз) с жилищами в виде полуземлянок овальной (в одном случае под-

прямоугольной формы), изредка с каркасной столбовой конструкцией стен, пристенными и напольными очагами, хозяйственными ямами. Иногда вдоль стен выявляются сырцовые суфы. Домашняя утварь представлена в первую очередь лепной круглодонной керамической посудой ограниченного количества форм: крупными лепными горшками-котлами с ручкой-уступом и носиком-сливом, полусферическими мисками, чашами и жаровнями. Некоторые сосуды сформованы на матерчатом шаблоне. Небольшая часть их украшена росписью (Дуке, с. 44—51). Металлические орудия труда представлены набором бронзовых орудий сельскохозяйственного назначения и оружия. В жилищах и около них найдены литейные очаги и обломки глиняных одноразовых форм для выплавки способом «утраченной модели», характерным для сакского времени (Копылов, с. 291—299).

Наличие сельскохозяйственных орудий — бронзового и каменного серпов, зернотерок-курантов, выявление полей близ селений свидетельствуют о занятии населения земледелием, носившим, вероятно, лиманный характер с начальными элементами искусственной ирригации, о чем говорит топография поселений, располагавшихся преимущественно в заболоченных низменных долинах рек. В остеологическом материале поселения преобладают кости коров, меньше лошадей и овец, т. е. жители их в основном занимались разведением крупного рогатого скота, связанным с оседлым скотоводством.

Таким образом, середина 1 тысячелетия до н. э. отмечена сосуществованием скотоводческой и земледельческо-скотоводческой культур, последняя из которых аналогична, с одной стороны, земледельческой культуре Ферганы, с другой — скотоводческим культурам Семиречья и Южного Казахстана. К сожалению, у нас пока отсутствует антропологический материал носителей бургулюкцев, однако материальная культура их и скотоводов сакоусуньского круга имеет много общего. Специфические особенности этой культуры Х. И. Дуке и А. А. Аскаров объясняют изменением хозяйства и образа жизни в связи с оседанием степных племен (Дуке, с. 88—89; Аскаров, Буряков, с. 9).

Значительные изменения в археологическом комплексе региона отмечаются для первых веков до нашей эры. По наименованию городища Каунчи, первого памятника в этом районе, раскопки которого начались в середине 30-х годов, комплекс получил название каунчинской культуры (Григорьев, 1940; Он же, 1948).

Анализом ее занимался ряд исследователей. В процессе изысканий частично менялась хронология культуры (Тереножкин, 1940 а, Толстов, 1946), интерпретация, количество и датировка этапов (Левина, с. 90—189; Буряков, 1982, с. 70—80; Филанович, с. 141—152).

Для нас важно подчеркнуть сложный характер этой культуры. В ней есть отдельные элементы бургулюкской, свидетельствующие, что носители последней участвовали в сложении комплекса

в качестве компонента, однако в основных чертах это совершенно новая культура. Архитектура характеризуется развитой фортификацией, строительством монументальных дворцовых, культовых и жилых сооружений квадратного, прямоугольного или округлого плана с применением крупноформатного сырцового кирпича прямоугольного стандарта размерами 46—52 × 23—36 × 9—12 см в сочетании с крупноблочной пахсой. Этот стандарт отличен от кирпичей квадратной формы древних земледельческих регионов Согда (Шишкина, с. 102—103), Бактрии (Дьяконов, с. 130), Парфии (Пугаченкова, с. 31—33). Характерно оформление парадных комплексов куполами, сводами, применение арочной системы различных конструкций. Фортификация включает двойные системы куртин, выносные башни и строится с учетом средств против стенобитной техники. Все это характеризует каунчинскую культуру — в противовес бургулюкской — как имеющую определенные архитектурные урбанистические традиции. Ее эволюционирующий археологический комплекс, в первую очередь керамический, позволил выделить три этапа развития культуры и наметить их датировку.

Для первого этапа характерна керамика почти целиком лепная, но, в отличие от бургулюкской, она полностью плоскодонна. Формы ее разнообразны; основная часть их по сравнению с предшествующим этапом нова. Это крупные хумы и хумчи яйцевидной формы, одноручные кувшины, широкогорлые горшки с носиком и без него, горшкообразные двуручные котлы, кружечки, фляги, сковороды, открытые миски, курильницы. Некоторые сосуды — хумы, горшки, котлы — покрывались краской черного или коричневого цветов «в наплеск». На плечиках наносились знаки: крест, сдвоенный треугольник. Ручки кружечек и — реже — кувшинов иногда украшались стилизованными фигурками или фигурками с головкой животного, чаще барана. На плечике — жгутовидный налеп, имитирующий рога. Следует выделить керамические поделки в виде сдвоенных протом животных с головками баранов и завитками рогов, которые иногда украшались рельефом, изображающим шерстный покров.

Широко распространены изделия из железа — ножи, наконечники стрел, детали конской упряжи, пряжки с неподвижными и подвижными языками.

О погребальных обрядах Каунчи-1 дают представление крупные курганные захоронения — мингтепе (тысяча холмов) или юзтепе (сто холмов) с лессовой, реже каменной насыпью. Могилы в основном представляют собой катакомбы с продольным или поперечным дромосом (Воронец, с. 43—45; Агзамходжаев, с. 233). Захоронения групповые или парные с различной ориентацией, погребенные лежали на спине. В числе сопровождающих их предметов различные сосуды (кувшины, кружки, мисочки, фляги), железные ножи, орудия труда, украшения. Интересна находка ямных могил с несколько иным положением погребенных: с раскинутыми руками и ногами — «поза всадника» (Древности Туябугуза, с. 118)

и подбойных могил с закладкой входа крупным прямоугольным кирпичом, в которых умершие уложены на спину или на бок. Немногочисленные сопровождающие предметы представлены в основном керамикой каунчинского типа (Аминов, Буряков, Ходжайов, с. 79—87).

Подбойно-катакомбные захоронения аналогичны погребениям восточных районов Средней Азии, одним из которых является Кенкольский могильник (Бернштам), содержащий сопровождающий материал как восточного типа, так и близкий к каунчинскому.

По антропологическому составу похороненные в подбойно-катакомбных могилах относятся как к европеоидам, так и к представителям смешанного типа с монголоидными признаками. С. С. Сорокин считает, что метисированный тип сложился в восточных зонах (скорее всего в Восточном Туркестане) в результате длительного контакта двух рас, связывает его с хунским элементом (Сорокин, с. 6) и датирует проникновение его в Среднюю Азию концом II в. до н. э. Считая, что передвижение, определившее антропологический тип населения Средней Азии, охватило тогда лишь племена, родственные в антропологическом отношении, их культуру он предлагает определить как культуру прямых потомков среднеазиатского южноказахстанского и восточнотуркестанского населения (Сорокин, с. 6—7). Захоронения в «позе всадника» более характерны для прохоровского и особенно сусловского этапов сарматской культуры II—I вв. до н. э. (Абрамова), но сопровождаются они каунчинским комплексом. В них также встречаются формы керамики, близкие сосудам прохоровского и сусловского этапов сарматской культуры.

Анализируя курильницы сармат, К. Ф. Смирнов находит им аналоги в Средней Азии и в льяловской культуре Приуралья со II в. до н. э. (Смирнов, 1973, с. 173).

Особо следует остановиться на сдвоенных терракотовых фигурках баранов с витыми рогами. Рог барана как солярный знак, символ постоянного роста и обновления, почитался скотоводческими племенами Казахстана и Южной Сибири (Мартынов, 1980, с. 14). В Сибири известны и бифигурные статуэтки баранов, характерные для переходного тагарско-таштыкского периода. Автор считает, что от тагарских оленьих бляшек со II—I вв. до н. э. развивается сюжет сдвоенных фигурок оленей (Мартынов, 1976, с. 34). Следовательно, каунчинские терракотовые поделки генетически связаны с восточным культовым искусством второй половины I тысячелетия до н. э. В это время в восточных степных районах наблюдался большой демографический подъем, сопровождавшийся с рубежа III—II вв. до н. э. передвижением на запад хуннов (Мартынов, 1980, с. 18—19). Аналогичный процесс происходил и в северных районах, в сарматской среде, и также сопровождался перемещением носителей культуры в Среднюю Азию.

Таким образом, археологические и антропологические материалы свидетельствуют о продвижении в бассейн Средней Сыр-

дарьи племен с севера и востока. К. Ф. Смирнов, относя движение сармат ко II в. до н. э., считает, что они, возможно, принимали участие в разгроме Греко-Бактрии (Смирнов, 1964, с. 289). М. Г. Мошкова отмечает, что сарматы могли быть одной из частей (видимо, незначительной) вторгшейся группы племен (Мошкова, с. 107). Б. Я. Ставиский считает, что незначительную часть кочевых завоевателей Бактрии, вероятно, составляли жители глубинной Азии, но в основном это были обитатели северных районов Средней Азии (Ставиский, с. 107).

Детальное исследование сармато-среднеазиатских связей проведено А. С. Скрипкиным. Анализ их погребальных обрядов (наличие подбойно-катакомбных погребений) и материальной культуры также привел его к выводу о сарматском движении в Среднюю Азию с севера со второй половины II в. до н. э. (Скрипкин, с. 49). Археолого-антропологические материалы вторжения племен с востока в свою очередь подтверждаются данными письменных источников.

Китайские хроники времен вторжения сообщают о большом движении в этот период племен юечжийского круга. С конца III в. их данниками были хунны, но в 203 г. до н. э. отмечается поход хуннов на юечжей; около 177—176 гг. до н. э. хуннский шаньюй Маодунь разбил их войска. В 174 г. до н. э. шаньюй Лаошан снова нанес им поражение. Юечжи ушли на запад в сторону Даюани и заняли земли к северу от Вей (Амударьи), основав там ставку (Бичурин, с. 55).

Итак, между 176—164 гг. до н. э. значительная часть юечжей —«большие юечжи»,—согласно источникам, переместилась на запад, что вызвало движение ряда племен.

В восточном Тянь-Шане они столкнулись с сарматоидными усунями, но, по мнению некоторых ученых, с помощью хуннов последние продвинули их дальше на запад в бассейн Сырдарьи, на земли саков. Об этом также сообщают источники: «иеда сели на земли се».

Двинувшись за саками, юечжи в 133—129 гг. до н. э. достигли Самарканда. Около 130 г. они вторглись в Бактрию. В 128 г., по Чжанцзяню, они заняли Бактрию, но ставка была севернее Окса (Рерих, с. 119).

Другой китайский источник сообщает о юечжах, которые остались среди усуней, когда основная масса ушла на запад. Их связывают с тохарской группой.

Таким образом, вторжение новых групп и по археологическим данным, и по письменным источникам датируется II в. до н. э. Этим временем датируется начало этапа, характеризующегося определенным синкретизмом материальной культуры, смешанностью населения, его подвижностью, сосуществованием различных погребальных сооружений и обрядов захоронения. При наличии северных черт в материальной культуре восточное влияние, несомненно, преобладает. Обоснованным представляется тезис о

продвижении метизированных групп с монголоидными чертами, процесс смешения которых проходил в восточных районах. Под восточным влиянием в материальной культуре возникает ряд новых черт, проявившихся в формах и технике производства керамики, оружия, сдвоенных терракотовых статуэток баранов.

Письменные источники этого времени в бассейне средней и нижней Сырдарьи отмечают три политических объединения к северу от Давани: Янцай, примыкавший «к великому озеру, имеющему отлогие берега», Кангюй, по обычаям близкий к Янцаю (Бичурин, II, с. 186), и Юни — располагавшийся на реке Иошa (Сырдарья).

Археологически в бассейне средней и нижней Сырдарьи выделяется три культуры — болотных городищ Приаралья, джетыасарская и круг близких друг другу отрарско-каратауской и каунчинской культур. Первая и географически, и по названию может быть связана с Янцаем. Если учесть сообщение источника, что от Давани (Ферганы) до Кангюйского города Битяни на север 1510 ли (Бичурин, II с. 186), т. е. примерно 500 км, это владение можно связать с джетыасарской культурой.

При такой локализации коренными землями канков является бассейн Кувандарьи и Жаныдарьи с небольшими, но мощными крепостями среди обширных степей присырдарьинских пространств.

Возможно, не случайно этот отрезок реки в раннее средневековье носил название Канкадарья.

На первом этапе каунчинской культуры ее связи с джетыасарской были менее тесными, второй этап характеризуется возрастающим производством тонкостенной посуды и сосудов, сформованных на гончарном круге, изменением форм и орнаментов, появлением форм, свидетельствующих о джетыасарском влиянии (Левина, 1971, с. 89). Подобные сосуды в незначительном количестве найдены и в Северной Фергане, испытывавшей влияние культуры Ташкентского оазиса (Чуланов, с. 245—247, рис. 2, *12*).

Появление в каунчинской культуре черт джетыасарской культуры можно объяснить усилением связей с Кангюем, включавшим в период расцвета обширные территории и кочевой степи, и «малых» оседлых владений, в числе которых, кроме Юни, упомянуты Сусие, Фуму, Ги (Цзи), Юегянь. Первое из них отождествляется с Суябом, второе — с землями малого кангюйского владетеля Гуйшуань, третье — с Согдом, четвертое — с Хорезмом (Кюнер, с. 178—179).

В связи с созданием Кушанской державы, большей автономизации Хорезма границы Кангюя сужаются, но становятся более тесными связи ближайших земель, что проявилось в материальной культуре Ташкентского оазиса и Северной Ферганы. Юни, являвшееся малым владением, на каком-то этапе вошло в состав земель Кангюя. О тесных культурных и торговых связях по р. Сырдарье в этот период свидетельствуют письменные данные

и материальная культура. Уже история старшего дома Хань (III—I вв. до н. э.) знает «северную дорогу» — по Сырдарье через Давань к Кангюю и Аланье (Бартольд, . 1, т. 2, с. 186),— проходившую через Ташкентский оазис. Этим же путем, вероятно, саки, тохары и канки, как сообщает Махабхарата, поставляли в Индию лошадей, «способных пройти долгий путь» (Махабхарата, II, с. 47). При раскопках на городище Канка близ Сырдарьи найдена монета У-ши младшего дома Хань (I в. до н. э.— II в. н. э.). Аналогичная монета получена при расчистке мугхана на правом берегу Гавасая в Северной Фергане.

К III в. н. э. Кангюй слабеет, происходит выделение самостоятельных владений. Ташкентское владение в III в. н. э. известно в сасанидских источниках под названием Чачстана (Луконин, с. 126). О том, что оно располагалось в пределах прежнего владения Юни, нам сообщают письменные источники (Кюнер, с. 178). Интересно, что с этого времени, вероятно, вследствие освобождения от Кангюя под новым названием выступает и Фергана.

Для каунчинской культуры нами зафиксировано 13 городских и 98 сельских поселений, 6 рудников по добыче серебра, золота, меди и железа, около 70 могильников.

Самым ранним городским центром в пределах Ташкентского оазиса является крепость на месте городища Канка, в низовьях р. Ахангарана, в 8 км от Сырдарьи. Первоначально это была небольшая, но хорошо спланированная крепость со сложной системой фортификации, с квадратной цитаделью и шахристаном, построенными из нетипичного для региона квадратного кирпича. В основании ее обнаружена керамика, характерная для Согда IV—II вв. до н. э. Крепость эта отождествляется нами с Антиохией Заяксартской, возведенной в III в. до н. э. селевкидами в сакских землях.

Однако в последующие столетия резко изменились и размеры, и облик города, площадь которого увеличилась до 150 га. Основным строительным материалом фортификации и жилых домов стал крупный кирпич прямоугольного стандарта. В помещениях получены комплексы керамики каунчинской культуры. По нашему мнению, данный город являлся столицей владения Юни-Юничеон, располагавшегося, по сообщениям исторических хроник, близ р. Иоша (Сырдарья) (Ср.: Филанович, с. 174—176; Шаниязов, с. 36, 38).

Этот период отмечен большим подъемом экономики, ростом числа поселений городского типа, определенной консолидацией материальной культуры региона, развитием металлургии и связанных с нею ремесел.

Важными факторами создания самостоятельного государства являлось возникновение собственной денежной эмиссии и рост денежного обращения как средства внутреннего и внешнего экономического обмена и как четкой политической автономии, что совпало с периодом упадка Кангюя и выделением Чача в самостоятельное государство.

На раннем этапе городская культура базировалась в бассейне низовьев Чирчик — Келес — Ахангаран в правобережье Сырдарьи. Более половины населения было сосредоточено в западной части оазиса — как показано выше, Сырдарья на раннем этапе являлась центром торгово-экономических и культурных связей южных областей с северными владениями.

Однако в последующие столетия, особенно с этапа Каунчи II, городские и сельские поселения выросли в среднем течении рек Чирчика и Ахангарана, земледельцы освоили адырную зону и проникли в высокогорье.

Этот процесс объясняется выделением самостоятельного государства, консолидацией его внутренних экономических связей.

Заключительный этап каунчинской культуры, датируемый серединой I тысячелетия н. э., характеризуется дальнейшим развитием и новыми явлениями в ее комплексе. Широко распространилась краснокрашенная и серая задымленная керамика с легким лощением, известная в восточных районах в гуннских комплексах, появилась мелкая пластика и терракотовая скульптура — антропоморфная и зооморфная. У терракотовых подставок сдвоенные фигурки баранов сменились изображением голов быка. Появление последнего некоторые исследователи относят к раннекаунчинскому времени (Филанович, с. 144—145), хотя на основной территории оазиса данная стратиграфическая шкала пока не находит подтверждения.

Бык известен как один из древних тотемов, связываемый С. П. Толстовым с погребальными тенденциями, восходящими к культу плодородия (Толстов, 1962, с. 132). Интересна точка зрения А. Н. Бернштама, который связывает его с тюркскими родами из гуннских объединений (Бернштам). Некоторое изменение керамического комплекса, массовое появление терракоты и замена прежнего тотема тюркским, вероятно, свидетельствуют о внедрении новой волны, связанной с тюркскими элементами Этот тотем просуществовал вплоть до арабского завоевания. На заключительном этапе обживания Каунчи распространились наземные и подземные погребальные склепы. В этот период наблюдалось более глубокое освоение оазиса, его глубинных районов за счет оседания скотоводов, появление городов на границе с адырами, в предгорьях на северной границе со степью, где формируется узел городских поселений.

В. М. Массон в сравнительной характеристике регионов первой половины I тысячелетия н. э. отмечал, что в настоящее время может быть поставлен вопрос о выделении единой культурно-хозяйственной зоны, объединяющей области от низовьев Сырдарьи до Ферганской долины включительно. Каунчи — лишь одна из культурных областей этой зоны. Для нее характерны оседлая земледельческо-скотоводческая экономика, монументальная архитектура и фортификация, небольшие укрепленные поселки как ведущий тип расселения, слабое развитие ремесел, ограниченность денеж-

ного обращения, отсутствие массовой мелкой антропоморфной пластики (Массон, с. 6). Две последние детали для Чача не характерны — количество монет первой половины I тысячелетия н. э. перешагнуло за 1300 экземпляров, но в целом тезис об определенной локализации бассейна Сырдарьи, на наш взгляд, сохраняет силу. В то же время можно констатировать продвижение каунчинской культуры до Самаркандского Согда и Бухарского оазиса, где характерно формирование поселений на периферии оазисов в полустепной и горной зонах; некоторое влияние наблюдалось и на материальную культуру центров.

С родственной группой населения присырдарьинской Ферганы первой половины I тысячелетия н. э. связывает Б. А. Литвинский эфталитскую группу «красных хионов». Некоторым указанием на это служит описание в Хронике северных дворов погребальных обрядов эфталитов: «Умерших из богатых домов погребают в каменных склепах, а бедных зарывают в выкопанных могилах. Вместе с покойником кладут в могилу вещи, ношенные им» (Бичурин, II, с. 269). Другие хроники сообщают, что эфталиты укладывают умершего в деревянный гроб (Бичурин, II, с. 116). Б. А. Литвинский считает, что только в Фергане и примыкающих районах Чача мы видим сочетание этих двух обрядов — погребение в каменных склепах и в грунтовых могилах с насыпями, в последних нередко в деревянном гробу (Литвинский, с. 56).

Помимо каменных в Чаче этого времени известны и сырцовые склепы Туябугуза, Пскента, Муратали. Ареал их может быть расширен за счет присырдарьинской зоны южного Казахстана. Это склепы Томпакасара II—III вв. (Левина, 1974, с. 372), наземные склепы Мардана II в. н. э., хотя монеты из них датируются 140 г. до н. э.— 589 г. н. э. (Нурмухамбетов, Бурнашева, с. 31).

В последующее время часть их превратилась в оссуарные костехранилища, и лишь на окраинах оазиса и в степной зоне бытовал прежний обряд захоронения (Апартак, Бориджар, Чага).

В VI в. начались столкновения эфталитов с новым кочевым владением — тюркским каганатом. Борьба эта носила ожесточенный характер. По образному описанию Фирдоуси, «от кипения всадников в Чаче вода Гульзариума (Сырдарьи) стала цвета розы» (Птицин, с. 302).

Уже в 555 г. Сырдарья стала границей государств. В «Шахнамэ» о кагане Истеми сообщается, что «все до берега реки Джейхуна от Китая его называли подателем справедливости, военачальником... (он был) с войском, казной и короной от Гульзариума, от той стороны Чача» (Птицын, с. 303).

Каган Силзибул (Санджибу) с огромным войском захватил Чач вплоть до Сырдарьи, по некоторым данным, прошел до Ферганы, Самарканда, Несефа, Ферганы (Шмидт, с. 453).

По словам историка, современника описываемых событий, «В Чаче, Самарканде и Согде [все] было разорено и стало местопребыванием сов» (Беленицкий, с. 112).

При разделении каганата в 586—588 гг. Чач и Согд вошли в состав его западного объединения и управлялись самостоятельными правителями. Однако попытка Чача добиться полной самостоятельности привела к установлению в нем власти тюркских правителей.

Источники династии Суй сообщают: «Жители Чача искусны в боях, но когда поразладили с тукюэским Шегуйханом, то последний покорил их, и ныне Дэлэ Тяньчжи правит у них государственными делами» (Бичурин, II, с. 232).

С начала VII в. тюркские правители пытались упорядочить систему управления, для чего при хакане Чуло (603—610) были назначены два малых кагана, один из которых обитал на Сырдарье севернее Чача и управлял среднеазиатскими владетелями.

Правитель Чача, воспользовавшись усилением междоусобиц, добился в 641 г. определенной самостоятельности. С периода тюркского каганата погребальные обряды в бассейне Средней Сырдарьи (от Отрара до границ Ферганы) меняются — преобладают погребения в склепах-наусах и оссуариях.

Изменился тип монет: техника изготовления, тамга, портреты, надписи. Произошло изменение в вооружении — преобладал тюркский военный доспех, конская упряжь, распространились стремена. Керамический комплекс пополнился рядом согдийских форм. В строительстве стала широко применяться пахса, распространился близкий для всех регионов стандарт крупного прямоугольного кирпича, сформировалось несколько типов замковой фортификации, характерных для всех регионов. В этот период отмечалась интенсивная интеграция культуры согдийцев, хорезмийцев, ферганцев, усрушанцев и бактрийцев, когда, по выражению письменных источников, на этой обширной территории понимали друг друга и трудно даже было определить, в каком районе Междуречья изготовлена та или иная вещь. Формировались сходные обычаи, мораль, т. е. складывалось определенное этническое самосознание.

Исследователи выделяют в формировавшейся культуре местные традиции, пришедшие из античности, определенные новации каунчинской культуры, элементы художественной культуры сасанидского Ирана, тюркских степных племен и, в особенности, Согда. Синтез всех перечисленных пластов является новым этапом культуры, поэтому мы не считаем правильной ее характеристику некоторых исследователей как очередного этапа каунчинской, а выделяем его в самостоятельный.

Количество тюркского населения и влияние тюркской культуры в регионе были значительными, не случайно правителем его стал тюркский наместник-тудун. Первоначально, как предполагают В. А. Лившиц (Согдийские документы...) и О. А. Смирнова (Смирнова, с. 52), этот титул носили тюркские чиновники, приставленные к местным владетелям. В китайских источниках он упоминается, когда речь идет о чачских правителях «вторых ро-

лей» или соправителях при местных династиях. В арабских же источниках VIII в. словом «тудун» назывался уже владетель Чача (Смирнова, с. 52).

Для VI—VIII вв. выявлено 32 города и 255 сельских поселений, причем основное количество их располагалось в глубине оазиса и на границе со степью.

Рост городов в северных районах страны и перенос на Мингурюк столицы, называемой в источниках «мадиной Чача», мы склонны рассматривать как следствие деятельности тудуна, направленной на усиление связей оазиса с тюркскими племенами степи средней части Сырдарьи.

В городах интенсивно развивалась металлургия и металлообработка, изготовление оборонительного и наступательного оружия и конской упряжки. Разнообразными формами представлены предметы гончарства. На базе сырья, поступающего из соседних степных районов, развивались ткачество и ковроделие. Ряд городов и сельских поселений был связан с сельским хозяйством.

Из сельских поселений лишь одна треть продолжала существовать на месте старых, остальные же формировались либо на расширяющихся площадях в ранее обжитых районах, либо на освоенных новых. Это связано с интенсивным развитием орошаемого земледелия, росту которого способствовали и проведение новых каналов, и реконструкция старых систем, позволяющие подключить ранее неосвоенные земли. В головах каналов выросли укрепления, была создана система водозаборных сооружений.

В Чаче культивировались злаковые — в результате археологических исследований были обнаружены древние зерна пшеницы, ячменя. По сообщению источников, жители сеяли просо и разводили прекрасных лошадей.

Наладился регулярный товарообмен. Торговые пути связывали столицы Чача и Илака, проходили в рудные районы, вдоль реки Илака, и являлись частью маршрутов международной караванной торговли, сложившейся в конфедерации среднеазиатских владений. Кроме того, со времен средневековья через Чач проходила одна из основных линий Великого шелкового пути. Это объясняется, с одной стороны, политическими событиями — переходом среднеазиатской части пути в руки тюркских правителей, участвовавших в торговле; с другой,— растущим экономическим потенциалом Чача, в котором начали интенсивно функционировать серебряные и золотые рудники и бирюзовые копи. Среди экспорта Чача в восточные районы и Китай упоминаются золото, ковры, пушнина, цветные соли, доспехи из лошадиной кожи, виноградное вино (Shafer, p. 64, 107, 144, 312, 320, 330). Чач называется в числе ведущих экспортеров голубых самоцветов, в которых мы видим знаменитую илакскую бирюзу Унгурликана (Буряков, 1974, с. 43—45).

Большой интерес для характеристики экономики региона представляет его нумизматический комплекс. Как отмечалось выше,

тип монет изменился. Иконография включала плоскостное или точечное выполнение портрета правителя и его супруги. На другой группе монет изображена фигура льва. На оборотной стороне их — тамга. Наиболее распространенный ее вариант — в виде трезубца. Интересно отметить, что зубчатые тамги М. Д. Полубояринова считает характерными для тюркских родов (Полубояринова, с. 173). О. И. Смирнова отмечает, что фигура льва также более присуща тюркам, в составе которых известен даже род, чьим символом был лев. Среди монет, найденных в районе Отрара, на оборотной стороне которых изображен хищник, она выделяет варианты с руническими значками или их сочетаниями (Смирнова, с. 53).

Все эти материалы свидетельствуют об интенсивной тюркизации населения оазиса. В то же время в регионе развивается удельная система управления. Анализ нумизматического материала из Канки и Ханабада, проведенный В. А. Лившицем и Э. В. Ртвеладзе, показывает сосуществование вместе с центральным чеканом правителя Чача эмиссии монет удельных правителей Кабарна, Фарнкета, Банакета (У истоков древней культуры, с. 31—38).

Вероятно, не случайно проезжавший через Чач около 630 г. н. э. Сюанцзян отмечал в нем несколько десятков городов с независимыми друг от друга правителями (Beal, p. 462).

С начала VIII в. арабский халифат, используя в качестве плацдарма захваченную во второй половине VII в. территорию северного Хорасана, активизировал наступательную политику. В связи с этим под эгидой тюркских каганов был основан союз ряда среднеазиатских владений, куда входил и Чач, принимавший активное участие в борьбе с арабами (Табари, с. 1247). В этот период в состав Чача вошли присырдарьинские степные районы вплоть до Тарбенда (Отрара), куда была перенесена ставка тудуна (Согдийские документы, с. 78—79; Лившиц, с. 57). Таким образом, наступил новый этап объединения с северными степными племенами, упрочились связи с тюркским каганом. В 723—724 гг. коалиция каганата Чача, Несефа и Ферганы нанесла на берегу Сырдарьи поражение арабам, за что ярый противник арабов каган получил прозвище Абу Музаххим («отец бодающихся»).

Последующая длительная борьба завершилась поражением тюркского каганата, что способствовало дальнейшему расширению территории Чача за счет тюркских владений Сырдарьи. После разрушения Суяба в 748 г. тюргеши Западного Семиречья попали под власть Таласа, а сам Талас — в политическую зависимость от чачского правителя. Вслед за этим началась борьба Чача с Ферганой, в ходе которой правитель Ферганы призвал на помощь китайцев. Нашествие последних в 749—750 гг., согласно сведениям источников, сопровождалось ограблением столицы Чача и убийством правителя — с этими событиями мы связываем окончательное разрушение города на Мингурюке. Сын правителя

обратился за помощью к арабам, и в 751 г. китайские войска были разбиты на Таласе объединенной арабско-чачской коалицией. В последующий период жители Чача и Илака, продолжающие борьбу за независимость владений, активно участвовали во всех антиарабских выступлениях, особенно в движении Муканны (776—783 гг.).

Даже в X в. источники сообщали, что в Илаке скрывается много последователей движения Муканны. О росте числа тюрков в составе населения свидетельствует сообщение о том, что, когда в период восстания Рафи ибн Лейса (804—810 гг.) правитель Несефа попросил помощи, он отправил в Несеф «владетеля Чача с его тюрками» (Бартольд, т. 1, с. 258).

После подавления восстания халиф Мамун послал войска для овладения территорией вплоть до Отрара. Перерастание антиарабской борьбы в антифеодальную способствовало объединению крупнейших феодалов. Характерно, что в подавлении восстания Рафи ибн Лейса местная знать участвовала вместе с войсками халифа. Центральным правительством предпринимались определенные меры по изоляции населения оазиса от тюркской кочевой степи. Оазисы и крепости-рабады ограждались стенами, в числе которых и окружавшая Чач с севера «от гор Сайлыка до реки Чача», построенная, якобы, при Абдаллахе, в ком В. В. Бартольд видит хорасанского наместника Абдуллаха бин Хумейду, правившего в последней четверти VIII в. (Бартольд, т. 1, с. 229). Против кочевников предпринимались походы в степные районы. Так, Нух ибн Асад в 840 г. выступил против Исфиджабского правителя. Исфиджаб вошел в состав Чача, в его северных пределах был выстроен оборонительный вал, и, по источникам, он стал сборным пунктом «воинов за веру больше, чем Бинкет» (Бартольд, т. 1, с. 233).

Однако меры по изоляции Чач-Илака от тесных контактов с тюркским населением степи, наладившихся в предшествующий период, успеха не имели. Интенсивно продолжающийся процесс втягивания этих районов в товарообмен способствовал укреплению транзитных путей, проходивших через Чач и степные районы на восток в Китай, из Чача в Отрар и далее в Приаралье. В состав Чача вошли степные районы по обоим берегам Сырдарьи. Происходил процесс активного оседания скотоводов и включения их в экономическую жизнь городских и сельских регионов. Не случайно источники IX—X вв. отмечают большой экономический потенциал чач-илакского региона в составе саманидских владений. Ибн Хаукаль (конец X в.) сообщает, что ни в Хорасане, ни в Мавераннахре нет области более благоустроенной, имевшей городов больше, чем в Чаче и Илаке (Бетгер, с. 22). Восточные географы X в. перечисляют здесь более 50 городов, из которых в настоящее время выявлено 45. Причем в отличие от ряда регионов, в частности Согда, с приматным характером урбанизации в этом районе она шла по пути полицентричности.

Наряду с Бинкетом, столицей Чача, одним из числа крупнейших городов Мавераннахра, площадь которых традиционно определялась восточными географами «фарсах на фарсах», здесь выросли еще пять городских центров — Шутуркет, Харадж-кет, Бенакет, Наукет и Тункет, также вошедших в разряд крупных городских поселений многофункционального назначения.

В этот период северная дорога через чачские города начала играть ведущую роль в экономике среднеазиатских владений саманидского государства, в то время как южная — через Бенакет в Фергану — превратилась в локальную, внутреннюю.

Т. К. Ходжайов отмечает для X—XIII вв. распространение на обширной территории комплекса признаков этнического типа среднеазиатского междуречья, известного с первых веков I тысячелетия до н. э., к которому отнесены в первую очередь антропологические серии Чача, Хорезма, Южного Казахстана, т. е. северных районов Средней Азии (Ходжайов, с. 102). Анализируя антропологический материал внутри регионов по отдельным городским пунктам, он пришел к выводу, что в Мавераннахре саманидского времени жителями городов являлись европеоиды, а тюркоязычные монголоиды влились в сельскую часть населения. Археологические материалы и исторические источники по Чач-Илаку приводят нас к иному выводу — тюрки вошли в состав городского населения региона. Восточные географы упоминают некоторые города типа Чинанчкета, сообщают, что большинство жителей его живет в «войлочных домах» (юртах), т. е. являются осевшими скотоводами. В регионе вырос ряд новых городов, носящих тюркские названия. Это Абрлыг в верховьях р. Ахангаран и постоянно упоминающийся вместе с ним Намудлыг. Они характеризуются определенными особенностями материальной культуры, сохраняющей традиционные с поры тюркского каганата формы лепной посуды, орнаментацию и особенности технологии формовки, особенности городской планировки — ее более свободный характер, некоторые строительные приемы, характерные для осевших скотоводов и т. д. Все это типично и для расположенного к востоку от столицы, на границе оазиса и адыров Кабарна.

Площади этих городов (Абрлыг — 80 га, Кабарна — 75 га, Намудлыг — 70 га, Чинанчкет — 50 га) свидетельствуют о большом количестве их населения. Абрлыг и Намудлыг известны, кроме того, как крупные ремесленно-металлургические центры региона. В первом вскрыты мастерские по обработке золоторудного и серебросодержащего сырья. Во второй и наиболее обжитой юго-восточной части города обнаружены мастерские плавильщиков серебра, полиметаллов, печи гончаров и стеклодувов. Металлургические горны в IX—X вв. выросли даже на внутренних стенах Намудлыга, переставших играть оборонительную роль.

Процесс тюркизации охватил не только окраины городов.

С. Г. Агаджанов, изучая топографию огузов, установил, что, по сообщению Ибн Хаукаля, часть племен жила в X в. в Бискенте (Агаджанов, с. 184). «Здесь, — пишет ибн Хаукаль, — собираются племена тюрок-огузов и карлуков, которые уже обратились в ислам» (Материалы по истории..., с. 184). Интересно сообщение Истахри: «Город Бискент населен множеством жителей из разных людей — карлуков, гузов и других, которые, став мусульманами, являются все борцами за веру» (Агаджанов С. Г., с. 76). Селение гузов упоминается в северных пределах Чача на дороге из Бинкета (у автора ошибочно Тункета. — *Ю. Б.*) в Исфиджаб близ рабата Анфуран (Агаджанов, с. 76). Таким образом, тюрки внедрились в ремесленные центры, поселения сельской округи и рабаты. Крупные клады серебряных монет и браслетов, представлявших собой, по нашему мнению, одновременно и капитал, и остатки ремесленного производства, свидетельствуют о значительном торгово-ремесленном потенциале региона этого периода. Все представленные материалы позволяют видеть в поселениях с большим числом тюрков в составе населения не укрепленные поселения осевших скотоводов, а сложные городские организмы, игравшие важную роль в экономическом потенциале страны и существенно влиявшие на ее культуру. Процесс этот продолжался в государстве Караханидов, в состав которого регион вошел около 992 г. н. э., и, вероятно, в последующие годы, когда Караханиды вынуждены были временно оставить Бухару и Самарканд; Чач остался в составе их владений.

В XI—XII вв. Чач, столица владения, вошел в состав их уделов и получил тюркское название — Ташкент.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс К. Письмо к Ф. Энгельсу от 2 июня 1893 г.— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 28, М., 1962.

Абрамова М. П. Сарматская культура II в. до н. э.—I в. н. э.—СА, 1959, № 1.

Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII в. Ашхабад, 1969.

Агзамходжаев Т. Раскопки погребальных курганов близ ст. Вревская.— ИМКУ, вып. 2. Ташкент, 1961.

Аминов В., Буряков Ю. Ф., Ходжайов Т. К. Новые данные к этнической истории долины Ахангарана.— ИМКУ, вып. 14. Ташкент, 1978.

Аскаров А. А., Буряков Ю. Ф. Некоторые итоги и перспективы развития археологии в Узбекистане.— СА, 1978, № 2.

Бартольд В. В. История культуры Туркестана. Соч., т. 2, ч. 1. М., 1963.

Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Соч., т. 2, ч. 1. М., 1963.

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. 1. М., 1963.

Беленицкий А. М. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э.— МИА, вып. 15. М.—Л., 1950.

Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. Л., 1940.

Бетгер Е. К. Извлечение из книги «Пути и страны» Абу-л-Касыма ибн Хаукаля.— Труды САГУ, археология Средней Азии, IV. Ташкент, 1957.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1—3. М.—Л., 1950—1953.

Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973.

Буряков Ю. Ф. Горное дело и металлургия средневекового Илака. М., 1974.
Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
Буряков Ю. Ф., Дадабаев Г. Памятники античного времени в Ташкентском оазисе.— ИМКУ, вып. 10. Ташкент, 1973.
Воронец М. Э. Отчет археологической экспедиции Музея истории АН УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков н. э. возле станции Вревской в 1947 г.— Труды Музея истории АН УзССР, вып. 1. Ташкент, 1951.
Григорьев Г. В. Каунчитепе (раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940.
Григорьев Г. В. Келесская степь в археологическом отношении.— Известия АН КазССР, арх. серия, 1948, № 1.
Древности Туябугуза. Ташкент, 1978.
Древности Чарвака. Ташкент, 1976.
Дуке Х. И. Туябугузские поселения бургулюкской культуры. Ташкент, 1982.
Дьяконов И. М. Сложение классового общества в Северной Бактрии.— СА, вып. 19. М., 1954.
Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
Копылов И. И. Из истории и техники литейного дела в сакское время.— В сб.: Ученые записки Алма-Атинского госпединститута. Серия общ. наук, 1957.
Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. М., 1971.
Левина Л. М. Работы в Джетысасарском урочище.— АО 1973, М., 1974.
Лившиц В. А. Правители Панча.— НАА, 1979, № 4.
Литвинский Б. А. Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы.— В сб.: История и культура народов Средней Азии. М., 1981.
Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана. М., 1969.
Мартынов А. И. К вопросу о послетагарском искусстве Южной Сибири II—I вв. до н. э. ст. Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово, 1976.
Мартынов А. И. Скифо-сибирское единство как историческое явление.— В сб.: Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.
Массон В. М. Раннесредневековая археология Средней Азии и Казахстана.— УСА, вып. 4. М., 1979.
Материалы по истории туркменов и Туркмении, т. 1. М.—Л., 1939. Махабхарата, кн. 2, Л., 1967.
Мошкова М. Г. Сарматы и Средняя Азия. Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований в СССР. Ташкент, 1973.
Нурмухамбетов Б. И., Бурнашева Р. З. Погребения с монетами из могильника Кук Мардон.— ИАА КазССР, серия ОН, 1979, № 5.
Полубояринова М. Д. Знаки на золотоордынской керамике.— В сб.: Средневековые древности евразийских степей. М., 1980.
Птицын Г. В. К вопросу о географии Шахнаме.— ТОВЭ, т. 4, 1947.
Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958.
Рерих Ю. Н. Тохарская проблема.— НАА. М., 1963, № 16.
Ртвеладзе Э. В. Нумизматические материалы к истории раннесредневекового Чача.— ОНУ, 1982, № 8.
Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия во II—IV вв. н. э.— СА, 1982, № 2.
Смирнов К. Ф. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Скифии.— В сб.: Кавказ и восточная Европа в древности. М., 1973.
Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964.
Смирнова О. И. Сводный каталог согдийских монет, бронза. М., 1981.
Согдийские документы с горы Муг, вып. II. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарий В. А. Лившица. М., 1962.

Сорокин С. С. О датировке и толковании Кенкольского могильника.— КСИИМК, вып. 64. М., 1956.
Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия и проблемы истории и культуры. М., 1977.
Тереножкин А. И. Каунчитепе.— УзФАН СССР, 1940.
Тереножкин А. И. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале.— Известия УзФАН СССР, 1940, № 9.
Тереножкин А. И. Согд и Чач.— КСИИМК, вып. 33. М., 1950.
Толстов С. П. К вопросу о датировке культуры Каунчитепе.— ВДИ, 1946.
Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
У истоков древней культуры Ташкента. Ташкент, 1982.
Филанович М. И. Ташкент, зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983.
Ходжайов Т. К. Динамика ареалов антропологических типов на территории Средней Азии (неолит — начало XX в.).— СЭ, 1983, № 3.
Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых.— СЭ, 1967, № 7.
Чуланов Ю. А. Некоторые новые памятники Северной Ферганы.— СА, 1967, № 2.
Шаниязов К. Ш. Об исторической топонимике Ташкента.— ОНУ, 1983, № 7.
Шишкина Г. В. Древнейшая оборонительная стена Самарканда.— ОНУз, 1970, № 9.
Шмидт А. Э. Материалы по истории Средней Азии и Ирана.—ИИ ВАНСССР, вып. 16. М.—Л., 1958.
Beal Si-ju-ki, Buddhist Record of the Western World tr. from the chinese by Hiunen Tsinq (a. d, 629). By Samuel Beal, in two volumes, London, 1884.
Gershewitch I. An Iranists view of the some controversy. Memorial Jean de Menassrce ed par Ph. Gignoux et a Tafozzoli. Imperimerte orientaliste. Lanwain, 1974.
Grousset L'Asie orientale. Paris, 1934.
Markwart I. Über das Volkstum der Komanen, Berlin, 1914.
Shafer E. N. The Golden Peaches of Samarkand. Study of T'hang Exotics, Berkley—Los Angeles, 1963.
Tabari. BGA, 11.

Б. Д. Кочнев

ТЮРКИ В УДЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ САМАНИДСКОЙ ФЕРГАНЫ (X В.)

Тюркизация Ферганы, начавшаяся с момента включения Средней Азии в состав Тюркского каганата (VI в.), стала особенно интенсивной после караханидского завоевания (конец X в.). Однако еще до того, в VIII—IX вв., значительная часть населения Ферганской долины, прежде всего сельского, была в языковом отношении тюркизирована (История Узбекской ССР, с. 346). Можно допустить, что в среде правящих классов тюрки занимали заметное место, однако конкретных свидетельств этому в письменных источниках немного. Сведения об удельных правителях саманидской Ферганы X в. вообще отсутствуют в рукописных источниках и могут быть почерпнуты исключительно из нумизматических данных. Удельный чекан Ферганы X в. тщательно исследован и объяснен Е. А. Давидович, прежде всего как источник для характеристики института феодальных пожалований за службу. В настоящей работе мы рассмотрим тот же ферганский удельный чекан с

иной точки зрения; попытаемся выявить тюркский элемент среди удельных правителей Ферганы X в., привлекая как опубликованные, так и неизданные материалы.

Ферганский удельный чекан известен и для второй половины IX — начала X в., однако представлен монетами, выпущенными лишь членами династии Саманидов. Позднее на фельсах (медных монетах), выбитых в пределах Ферганы, появляются упоминания крупных сановников, не принадлежащих к правящему дому.

Наиболее ранним фельсом последней категории следует пока считать монету, которая чеканена в Узгенде в 312/924—25 гг. (Кочнев, 1984, с. 196). На лицевой стороне ее под первой частью символа веры стоит слово «малик», на оборотной стороне в поле указано имя саманидского государя Насра, который в круговой легенде той же стороны назван Насром б. Ахмадом. Слово «малик» (ملک) может быть понято либо как имя, либо как титул («царь»). Стоящее в той же позиции на фельсах Ахсикета 320/932 г. данное слово было истолковано В. Г. Тизенгаузеном в том смысле, что это вторичное упоминание эмира Насра б. Ахмада как «царя» (Тизенгаузен, с. 173)[1]. Высказанная более столетия назад такая точка зрения ныне едва ли может быть принята. Как показывает накопившийся с тех пор обильный нумизматический материал, в поле лицевой стороны, над или под символом веры прославляется имя наместника или владетеля города (области), причем не просто чиновника, а лица, занимавшего определенное место в феодальной иерархии (Давидович, 1972, с. 129—134). Позднее, в 326/937—38, 330/941—42, 331/942—43, 332/943—44, 333/944—45, 334/945—46, 337/946—49, 339/950—51,340/951—52 и 342/953—54 гг. слово «малик» включается в круговую легенду фельсов Ферганы после наименования монетного двора[2].

Некоторые исследователи и здесь видят слово «царь», считая местом выпуска этих монет «Царскую Фергану» — فرغانه ملک (Zambaur, с. 184; Федоров, Буряков, с. 105), однако, на наш взгляд, гораздо ближе к истине был Р. Р. Фасмер, когда по аналогии с ферганскими фельсами 358/968—69 и 367/977—78 гг., на которых после слова «Фергана» стоят личные имена правителей, пришел к заключению, что в данном случае Малик есть имя какого-нибудь эмира, наместника области (Фасмер, с. 322). Наконец, на медных

[1] Точно такой же фельс издан Э. В. Ртвеладзе, но датирован им 330/941—42 гг. (У истоков древней культуры Ташкента, с. 189—190), однако, как показало ознакомление с самой монетой, он относится к 320/932 г.

[2] Фельс 326/937—38 г. поднят в 1982 г. на городище Канка в Ташкентской области во время проводившихся там под руководством Ю. Ф. Бурякова археологических исследований. Монета 333/944—45 г. хранится в отделе нумизматики Государственного музея изобразительных искусств в Москве (далее — ГМИИ), инв. № 244149. Фельс 334/945—46 г. оказался в составе клада, найденного Л. Г. Брусенко в 1982 г. при вскрытиях на городище Афрасиаб (Самарканд). Монета 340/951—52 г. найдена в 1975 г. в ходе проводившихся под руководством И. А. Ахарова раскопок Ахсикета (Р. I, IX). Об остальных фельсах см.: Кочнев, 1978, с. 122—123.

монетах Насрабада 335—344/946—956 гг. в круговой легенде оборотной стороны упоминается «эмир Малик б. С. к. р-тегин, клиент эмира верующих» (Давидович, 1956, с. 107—113; Кочнев, 1978, с. 121—123). Все приведенные случаи упоминания Малика на монетах близки и хронологически (312—344/924—956 гг.), и географически (Узгенд, Ахсикет, Фергана, Насрабад — все в пределах Ферганской долины). А потому можно заключить, что за именем Малик во всех случаях скрывается одно и то же лицо. Не указано наименование монетного двора на битом в 315/927—28 гг. от имени Насра б. Ахмада фельсе со словом «малик» в нижней части поля л. ст.[3] Тем не менее и здесь хронологически вполне допустимо видеть в этом слове имя Малика б. С. к. р.-тегина.

До сих пор не вполне ясно, как правильно читать первый компонент имени отца Малика — Сунгар, Сангир, Сакар, Шакар, Шукур или Шукр (Кочнев, 1984, с. 201). На одном из неизданных фельсов Насрабада 340/951—52 гг.[4] этот компонент передан, в отличие от обычного начертания سكر, в форме ىكر, что следовало бы читать как ىڭر (Сакар?), если б не наличие в той же круговой легенде оборотной стороны двух несомненных ошибок (пропуск букв), к числу которых скорее всего относится и написание ىكر. До авторитетного заключения тюркологов лучше оставить открытым вопрос о правильном чтении этого слова и следовать Е. А. Давидович, которая в последнее время имя отца Малика передает как Шукр-тегин (Давидович, 1972, с. 120).

Как бы там ни было, компонент «тегин» в этом имени свидетельствует, как подчеркнула Е. А. Давидович, о тюркском происхождении Малика (Давидович, 1956, с. 110). Один из ранних этапов его карьеры связан с Узгендом, который не был ни главным, ни крупнейшим городом области: наряду со столичным Ахсикетом самыми большими городами Ферганы считались Куба и Ош, Узгенд же был на треть меньше Оша (Бартольд, с. 213). Не позднее 320/932 г. Малик получил столицу Ферганы, Ахсикет, около 326/937—38 гг.— и всю область, которой владел во всяком случае до 342/953—54. Упоминание Малика на фельсах Насрабада 343—344/954—56 гг. позволяет предположить, что и в это время за ним оставались определенные права на Фергану или какую-то ее часть.

На насрабадских фельсах 335—342/946—54 гг. упоминается также Бакр б. Малик, сын Малика б. Шукр-тегина, который был вассалом своего отца и, вероятно, непосредственным владетелем Насрабада, одного из ферганских городов, считавшегося большим. (Бартольд, с 220). Е. А. Давидович отождествила этого Бакра б. Малика с упоминаемым в письменных источниках Абу Саидом Бакром б. Маликом ал-Фергани (Давидович, 1956, с. 112). Судя

[3] Фельс хранится в отделе нумизматики Государственного Эрмитажа (далее — ГЭ), инв. № 8562.

[4] Из упоминавшегося выше клада с Афрасиаба.

по этим сообщениям, Бакр добился еще более высокого положения, чем его отец: в 343/954 г. он получил назначение на пост хорасанского наместника, то есть достиг второго (после саманидского эмира) поста в государстве. Этим, вероятно, и объясняется исчезновение его имени из надписей насрабадских фельсов 343—344/954—56 гг., хотя имя его отца в эти годы продолжает упоминаться. Бакр был назначен сипахсаларом Хорасана в самом конце правления эмира Нуха б. Мансура, однако сын и преемник последнего Абд ал-Малик подтвердил это назначение. Пост хорасанского наместника Бакр занимал недолго: будучи тюрком, он вошел в конфликт с тюркской гвардией Саманидов, «возбудил ее ненависть» и в декабре 956 г. был убит начальником гвардии Алп-тегином, после чего был низложен и вазир (Бартольд, с. 309—310).

Едва ли случайно, что после этой даты из монетных легенд исчезает и имя Малика: столь серьезные перемены в «верхних эшелонах власти», по-видимому, сопровождались и перераспределением владений: вероятно, в связи с этим Малик оказался лишен прав на Фергану или какие-либо ее округи (города).

Е. А. Давидович собрала наиболее полные сведения о последующем удельном чекане Ферганы. Чтобы легче ориентироваться в этом многообразном материале, мы свели его в таблицу 1, которая основана на данных Е. А. Давидович (Давидович, 1972, с. 124—127) и дополнена несколькими неизданными фельсами[5]. На этих монетах кроме саманидского государя (Мансур б. Нух и Нух б. Мансур) упомянут целый ряд лиц, занимавших определенные места феодальной иерархии. Как убедительно показала Е. А. Давидович, второе после государя место на фельсах Ахсикета 355—56/965—67 гг. занимает имя Мансура б. Байкары, который упоминается также в легендах фельсов Кубы 356/966—67 гг. Значит в эти годы он владел не всей Ферганой, а лишь крупнейшими городами области — Ахсикетом и Кубой. Лишь в 358/968—69 гг. он получил в управление всю Фергану (Давидович, 1972, с. 131—132). Судя по имени отца Мансура, он происходил от тюрков. На одном из ахсикетских фельсов 355/965—66 гг. Байкара упомянут, но в такой позиции (поле лицевой стороны), что неясно, в какой роли он выступает, во всяком случае, его имя стоит на менее почетном месте, чем имя его сына, владетеля монетной регалии.

---

[5] Одна из монет Ферганы 358/968—69 гг. (№ 7) хранится в Ошском областном историко-краеведческом музее (далее — ООИКМ), КП 3234/24. Фельс Ферганы 360/970—71 г. найден в 1980 г. в ходе проводившихся под руководством А. Анарбаева раскопок Ахсикета/арк, Р. 3, пом. 2. (IX). Ферганский фельс 364/974—75 г.— ГМИИ, инв. № 244066. Монета Ферганы 372/982—83 г.— ООИКМ, КП 558/28. Фельс Ферганы 380/990—91 г.— ГМИИ, инв. № 37256. Пользуясь случаем, укажем, что неразобранная Е. А. Давидович часть круг. лег. об. ст. ахсикетских фельсов 357/967—68 гг. (Давидович, 1972, с. 114, № 111) содержит, по нашему мнению, кунью хаджиба Кылыча-Абу-л-Фаварис. В таблицу 1 включены, конечно, не все опубликованные Е. А. Давидович фельсы, отличающиеся типовым многообразием, а только наиболее важные для нашей темы.

Таблица 1

Чекан Ахсикета и Ферганы 355—372/965—83 гг.

Монетный двор и дата	Лицевая сторона		Оборотная сторона	
	поле	круговая легенда	поле	круговая легенда
Ахсикет, 355	Байкара	—	Мансур б. Нух	Мансур б. Байкара ал-Хаджиб
.	—	.	.	.
.	Ахмад б. Али	—	.	.
Ахсикет, 356	.	—	.	.
Ахсикет, 357	.	—	.	Кылыч ал-хаджиб
.	—	—	Мансур, Кылыч	.
Фергана, 358	—	Кылыч ал-хаджиб ва ал-халифат ал-Хасан б...	Мансур...	Ахмад б. Мансур
.	—	Кылыч ал-хаджиб ва ал-халифат Ахмад б. Али	Мансур б. Нух	Мансур (б. Байкара)
.	—	.	.	Ахмад б. мансур
Фергана, 359	Кылыч ал-хаджиб Ахмад б. Али	.	.	.
Фергана, 360	—	?	.	.
Фергана, 364	—	как № 7, 8	.	.
Фергана, 366	—	Ахмад б. Али халифат Таш ал-хаджиб	Нух б. Мансур	.
Фергана, 367	—	.	.	.
.	—	.	Нух б. Мансур. Таш ал-хаджиб	—
.	Таш, Ахмад	—	Нух. б. Мансур	.
Фергана, 372	—	—	.	(Билга?)-тегин б. Тогрыл?
Фергана, 380	—	—	.	Ахмад б. Мансур?

Сведения о Мансуре б. Байкаре имеются и в рукописных источниках. За несколько лет до начала своего ахсикетского чекана он выполнил по поручению государя важную миссию — отвез диплом новому сипахсалару Хорасана. Согласно Мукаддаси, Мансур б. Байкара был первым хаджибом Мансура б. Нуха, т. е. одним из главных сановников государства (Бартольд, с. 286, 310). Если верить Гардизи, для первого хаджиба считалось постыдным перейти на должность простого наместника (Бартольд, с. 287). В таком случае управление Ферганой и даже ее отдельными городами, быть может, не приравнивалось к обычному наместничеству, поскольку было связано с важнейшей привилегией — монетной регалией.

Судя по ферганским фельсам 358—367/968—979 гг. и, возможно, 380/990—91 гг. (если имя эмира в круг. лег. об. ст. прочитано правильно), правителем Ферганы в эти годы был эмир Ахмад б. Мансур, сменивший Мансура б. Байкара. Как предположил Э. Цамбаур, Ахмад приходился братом саманидскому эмиру Нуху б. Мансуру (Zambaur, с. 184, примеч. 11), по мнению же Е. А. Давидович, — сыном Мансуру б. Байкаре (Давидович, 1972, с. 132). Последняя точка зрения представляется тем более вероятной, что рассмотренный выше чекан Ферганы и Насрабада демонстрирует пример, когда удельными владетелями в пределах Ферганы были представители одной семьи — отец и сын (Малик б. Шукр-тегин и Бакр б. Малик). Если Е. А. Давидович права, то и Ахмад б. Мансур происходил из тюрок.

Следующую (по нисходящей) ступень феодальной иерархической лестницы занимает носитель несомненно тюркского имени хаджиб Қылыч, упомянутый на монетах 357—359/967—970 гг. Правда, В. П. Демидчик допускал, что «Қылыч» — не имя, а титул, относящийся (вместе с титулами «Хаджиб» и «ал-Халифат», т. е. «наместник») к упомянутому далее в той же надписи Ахмаду б. Али (Давидович, 1972, с. 138). Однако легенды одного из фельсов 358/968—69 гг. (№ 7) опровергают такое толкование: после хаджиба Қылыча в них фигурирует не Ахмад б. Али, а совсем другое лицо — ал-Хасан б. ... Следовательно, Ахмад б. Али и ал-Хасан б. ... не идентичны Қылычу, они — его «наместники» («ал-Халифат»). Об этнической их принадлежности пока нельзя сказать ничего.

В 366—67/976—78 гг. Ахмад б. Али оставался наместником, но уже другого хаджиба — Таша, бывшего тюркского раба. По данным рукописных источников, этот сановник добился высокого положения при дворе Нуха б. Мансура, а в 371/982 г. достиг высшей военной должности в государстве — поста хорасанского наместника — сипахсалара (Бартольд, с. 312—313).

Таким образом, судя по монетам, сановники тюркского происхождения в 355—367/965—978 гг. играли чрезвычайно важную роль в управлении Ферганой и ее отдельными городами и округами (Ахсикет, Куба), занимая не только третью, но и вторую ступень феодальной иерархической лестницы.

Позднее, в 372/982—83 гг. в роли наместника Ферганы выступает тюрк, судя по тюркскому компоненту «тегин» в его имени. Сохранность надписи не позволяет прочесть это имя, но, вполне возможно, это тот самый Билга-тегин б. Тогрыл, который упомянут на узгендском фельсе 372/982—83 г.[6]

Известны и более поздние фельсы Узгенда. Чрезвычайно интересна монета 377/987—88 г. (Tiesenhausen, с. 17—18, № 17). Кроме саманидского эмира Нуха б. Мансура (поле об. ст.) на ней упомянут Аббас (там же), эмир...-тегин? (круг. лег. об. ст.), Хаджиб Аяч (поле л. ст.) и Абд ал-Малик (круг. лег. л. ст.). Последний — сын государя, Абд ал-Малик б. Нух, об Аббасе нельзя сказать ничего определенного, два других правителя — несомненно тюрки. Об Аяче известно, что он был одним из военачальников Нуха б. Мансура, который поставил его во главе войска, отправленного против Караханида Бугра-хана и разбитого им в 382/992 г.; Аяч при этом попал в плен (Бартольд, с. 320; МИКК, с. 56).

В надписях узгендского фельса 380/990—91 г.[7] вновь упоминаются Абд ал-Малик б. Нух и Аяч. В эти годы Абд ал-Малику было около десяти лет — в 365/976 г. его отцу было всего 13 лет, Абд ал-Малик же — не старший его сын (Бартольд, с. 312, 327). И хотя надписи фельса 377/987—88 гг. уверяют, будто он выбит «в наместничество Абд ал-Малика», а легенды 380/990—91 гг. утверждают, будто тот отчеканен по его же приказанию, реальную власть в Узгенде юный принц осуществлять, конечно, не мог. Очень вероятно, что фактическим наместником Узгенда в эти годы был именно Аяч.

Более поздний саманидский чекан Ферганы и ферганских городов не известен, тем более что уже в 381/991—92 г. Фергана находилась в руках Караханидов (Ишанханов, Кочнев, с. 142—147). Со временем будут выявлены, безусловно, новые монеты ферганского удельного чекана, но и наличный нумизматический материал, сведенный в таблицу 2, демонстрирует достаточно наглядную картину. В 35 случаях из 38 в надписях монет Ферганы и ферганских городов X в. упоминаются сановники тюркского происхождения. Быть может, и на трех остальных монетах тоже фигурируют имена тюрков, но на двух их трудно прочесть из-за плохой сохранности, третья же (Куба, 349 г.) бита от имени Ашаса б. Мухаммада (Давидович, 1960, с. 254—255), о происхождении которого ничего неизвестно. Из тринадцати владетелей, упомянутых на рассмотренных фельсах, восемь — определенно тюрки, еще один — Ахмад б. Мансур — скорее всего тоже, происхождение остальных четырех неясно.

---

[6] Фельс опубликован А. К. Марковым, как чеканенный в 362 г. х. (Марков, с. 973, № 1), однако на самой монете (ГЭ, инв. № 1877) отчетливо читается 372 г.

[7] Монета из собрания Дома-музея С. П. Бородина в г. Ташкенте (КП № 11140).

Таким образом, большинство не принадлежавших к правящему дому владетелей Ферганы и ферганских городов X в. были по происхождению тюрками. И это понятно. Роль тюркской гвардии, выслужившихся из гулямов военачальников, сановников, вельмож очень возросла в Саманидском государстве именно в X в., особенно во второй его половине. О Хаджибе Таше определенно известно,

Таблица 2

Упоминания тюрков в надписях монет Ферганы X в.

Монетный двор	Дата														
	312	320	326	330	331	332	333	334	335	336	337	338	339	340	341
Ахсикет		×													
Куба															
Насрабад									×	×	×	×	×	×	×
Узгенд	×														
Фергана			×	×	×	×	×	×				×	×	×	

Монетный двор	Дата														
	342	343	344	349	355	356	357	358	359	360	364	366	367	372	377	380
Ахсикет					×	×	×									
Куба				?		×										
Насрабад	×	×	×											×	×	×
Узгенд																
Фергана	×							×	×	?	×	×	×	×		

что он был рабом Ахмада Утби, отца саманидского вазира (Бартольд, с. 312—313). Более чем вероятно, что подобным же образом начинали свою карьеру некоторые другие владетели Ферганы и ферганских городов X в.

ЛИТЕРАТУРА

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. 1. М., 1963.

Давидович Е. А. Владетели Насрабада (по нумизматическим данным).— КСИИМК, вып. 61. М., 1956.

Давидович Е. А. Саманидские монеты Кубы.— СА, 1960, № 2.

Давидович Е. А. Монеты Ферганы как источник для характеристики института феодальных пожалований за службу в Средней Азии X в.— Письменные памятники Востока. Ежегодник. 1969. М., 1972.

История Узбекской ССР, т. 1. Ташкент, 1967.

Ишанханов С., Кочнев Б. Древнейшие караханидские монеты.— ИМКУ, вып. 15. Ташкент, 1979, с. 142—147.

Кочнев Б. Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии, ч. 1.— ИМКУ, вып. 14. Ташкент, 1978.

Кочнев Б. Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии, ч. 6.— ИМКУ, вып. 19. Ташкент, 1984.

Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896.

Материалы по истории киргизов и Киргизии, вып. 1. М., 1973.
Тизенгаузен В. О саманидских монетах.— ТВОИРАО, ч. 1. СПб., 1855.
У истоков древней культуры Ташкента. Ташкент, 1982.
Фасмер Р. Р. Новые приобретения Эрмитажа в области куфической нумизматики.— Изв. РАИМК, т. 3. Л., 1924.
Федоров М. Н., Буряков Ю. Ф. Эпиграфические и нумизматические находки и публикации в Узбекистане в 1965 г.— ЭВ, вып. 19. Л., 1969.
Tiesenhausen W. Melanges de numismatique orientale (Premier article). Extrait de la Revue de la numismatique belge. Bruxelles, 1875.
Zambaur E. Die Münzprägungen des Jslams, Bd. 1. Wiesbaden, 1968.

А. Ш. Кадырбаев

КАРЛУКИ В ЭПОХУ МОНГОЛЬСКИХ ЗАВОЕВАНИЙ XIII—XIV ВВ.

Создание империи Чингисхана началось с завоевания как собственно монгольских, так и тюркских племен Центральной Азии. Все эти племена составили костяк того монгольского войска, опираясь на которое, Чингизхан и его наследники создали мировую державу. История тюркских племен в составе империи Чингисхана на территории Средней и Центральной Азии показывает, что некоторые из них сыграли этнообразующую роль в составе племенных конфедераций послемонгольского времени, к числу которых относился и союз карлуков. Их история, как свидетельствуют источники эпохи Тан (608—907 гг.), начиная с VI—VII вв. не была единым процессом, так как уже в составе тюркских каганатов племенной союз карлуков разделился на различные группировки (Ecsedy, 1980, p. 23—37). В то время, как большая часть карлукских племен до середины X в. на Алтае, в Восточном Казахстане и Джунгарии принимала активное участие в событиях, связанных с возвышением и крахом Восточнотюркского и Уйгурского каганатов, остальные переселились на юг Средней Азии (тохаристанские карлуки) и в Семиречье, где между 746—766 гг. захватили политическую власть, создали свою государственность в тех же политических традициях, что были характерны для Западнотюркского каганата (Кляшторный, с. 143—144). Тяньшанско-семиреченские карлуки вместе с карлукскими племенами Восточного Туркестана стали этническим ядром Караханидского каганата (X—XII вв.), после развала которого они сохранили не только этническую самостоятельность и свои территории в бывшей Караханидской империи, но и собственную государственность. Наиболее известно карлукское владение в северной части Семиречья, мусульманские правители которого носили титулы арслан-ханов, традиционные для одной из ветвей дома Караханидов (Бартольд, 1968). Согласно данным юаньского источника «Юань-шэн-цинь-чжэн-лу», правители карлуков титуловались «каханями» (каганами). Значимость этого титула в том, что его носили правители крупных государственных образований Центральной и Средней Азии таких, как улусы найманов и киреитов, государства кара-хытаев (Ögel, p. 220). Интересен анализ и других политических терминов,

обозначающих различные формы социальной организации у карлуков и сохранившихся в юаньских источниках. Самый тщательный анализ социальной терминологии карлуков времени Тан проделан Хильдой Эчеди (Ecsedy, 1968, p. 151—152). Применительно к эпохе Юань (XIII—XIV вв.) анализ соответствующей терминологии вызывает особый интерес ввиду формирования раннефеодальных государств в предмонгольское и собственно монгольское время. Так, в отношении к столь значительным союзам племен, как найманы и кереиты, в «Юаньши» («История монгольской династии Юань») постоянно употребляется термин «го» («государство»). Персидский историк Рашид-ад-дин также пишет: «кереиты и найманы... каждый имел свое государство...» (Рашид-ад-дин, с. 75). Хорошо известно, что найманское и кереитское племенные объединения были весьма сложны по своим внутренним социальным связям, они во многом подготовили создание общемонгольской государственности. Поэтому дефиниция карлукского объединения термином «го» представляется немаловажной для характеристики той ступени социального развития, которой достигли карлуки. Свидетельством определенного уровня социальных отношений у карлуков является их приобщение к исламу. В юаньских источниках встречаются такие мусульманские по происхождению имена карлуков, как Мухаммед, Дашман, Али, Садаллах, Мелик-ходжа (Юань-ши, цз. 133). В начале XIII в самостоятельность карлукского государства в Семиречье была поставлена под угрозу кара-хытаями, а затем найманами, захватившими в 1210 г. государство кара-хытаев. Хан найманов Кучлук намеревался подчинить себе карлуков и начал против них военные действия. В новой политической ситуации единственным выходом для правителя карлуков Арслан-хана стало обращение за помощью к врагам найманов, монголам Чингисхана (Bretschneider, p. 39—40). Именно об этом сообщают независимо друг от друга мусульманские и китайские источники. Рашид-ад-дин приводит следующие сведения о подчинении карлуков Чингисхану: «Весною года барана, соответствующего 607 г. х. (1210—1211 гг.) Арсланхан, хан карлуков явился с выражением рабской покорности и подчинился (ему). В местности (по реке) Келурен (Керулен) он преподнес (ему) в знак покорности дары...» (Рашид-ад-дин, с. 163). «В эпоху Чингисхана у правителя и государя карлуков имя было Арслан-хан. Когда Чингисхан послал в те края Кубилай-нойона из племени барулас, Арслан-хан подчинился и явился к Кубилаю. Чингисхан дал ему девушку из (своего) рода» (Там же). Анналы китайской династийной истории «Юань-ши» сообщают: «...На шестом году Синь-вэй (1211 г.) правитель карлуков Арслан-хан подчинился добровольно» (Юань-ши, цз. 1). Однако, согласно другому источнику («Тайная история монголов»), Чингисхан послал Кубилай-нойона покорить народ карлуут (карлуков), но их правитель Арслан-хан добровольно подчинился Кубилай-нойону, и тот привез и представил его Чингисхану, который дал ему одну из своих доче-

рей в жены, т. е. покорение произошло хотя и добровольно, но при прямой угрозе завоевания (Козин, 1941). В династийной истории «Синь Оань-ши» приводятся следующие сведения, содержащиеся в биографии карлука Дашмана: «Дашман. Его отец, находясь в свите Арслан-хана, в 1211 г. у реки Керулен подчинился (Чингисхану)...» (Ögel, p. 223—224). Таким образом, данные китайских источников о подчинении семиреченских карлуков монголам в основном совпадают с сообщениями мусульманских авторов.

Помимо этих сведений есть другие, дополняющие их. Содержатся они в «Юань-ши», в биографии карлука Яган-тегина. Текст «Юань-ши» следующий: «Яган-тегин. Из карлуков. Прадед его Кадар-мелик, взяв три тысячи карлуков из государства Узгенд, прибыл к Тайцзу (Чингисхану). Преподнес овец, коров, лошадей около 10 тысяч (голов) общей численностью. Во главе тысячи воинов участвовал в покорении мусульманских стран» (Юань-ши, цз. 132). Так же, как и уйгурское государство в Восточном Туркестане, карлуки в северном Семиречье, сохранив самостоятельность и этническую целостность, донесли культурные традиции до эпохи сложения на этой территории новых государственных образований. Наряду с ними другой ветвью, о которой сообщают юаньские источники, были ферганские карлуки. Сведения «Юань-ши», приведенные в биографии Яган-тегина, являются уникальным свидетельством об этом позднекараханидском княжестве, сохранившемся в округе Узгенда, бывшей столице Караханидов. Ферганские карлуки были независимы от илийских карлуков Арслан-хана. В пользу этого свидетельствует тот факт, что в тексте биографии Яган-тегина нет указания на подчинение монголам Кадар-мелика, находившегося в свите Арслан-хана, в то время как в биографиях других карлуков, пришедших с Арслан-ханом, например, в биографии Дашмана, такое указание имеется. Об этом говорят и сведения мусульманских авторов о пожаловании сыну Арслан-хана великим ханом Мункэ Узгенда не ранее 1251—1259 гг., до этого не подчинявшегося илийским карлукам (Бартольд, с. 547—548). Возможно было два отдельных случая подчинения карлуков монголам: семиреченских карлуков Арслан-хана и ферганских карлуков из Узгенда во главе с Кадар-меликом. Ферганские карлуки, как и семиреченские, сумели сохранить свою этническую целостность и позднее вошли в качестве одного из этнических компонентов в состав узбекской народности (Кармышева, 1964; Шаниязов, 1964).

Юаньские источники свидетельствуют об активном участии карлуков в монгольских завоеваниях. В «Синь Юань-ши» и «Юаньши» помещены биографии многих карлуков, занимавших видные посты в монгольском войске и бывших активными участниками монгольских завоевательных походов Паха, Каратая, Мир-ходжи, Яган-Тегина, Темайчи, Тахая, Шади, Дашмана, Майну.

Приведем некоторые из них. «Каратай. Из карлуков. Его отец Паха участвовал в большом походе против государства Цзинь

(чжурчжэней) (занимал земли Маньчжурии. — *А. К.*), находясь в свите Толуй-хана... Стал баадуром...» (Ögel, p. 227). «Каратай, вначале следуя с войсками (монголов), участвовал в нападении на Сянфань. В монгольском управлении темников (командующих десятитысячными контингентами войск. — *А. К.*) стал уполномоченным по военно-морским силам. На 12 г. Чжи-юань (1274 г.), следуя за военачальником Боянем, форсировал р. Янцзы. Получил звание сотника. Был награжден латами, боевым шлемом, кинжалом в серебряных ножнах. На 12 г. весной (1274 г.), следуя за военачальником Ашу, сражался в г. Цзяошань (провинция Цзянсу) с войсками Сун (государство на территории южного Китая. — *А. К.*). Разгромил их. Захватил два морских судна. Ашу.., объединившись с Каратаем, напал на Цзянин и покорил его. (Каратаем) было захвачено 300 морских судов. Затем он организовал военные поселения в Гайпу и Ханкоу... Твердо контролировал все побережье, на юге до Фуцзяни, на севере до Сюйцу... Следуя за войсками (монголов), участвовал в походе на Японию... Стал даругачи (наместник провинции. — *А. К.*) в круге Цинхуан... Но из-за тайфуна (войска) не смогли далее двигаться (на Японию) и были вынуждены вернуться. Его сын Халабухуа (Кара Буга) наследовал пост даругачи. Служил в управлении темников, ведавшем контролем над побережьем и морем...» (Юань-ши, цз. 132).

Представленная биография — удивительный пример того, как выходец из степных глубин Азии стал военно-морским начальником, своеобразным адмиралом монгольской империи.

«Мили-ходжа (Мир-ходжа), отец Яган-тегина, участвовал в походе под командованием Дацзуна (Угэдэй-хана) на Цзинь. Цзинь пало. Также принимал участие в походе Сяньцзуна (Мункэ-хана) на Сычуань. Стал даругачи. Умер в войсках... Яган-тегин осаждал Цзядин, Чжун-цин. Все войска (монголов) на суше и на море в бассейнах рек Хуанхэ и Янцзы находились под его началом... На 24 году Чжи-Юань (1287 г.) окружил Лучжоу (провинции Сычуань)... отличился во многих сражениях... Взял в плен 100 человек из командного состава армии Сун... Участвовал в походе на Бирму... На 28 году (1291 г.) был переведен в Сычуань заместителем начальника военного ведомства. Имел двух сыновей Хоничи-тегина и Елянча. Хоничи-тегин служил военачальником в Юньнани. Елянча наследовал после смерти отца его пост темника монгольских войск» (Там же, цз. 133).

«Темайчи. Карлук. Был прекрасным наездником и стрелком. Сначала служил у императрицы Хулань (Кулан). Затем его назначили главным конюшенным. Во время похода на тангутов находился в свите Тайцзу (Чингисхана). Находясь в свите царевича Кочу и нойона Кудукту, и Тамудара принял участие в походе на Хэнань. Участвовал в большом походе Сяньцзуна (Мункэ-хана) против Сун... Сын Неба (Хубулай-хан) лично принял участие в покорении Сычуани. Послал Урянхатая с войском тревожить Сун

со стороны Цзяочжи (Вьетнама). Когда до высочайшего слуха (императора) дошли сведения о продвижении Урянхатая из Гуанси к Чанша, Темайчи с тысячей пехоты и тремя тысячами тяжелой кавалерии получил приказ и соединился с Урянхатаем... Урянхатай, получив подкрепление, ударил на Цзянся. Темайчи делил с ним тяготы похода... Самым известным из его восьми сыновей был Куду Тимур...» (Там же, цз. 122).

Сведения юаньских источников об участии карлуков в монгольских походах подтверждаются Рашид-ад-дином. Согласно его свидетельству, войска, собранные из карлуков, сражались под командованием темника Мелик-хана на стороне Чингисхана в иранской провинции Хорасан (Рашид-ад-дин, с. 100).

Их более важная роль проявилась позднее, после утверждения монголов на завоеванных землях, в частности, в Китае, и создания империи Юань — монгольского государства в Китае. Именно тогда Чингисхан и его преемники столкнулись с дилеммой, касающейся принципов организации управления захваченными территориями. Формирование аппарата управления могло основываться либо на местных кадрах чиновников, либо на иноземных для Китая элементах, так как сами монголы не имели опыта управления землями с оседлоземледельческим населением. Этому способствовало и то обстоятельство, что карлуки еще в предмонгольский период создали свои государства на территории Средней Азии и Восточного Туркестана. Кроме того, карлукские династии в различных районах Средней Азии стояли во главе местных оседлоземледельческих государств. Согласно сведениям юаньских источников, карлуки «также были хорошими торговцами и знакомы с условиями рынка». Поэтому возобладала вторая точка зрения, и формирование аппарата управляющих монголы начали из представителей тюркских народностей, в том числе и карлуков. В известной мере этот расчет оправдал себя, так как не связанные местными интересами и родственными узами иноплеменники-карлуки целиком зависели от своих монгольских владык и послушно проводили политику монгольского двора.

«Тахай. Сын старшего брата Куду Тимура. При Шицзу (Хубилайхане) служил под началом Тутуха (кыпчакского военачальника)... Находился в свите императора. Служил заместителем главы Чжуншушэна (Государственного Совета). Когда Уцзун (Хайсан) вступил на трон, Тахай был награжден серебром. Служил в походных имперских секретариатах в Хэлине (г. Каракорум в Монголии. — *А. К.*), округах Хэнин и Бяньлян. Отвечал за проведение земельной политики, устанавливал единые меры. Население подавало ложные данные, чтобы не выполнять указы. И налоги, и повинности невозможно было ввести в нужное русло. А так как налоги взимались произвольно, не было порядка. Благодаря мерам, предпринятым Тахаем, народ обрел спокойствие и порядок. Когда с запада вторглись вражеские войска, Тахай во главе своих доблестных воинов отбросил передовой авангард врага. Захватил

его знамена и барабаны. Противник был разбит и бежал» (Юаньши, цз. 122).

«Шади. Из карлуков. Отца его звали Шади. Поколениями жили в Гоби. Следуя за Тайцзу (Чингисханом), участвовал в усмирении Цзинь. Был поселен в Люцюань (провинция Хэнань). Его настоящее имя было Шаоэрчи. Когда ему исполнилось пять лет, он был пленен войсками Сун. В восемнадцать лет находился в свите Люй Чэня. Люди государства Сун, взяв имя его отца Шади, сделали Ша как его фамилию, и имя дали Цюань. Он долго жил в государстве Сун и хорошо знал эту страну. На 2 г. Чжун-тун (1226 г) Чэнь, взяв Лучжоу, вернулся ко двору (выразил покорность монголам). Ша Цюань действовал вместе с ним. Войска Сун их преследовали. Цюань ожесточенно сражался и сумел оторваться от них... Был возвышен до тысячника. Разбил сунского военачальника Чжан Гуя. Захватил Фаньчэн. Форсировал Хуайхэ. Разгромил сунского военачальника Чэнь Аньфу. Под началом военачальника Ашу сражался с войсками Сун в Цзяошани. Успешно продвигался на суше и на море. Сунские воины не могли сдержать его наступления и бросили знамена и барабаны. (Шади) пленил 33 сунских военачальника. Вынудил к покорности Чанчжоу и покорил города побережья. Подойдя к стенам Хуатина, запретил воинам убивать и грабить. Город сдался без сопротивления. Стал даругачи над войском и народом в Хуатине. Тогда часто случались бунты и их усмирение поручили Худуху. Он хотел перерезать весь город, но Цюань сказал, что многие погибнут без вины и защитил тех, кто не был замешан в мятежах. Служил в управлении темников, ведал военными делами. По его просьбе снова стали называть его Шаоэрчи... Умер на государственной службе» (Там же, цз. 132).

Тахай и Шади относились к той части монголо-тюркской знати, которая являлась носителем политической тенденции, характеризующейся стремлением к созданию централизованного государства с сильной ханской властью, сближению с представителями господствующего класса завоеванных стран, покровительству городской, жизни и торговли, восстановлению сельского хозяйства и точной фиксации податей и повинностей крестьян и горожан. Представителям этой политической линии противостояла сильная оппозиция в лице преимущественно монгольской кочевой знати, являвшейся врагом оседлой жизни, земледелия и городов, сторонниками неограниченной хищнической эксплуатации и даже уничтожения оседлого населения и выступавшей за введение политических и экономических отношений, восходящих к родовому строю, что являлось шагом назад.

«Дашман наследовал пост своего отца и стал баурчи (главный кравчий, ведающий столом великого хана. — *А. К.*). Шицзу (Хубилай-хан) высоко ценил его. В это время (министр) Ахмед имел большую власть и влияние. Дашман критиковал окружение Ахмеда за неверность, чем вызвал гнев государя (Хубилай-хана), ко-

торый сказал: «Это не твое дело». Дашман спокойно ответил: «Лошади и собаки и то верно служат своему господину. Я, Ваш верный слуга, чей род из поколения в поколение видел благосклонное отношение со стороны Вашего величества, как же я посмею не сказать то, что знаю». После падения Ахмеда государь оценил его преданность и наградил..»

Впоследствии Дашман подавил мятеж монгольского удельного владетеля Нояна, претендовавшего на юаньский трон. Был послом Хубилай-хана к правителю улуса Чагатаидов — монгольского государства в Средней Азии — чингисиду Хайду, оспаривавшему власть юаньской династии над Монголией и Восточным Туркестаном. Дашман в немалой степени способствовал падению преемника Ахмеда на посту министра финансов уйгура Санга в 1291 г. и сохранил свое влияние при юаньском дворе и при правлении преемников Хубилай-хана — Тимурхане (Чэнь-цзуне — 1294—1308 гг.), Хайсан-хане (Уцзуне — 1308—1311 гг.), хане Аюрбарваде (Жэньцзуне — 1312—1321 гг.). Умер в 1317 г. Наиболее известным из трех его сыновей был Майну, который начал службу при дворе как баурчи еще при Хубилай-хане, а затем находился среди приближенных Хасана, в бытность последнего наследником юаньского престола. При Аюрбарваде служил проверяющим цензором и стал правым советником (юсы-ланьчжуном) в Государственном Совете. Сыновья Майну — Илавдар (Илаодаэр) и Буралги (Пуланси); первый был чиновником высокого ранга, должности другого незначительны. Второй сын Дашмана и брат Майну по имени Цзиньду (1279—1335 гг.) служил баурчи, в 1328 г. получил назначение на пост цзочэна (старший секретарь левого крыла— руководящий пост в провинции) в Юньнани. Затем был императорским наместником (люйшоу) в Шанду (летняя столица юаньских императоров). Третий сын Дашмана Керей (Цюелай) (1286—1347 гг.) наследовал пост баурчи от старших братьев. Был даругачи в провинции Чжецзян, затем служил в столице Даду (современный Пекин), где ведал делами императорских дворцов. Сын Цзиньду по имени Хабаш служил в 1348 г. в провинции Хэдун во главе учреждения, ответственного за транспортировку соли. Три сына Керея — Хэйлу, Ванцзялу, Мубарак — также находились на монгольской службе, но не занимали высоких постов (Franke, p. 65—77; Ögel, p. 223—224).

Среди других карлуков, находившихся на монгольской службе в империи Юань, юаньские источники упоминают темника Чулука, служившего в провинции Хэнань; приближенного Арслан-хана — Кутлука (Ögel, p. 241); Термиша — даругачи в Чанчжоу, погибшего в бою во время падения монгольской династии Юань в 1368 г. (Юань-ши, цз. 196); Хулинчи — провинциального сановника; Тамудара — влиятельного министра во время правления императора Хошила (Минцзуна — 1229—1330 гг.) (Ögel, p. 243).

Часть карлуков, очевидно, переселилась в Монголию и Китай. Имеются сведения о карлукских тысячах в составе монгольских

войск на территории Монголии (биография Яган-тегина) (Юаньши, цз. 133). В биографии кипчака Тутуха говорится об учреждении управления темников карлукских войск в юаньском Китае при Хубилай-хане (Там же, цз. 126). Среди карлуков упоминаются деятели юаньской культуры. Сын Темайчи, вышеупомянутый Куду Тимур, находился среди знатных юаньских ученых того времени (Там же, цз. 122). В «Синь Юань-ши» также приводятся сведения о видном конфуцианце Найсяне, который был карлуком по происхождению. Согласно этим сведениям, до своего приезда в Китай он жил Западнее Алтая (Ögel, p. 239). Среди биографий конфуцианских ученых, включенных в «Юань-ши», есть биография карлука Баяна (Юань-ши, цз. 190). Из других карлуков-конфуцианцев юаньские источники упоминают Есударчи (Ögel, p. 243).

«Синь Юан-ши» сообщает данные о других видных деятелях юаньской культуры — карлуках: Садаллах — карлукский мусульманин — был одним из известных юаньских писателей и художников. В его биографии указывается, что он происходил из фамилии Дашман (Там же, p. 242). Тай Буга, карлук, был одним из известных юаньских поэтов (Там же, p. 243). В генеалогической таблице, повествующей о карлуках, также приводится имя Дацзицзу, достигшего в науке степени цзинь-ши (высшая ученая степень в империи Юань) (Там же, p. 243). Упоминавшийся выше Майну занимал высокий пост члена юаньской академии Ханьлинь во время правления последнего юаньского императора Тогон Тимура (Franke, p. 65—67). В «Юань-ши» приводятся имена монгольских принцесс, которые были замужем за знатными карлуками (однако имя монгольской принцессы, жены Арслан-хана, неизвестно). Сын Арслан-хана по имени Асан Буга был женат на принцессе Толе, внук Кунатар — на принцессе Баба, сыновья Ато и Худуху — на принцессах Асилунь и Шосымань (Юань-ши, цз. 109). Первая жена Дашмана Сымали была родом из знати тюркского племени аргын, вторая — Токтолунь — из знати монгольского племени татар, находилась в окружении Хубилай-хана и стала при его посредничестве женой Дашмана (Franke, p. 65—67). Дочь знатного карлука Тамудара была женой юаньского императора Хошила, а его сын Келягай был женат на дочери главного министра юаньского двора монгола Тото (Ögel, p. 222). Эти данные свидетельствуют о тесных родственных связях между карлукской верхушкой и монгольской аристократией.

Таким образом, сопоставление китайских и персидских источников монгольского периода указывает на активную политическую роль части карлукских племен в жизни монгольской империи. Карлуки сумели сохранить на территории Средней Азии свою этническую целостность и сыграли немаловажную роль в этногенезе тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана.

ЛИТЕРАТУРА

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. 8. М., 1968.
Бартольд В. В. Карлуки, т. 5, с. 547—548.
Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976.
Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
Козин С. А. Сокровенное сказание, т. 1, М.—Л., 1941.
Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. 1, ч. 1. М.—Л., 1952.
Шаниязов К. Ш. Узбеки-карлуки. Историко-этнографический очерк. Ташкент, 1964.
Юань-ши (История Монгольской династии Юань), цз. 133.— В сер.: Сыбубэйяо. Шанхай, 1936.
Bretschneider, Mediaeval Researches from Fastern Asiatic Sources, vol. 2, London, 1910.
Ecsedy H. A contribution to the history of Karluks in the T'ang period, Acta Orient, Hung. Tomus 34, Budapest, 1980.
Ecsedy H. Trade-and-war relations between the Turcs and China in the Record half of the 6-th century, Acta Orient, Hung., 21 (1968). Note 3.
Franke H. Eine Qarluq-türkische Familie in Dienste der Mongolischen Grosskhane, Band 14, Scholia, Beiträge zur Turkologie und Zentralasiesienkunde, Otto Harrassowitz. Wiesbaden, 1981.
Ögel B. Sino-Turcica. Çingis han ve çin'deki hanedarinin türk musavirleri. Taipei, 1964.

К. Ш. Шаниязов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ И ЭТНИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ УЗБЕКОВ В XIV—XVII ВВ.

На территории Мавераннахра издавна проживали две народности — узбеки и таджики. Обитая длительный период на смежной, а отчасти и на одной территории, они создали во многом сходную материальную и духовную культуру, аналогичные обычаи и обряды. На протяжении веков между этими двумя народами происходил непрерывный процесс слияния, который выражался, главным образом, в тюркизации некоторой части таджикского населения и таджикизации определенной части тюркского. Однако несмотря на общие черты им были свойственны и характерные особенности: язык, литература, некоторые черты быта и культуры, что определило существование двух самостоятельных народностей на территории Мавераннахра и в прилегающих районах.

Узбекское[1] население Мавераннахра, Хорезма и Ташкентского оазиса до проникновения в эти области кочевых дештикипчакских племен в составе войск Шейбани-хана состояло из оседлых, полуоседлых и кочевых групп. Оседлые группы сформировались в результате длительного, многовекового смешения ираноязычных, тюркских и других элементов. Этот процесс, начавшийся еще в древности (с конца первого тысячелетия до н. э.), продолжался

[1] Слово «узбек» для обозначения узбекской народности средневекового периода применяется нами условно.

вплоть до XVI—XVII вв. и в последующие века. Оседлые узбеки составляли основную массу тюркоязычных жителей городов и селений и занимались земледелием, ремеслом, торговлей и отчасти скотоводством.

Полуоседлые узбеки были потомками представителей древнетюркских племен, которые жили на территории Мавераннахра и в прилегающих к ней областях задолго до монгольского нашествия: карлуков, чигили, халач, аргу, тухси, тюргеши, азы, уйгуров, канглы, кипчаков, огузов-туркмен и др. Значительная часть их, перейдя к оседлости, еще долго сохраняла за собой самоназвание тюрк. Захириддин Бабур в своих мемуарах писал: «Жители Андижана— все тюрки» (Бабур, с. 12). Однако основным носителем самоназвания тюрк (Бартольд, 1964, с. 313; Он же, 1966, с. 245) были те группы племен, которые продолжали вести полуоседлый образ жизни, сочетая традиционное скотоводство с земледелием. Они рассеялись на окраинах земледельческих оазисов и в предгорьях, а также в горных районах Среднеазиатского Междуречья.

К кочевым группам племен относятся, главным образом, тюркомонгольские племена, которые жили в Мавераннахре и в прилегающих к нему областях в период монгольского владычества (XIII — первой половине XIV в.) и во времена Тимуридов (вторая половина XIV—XV в.). Ранними монгольскими племенами, перекочевавшими в 60-е годы XIII в. из верховьев р. Или и Прииссыккулья в Мавераннахр, были джелаиры[2], барласы, каучины и арлаты. Джелаиры расселились в долине р. Ангрен и в районе Ходжента; барласы — в Шахрисабзском оазисе, каучины — в Ферганской долине и в южных районах Кашкадарьи; арлаты — в южных районах Узбекистана и в Северном Афганистане (Бартольд, 1963, с. 264; Он же, 1964, с. 35—36). В течение XIV—XV вв. приток монгольских племен на территорию Среднеазиатского Междуречья и прилегающих к нему районов несколько увеличился, однако численный состав их, по сравнению с местным населением, был незначительным. В этот период, помимо названных, мигрировал ряд других монгольских племен: алчин, дуглат, сулдуз, минг, мангыт, кунграт, найман и др. Они вели кочевой образ жизни, занимаясь в основном скотоводством. Однако в XV в. под влиянием земледельческого населения оазисов некоторая часть их перешла к оседлому образу жизни.

Монгольские племена, пришедшие в Мавераннахр, были настолько отюречены, что в середине XIV в. считали своим родным языком тюркский (Греков, Якубовский, с. 297). Племена восточной части улуса Чагатая (Семиречье и Восточный Туркестан) все еще сохраняли старые монгольские традиции, хотя уже были отюреченными. Последние с презрением относились к представителям тех племен, которые населяли западную часть улуса Чагатая

[2] Группы из племен джелаиров в середине XIV в. перекочевали в Северный Иран, где было образовано государство Джелаиров (1356—1411). См.: Греков, Якубовский, 1950, с. 330.

(в Мавераннахре)[3]. Отюреченные монголы Мавераннахра постепенно забыли самоназвание «монголы» и стали называть себя «чагатаями», а несколько позже, в период последних Тимуридов, этим термином стало именоваться все население Мавераннахра, как тюркское, так и таджикское (Якубовский, с. 10).

Таким образом, основу узбекской народности в XIV—XV вв. составляли оседлые тюркоязычные группы населения, образовавшиеся в результате многовекового процесса взаимопроникновения ираноязычного и тюркоязычного населения Среднеазиатского Междуречья и Хорезма. В состав узбекской народности входили некоторые группы раннесредневековых тюркских племен, которые все еще продолжали сохранять племенное название и родо-племенное деление, имели ряд особенностей в хозяйстве и материальной культуре. В состав узбекской народности вошли и тюрко-монгольские компоненты. Значительная часть последних продолжала традиционное кочевое скотоводство, однако под влиянием оседлого земледельческого населения в их культуре, быту и психологии произошли большие изменения. Об этом свидетельствует то, что в XV в. они, как и все тюркоязычное население Мавераннахра, стали называть себя «тюрками» или «тюрками-чагатаями».

В XIV—XV вв. на территории Мавераннахра и Хорезма сформировался единый узбекский литературный язык, известный под названием «тюрки» или «чагатай»[4]. В этот период получила значительное развитие и узбекская литература, которая с появлением Алишера Навои во второй половине XV в. достигла апогея (Бартольд, 1968, с. 608). В основе литературного языка Навои лежал давно сложившийся на территории Мавераннахра язык «тюрки». Уроженец Ферганы Бабур, говоря о тюркском языке жителей Андижана, отмечал: «Говор народа сходен с литературным; сочинения Мир Алишера Навои, хотя он вырос и воспитывался в Герате[5], (написаны) на этом языке» (Бабур, с. 12). Однако народная тюрк-

---

[3] Монголы презрительно называли чагатаев «караунасами», т. е. метисами, смешанными с местным оседлым населением, а чагатаи — в свою очередь называли кочевых монголов «джете», т. е. разбойник (См.: Бартольд, т. 2, ч. 1, с. 154; Он же, т. 2, ч. 2, с. 36). Следует указать, что джете в XIV—XV вв. именовались не только монголы Восточного Туркестана и Семиречья, но и некоторые группы кочевых узбеков Дешт-и-Кипчака (См.: Уложение Тимура, с. 99, 102).

[4] В лингвистической литературе узбекский литературный язык XIV—XV вв. называется «чагатайским» или «староузбекским» языком (Щербак, с. 12—16). Оба термина, хотя они приняты условно, не могут дать исчерпывающую характеристику узбекскому литературному языку указанных периодов. В произведениях Алишера Навои (Навои, с. 107—139) и Бабура (Бабур, с. 12, 31, 34, 41 и др.) литературный язык тюркоязычного населения центра Средней Азии XIV—XV вв. назван языком «тюрки». Этот термин кажется нам более подходящим для обозначения узбекского литературного языка указанного периода. Однако не следует смешивать язык «тюрки» Мавераннахра с языком османских турков.

[5] Герат в ту пору был столицей Тимуридских правителей Хорасана.

ская речь, будучи разнодиалектной, несколько отличалась от литературного языка, содержащего значительное количество таджикских и арабских заимствований.

В разговорном языке узбеков XIV—XV вв. и позже бытовали три основных диалекта: карлукский и кипчакский[6], сыгравшие большую роль в формировании узбекского литературного языка, и огузский, распространенный преимущественно в Хорезме (Щербак, с. 18).

Узбекский язык (как литературный, так и народный) развивался в тесной взаимосвязи с таджикским. Значительная часть населения Среднеазиатского Междуречья (в особенности в Бухарском оазисе, в Самарканде и в ряде районов Ферганской долины), говорившая на языке «тюрки», свободно владела и таджикским языком: на этом языке писались исторические труды и литературные произведения. По словам Алишера Навои, «Все тюрки — дети и старики, слуги и беки — понимают сартский язык[7]. Они его знают настолько, что в затруднительном положении могут объясниться, а некоторые из них даже могут говорить на этом языке красноречиво и изящно. Тюркские поэты на языке фарси пишут красноречивые стихи и замечательные речи» (Навои, с. 110).

В начале XVI в. часть племен Дешт-и-Кипчака во главе с Шейбани-ханом, воспользовавшись ослаблением государства Тимуридов в Средней Азии, овладела земледельческими оазисами Мавераннахра. Эти племена были известны под общим именем «узбеков».

Термин «узбек» употреблялся в средневековых источниках (XIV — начало XV в.) как собирательное наименование тюркских и тюрко-монгольских племен восточной части степи Дешт-и-Кипчака, главным образом, кочевого населения Ак-Орды[8]. На этой территории в 20-е годы XV в. возникло крупное этно-политическое объединение под названием «государство узбеков» (Ахмедов, 1965). Правителем этого государства был Чингизид Абулхайр-хан, подчинивший также кочевые племена, объединившиеся во второй половине XV в. Главенствующую роль в нем играли мангыты. Часть последних еще в начале XV в. переселилась на Среднеазиатскую равнину (Семенов, с. 23).

---

[6] Указанные диалекты узбекского народного языка сложились на территории центральной части Средней Азии в разные исторические периоды. Более ранними (VIII—X вв.), очевидно, были карлукский или карлуко-уйгурский и огузские диалекты, а кипчакский язык, хотя и проник на территорию Мавераннахра еще в первой половине XI в., стал одним из основных диалектов на этой территории лишь в XIV—XV вв. и позже, когда здесь расселились большие группы кипчаков.

[7] Сартами Навои и Бабур называли таджикское население среднеазиатских оазисов.

[8] В состав Ак-Орды, кроме бассейна Сырдарьи (средней и нижней части), входили огромные степные и отчасти лесные пространства Дешт-и-Кипчака, т. е. современного Казахстана и Западной Сибири (Греков, Якубовский, с. 296).

Этнический состав «государства узбеков» был довольно пестрым. На его территории были расселены многочисленные тюркские и отюреченные монгольские племена и племенные объединения, между которыми шла постоянная борьба за пастбища и за власть.

Отсутствие достаточно прочных внутренних связей между отдельными частями огромного по территории «государства узбеков» ускорило начавшийся распад владений Абулхайра и вызвало обострение междоусобной борьбы степной знати за раздел территории.

Племена мангытов, кочевавших в степях между Волгой и Уралом и ставших союзниками Абулхайр-хана, во второй половине XV в. сгруппировались в этно-политическое объединение под названием Ногайская Орда. К северу от территории узбеков и ногайцев постепенно образовалось самостоятельное владение Сибирских ханов, которое было известно в XVI в. как Сибирское или Тюменское ханство.

Часть узбекских племен — двести тысяч человек во главе с Кирей-ханом и Джанибек-ханом — еще при жизни Абулхайра перекочевали в долину р. Чу и с 1466 г. стала править самостоятельно. За этими группами постепенно утвердилось название «казахов» (Материалы по истории казахских ханов, с. 214). После смерти Абулхайра (1448/69 гг.) борьба между претендентами на власть усилилась. Отдельные племена Ак-Орды, не желая участвовать в междоусобии, бежали в долину р. Чу и присоединились к ранее поселившимся здесь казахам. В конце XV — начале XVI в. казахская народность настолько усилилась, что стала способна не только защищать свои кочевья, но и вести успешную наступательную войну с другими претендентами улуса узбеков-Шейбанидов[9]. После ухода части узбеков в Мавераннахр казахи постепенно овладели степными просторами восточного Дешт-и-Кипчака.

Этнический состав указанных выше этно-политических объединений до определенного периода не имел большой разницы. Мангытские и казахские объединения, а также распавшееся государство узбеков-Шейбанидов составляли одни и те же тюрко-монгольские племена: кипчаки, мангыты, канглы, кунграты, найманы, уйшуны и др. Племена Ак-Орды продолжали носить общее собирательное наименование «узбеки» (Греков, Якубовский, с. 302). Рузбехан Исфаханский в книге «Мехман-наме-йи Бухора» («Записки бухарского гостя»), написанной им в начале XVI в., причисляет к

[9] Имеется в виду территория и племена, которыми правили потомки Шейбани. В XIII в. степями к северу от Аральского моря и низовьев р. Сырдарьи управлял один из сыновей Джучи-хана, внук Чингисхана. Его орда кочевала на пространстве между уральскими горами и реками Илек и Иргиз, в области бассейнов нижней и средней Сырдарьи с прилегающими горами (См.: Семенов, с. 8, 9). Граница владения Шейбани и его потомков — Шейбанидов — почти совпадала с границей Ак-Орды. Столицей последней был г. Сыгнак (Греков, Якубовский, с. 305). В средневековых источниках оба владения потомков Джучи (Шейбани и Ак-Орды) нередко фигурируют как улус Шейбани или Шейбанидов.

узбекам племена относящихся к Шибанитам (Шейбанидам) казахов и мангытов (Фазлаллах ибн Рузбехан Исфахани, с. 62).

В трудах среднеазиатских авторов конца XV — начала XVI в. казахов все еще называли узбеками или узбеками-казахами, из чего можно заключить, что хозяйственный и культурный уклад казахов мало чем отличался от образа жизни основной массы узбеков Ак-Орды.

Однако казахи, как и часть узбеков Дешт-и-Кипчака, сохраняли свою силу лишь до определенного времени. Уже в первые десятилетия XVI в. исторические судьбы сформировавшихся в народность казахов, а также кочевых узбеков, ушедших в центральную часть Средней Азии, складываются по-разному. Кочевыми узбеками восточного Дешт-и-Кипчака во главе с Шейбани-ханом были покорены владения Тимуридов в Мавераннахре и Хорезме[10]. В военных походах Шейбани-хана участвовали многие из тех племен, которые в свое время активно поддерживали его деда Абулхайра: кушчи, найманы, карлуки, уйгуры, уторчи, ички, кипчаки, дурмены, минги, кияты, кунграты, кенегесы, туманы, тангуты, чимбай, буркуты, шункарли, меситы, шадбакли, йиджаны, мангиты и др. (Материалы по истории казахских ханств, с. 96, 97, 143—144, 146, 153, 154).

Часть дештикипчакских племен (группы из племени найманов, уйгуров, кунгратов, кушчи и др.) перекочевали сразу же после завоевания Мавераннахра и Хорезма, часть пришла сюда в течение XVI в. Следует отметить, что отдельные тюрко-монгольские племена: карлуки, уйгуры, кипчаки, канглы, кунграты, найманы, мангыты и др. — жили как в Мавераннахре и в Хорезме, так и в Дешт-и-Кипчаке, задолго до появления кочевых узбеков.

Узбеки Дешт-и-Кипчака, явившиеся на территорию Средней Азии, были кочевыми племенами с сильными патриархально-феодальными пережитками. Естественно, что они не могли принести с собой нового способа производства и восприняли целиком тот социально-экономический строй, который здесь господствовал при Тимуридах.

Переселившиеся на территорию Мавераннахра и Хорезма кочевые племена вступили в контакт с ранее пришедшими сюда одноплеменниками, что облегчило их слияние с местным населением, т. е. группы племен, которые первыми перекочевали в культурные области Средней Азии, также подверглись влиянию местного насе-

---

[10] После гибели Шейбани-хана в сражении с иранским шахом Исмаилом под Мервом в 1510 г. бывшие Тимуридские владения Хорасана, включая Туркмению и Хорезм, завоеванные до этого узбеками, перешли во власть Ирана. В 1511 г. жители Хорезма, недовольные правлением иранских наместников, перевели в Хорезм одного из дештикипчакских ханов Ильбарса, ставшего родоначальником независимой от Шейбанидов династии, управлявшей Хорезмом свыше двухсот лет. Таким образом, уже в 20-е годы XVI в. все Тимуридские владения в Средней Азии оказались под властью двух узбекских ханов — бухарского и хивинского (Бартольд, 1964, с. 595).

ления и в процессе интеграции приобрели культурный облик, характерный для узбекской народности средневекового периода.

Степные тюрко-монгольские племена внесли серьезные изменения и в языковом отношении. Находясь в Дешт-и-Кипчаке, они говорили на кипчакском или на кипчако-огузском диалектах, распространенных на территории Мавераннахра и Хорезма задолго до прихода кочевых узбеков. Однако в дальнейшем, по мере перехода их к оседлости, в их языки проникает много слов из арабского и таджикского языков, давно оформившегося узбекского (или чагатайского), языка населения центральной части Средней Азии. В XVI—XVII вв. официальным языком были узбекский, а также таджикский как второй язык некоторых групп узбеков (особенно в Бухарском оазисе). На таджикском языке писали свои произведения многие придворные поэты и историки Бухары, велось делопроизводство в ханстве. Язык хорезмийцев менее подвергался арабо-персидскому влиянию (Кононов, 1958, с. 36), тем не менее также содержал большое количество иноязычных элементов (Щербак, с. 15).

Таким образом, говоря об узбеках Дешт-и-Кипчака, мигрировавших на территории Среднеазиатского Междуречья, следует напомнить, что они хотя и увеличили этническую пестроту местного населения, однако не внесли крупных изменений в его этнический состав и представляли собой лишь один из слагаемых компонентов в этногенезе узбекского народа. Антропологические материалы также свидетельствуют о том, что узбекская народность сформировалась на местной этнической основе, на которую на протяжении XIII—XVII вв. продолжали наслаиваться этнические компоненты различного происхождения (Гинзбург, Трофимова, с. 317).

Во второй половине XV—XVI в. кочевые узбеки, появившиеся на территории Мавераннахра и Хорезма, постепенно переходили к оседлости. К концу XVI в. в Бухарском ханстве, как отмечают источники, проживали три категории населения: оседлые земледельцы — «дехнишин», полуоседлые — «кишлокнишин» и кочевники — «сахронишин» (Иванов, 1958, с. 72)[11].

Население Хорезма в первой половине XVI в. состояло из кочевых узбеков, туркмен и оседлых сартов (Бартольд, 1968, с. 186), во второй половине происходил интенсивный переход кочевников к оседлости, чему в значительной степени способствовала правительственная реформа хивинского хана Абул-гази.

Согласно данным Муниса, Абу-л-Гази-хан (1643—1663) для установления порядка во взаимоотношениях различных враждо-

---

[11] П. П. Иванов полагает, что «кишлокнишин» — часть кочевого населения, которая стала постепенно оседать, превращая прежние зимние стоянки (кишлак) в место постоянного жительства. По нашему мнению, термином «кишлокнишин» бухарские историки называли полуоседлое население, так как для обозначения оседлого они употребляли таджикское слово «дехнишин».

вавших племенных групп разделил узбекское население низовьев Амударьи на четыре парных объединения («тупа»): уйгур—найманов, кунграт—киятов, нукус—мангытов, канглы—кипчаков. Каждому из указанных объединений были отведены земли и оросительные каналы (Материалы по истории туркмен и Туркмении, с. 327—328).

Группы населения из Хорезма мигрировали на территорию Среднеазиатского Междуречья.

В свой последний поход на Хорезм (1388 г.) Тимур занял его столицу Ургенч и приказал переселить жителей в Самарканд, а город сравнять с землей. Многие жители Ургенча, в основном ремесленники, были переселены в Мавераннахр. По всей вероятности, они стали предками группы населения под названием «ургенджи», проживавшей до начала нашего столетия в долине нижнего и среднего Зарафшана. Жители крупных городов южного Хорезма — Кята и Балдумсаза — после захвата их Шейбани-ханом в 1501—1502 гг. также были высланы в Мавераннахр (Таварих-и Гузиде Нусрат-наме, с. 10). Перемещение населения из Хорезма в Мавераннахр происходило и в конце XVI в. в период завоевательных походов бухарских ханов. После захвата страны бухарцами значительные группы хорезмийцев были насильственно переселены в Бухару, Самарканд, Хорасан и Ташкент (Родословное древо тюрков..., с. 197, 234). Многие из них в мирные годы вернулись на родину, но определенная часть осталась в Мавераннахре, составляя локальные группы в земледельческих оазисах под названием «ургенджи» или «хоразмлик» (хорезмийцы).

По мере оседания кочевых узбеков происходил процесс интеграции и смешения родоплеменных групп и племен как между собой, так и с оседлым населением среднеазиатских оазисов. Пришлые племена постепенно сливались с местным населением, известным под названием «чагатай», утрачивая таким образом племенные и родовые деления. О процессе ассимиляции кочевых узбеков говорит тот факт, что в конце XVI в., как и при Тимуридах, все население Бухарского ханства (кроме переселившихся узбеков) делилось на «чагатай» или «тюрки-чагатай» и таджиков, а в конце XVII в., согласно источникам, на узбеков и таджиков (Иванов, с. 69). Понятие «чагатай», обозначавшее тюрко-монгольское население эпохи Тимуридов, видимо, начало терять свое прежнее значение. До конца XIX — начала XX в. «чагатай» продолжало называть себя в отличие от узбеков, пришедших из Дешт-и-Кипчака, местное оседлое население, не имевшее родоплеменного деления, т. е. узбеки группы тюрк и таджики главным образом южных районов нынешнего Узбекистана и Таджикистана (Кармышева, с. 122—125 и др.). То же самое произошло и в Хорезме, где термин «чагатай», рассматривавшийся еще в первой половине XVII в. как название значительной части населения этого края, постепенно потерял свое значение и в последующие века обозначал наименование небольшой группы узбеков.

Несколько изменилось и значение слова «сарт». Как известно, прежде сартами называли, главным образом, таджиков, в XVI—XVII вв.— сельское и городское население Мавераннахра (в Ферганской долине), Ташкентского оазиса и Хорезма, говорившее на тюркском и таджикском языках (Бартольд, 1968, с. 189).

Несмотря на то, что в течение XVI—XVII вв. племена, влившиеся в состав узбекской народности, подвергались влиянию оседлой земледельческой культуры и многие из них перешли к оседлости, общественный строй определенной части кочевых узбеков почти не менялся. Последние продолжали вести полукочевое и полуоседлое скотоводческое хозяйство, сохраняя родоплеменные организации и некоторые особенности традиционного быта. Племенная знать по-прежнему обладала большим количеством скота и пахотных земель и оказывала заметное влияние на общественно-политическую жизнь в ханствах.

Влиятельные племена занимали отдельную территорию, в пределах которой они располагали всеми доступными хозяйственными угодьями. Например, город Карши и его окрестности в XVI—XVII вв. и позже являлись центром владения мангытов; Шахрисабзский оазис с городом Шахрисабз — барласов и кенегесов; Ура-тюбе — юзов; Джизак — кирков; Средний Зарафшан — ктаев и кипчаков; Фергана — мингов, затем — кипчаков; Хорезм — уйгуров, найманов, дурмен, кунгратов, канглы и других племен. Вожди отдельных племен играли большую роль в политической жизни страны, зачастую соперничая с правителями и ханами. Так, в 1710 г. в Коканде власть захватил предводитель племен мингов— Шахрух-бий, несколько позже, в середине XVIII в., в Бухаре утвердилось господство мангитов.

Этническое развитие узбекской народности в XVI—XVII вв., как и ранее, проходило в тесных этнокультурных контактах с соседними народами — таджиками, туркменами, киргизами, казахами и др.

В процессе взаимодействия таджикского и узбекского населения на территории Мавераннахра установился определенный этноантропологический субстрат, на основе которого формировались узбекская и таджикская народности. В течение XVI—XVII вв. тюркоязычные группы продолжали сливаться с таджикским населением, и, наоборот, некоторая часть таджиков вошла в состав узбеков. Последнее чаще происходило там, где преобладающими по численности оказались узбеки: например, в Фергане, долине Зарафшана и др.

На территории Мавераннахра, главным образом в Нуратинских горах, издавна жила этнографическая группа туркмен. Предками их являются часть огузо-туркменских племен, оставшаяся от основного потока ушедших на запад во время движения сельджуков (X—XI вв.). К ним присоединились группы туркменских племен, в разное время пришедшие в Мавераннахр из присырдарьинских степей и левобережья Амударьи. Вокруг огузов-туркмен, остав-

шихся в Нуратинских горах, впоследствии сгруппировались как местные узбекские племена, так и племена дештикипчакского происхождения. Об этом говорит тот факт, что многие родовые подразделения нуратинских туркмен (например, казаяклы, богаджилы, айтамгалы и др.) встречаются в составе ряда узбекских племен, переселившихся на территорию Среднеазиатского Междуречья. Вливаясь в эту этнографическую группу, местные компоненты способствовали сближению ее культурного облика с обликом, характерным для Среднеазиатского Междуречья.

Этнокультурные контакты населения Мавераннахра с киргизами начались давно. Однако непосредственные взаимоотношения (экономические, этнические и культурные) узбекского и киргизского народов начались в XVI в., когда некоторая часть последних переселилась в горные и предгорные районы Ферганской долины.

Миграция незначительного числа населения из Дешт-и-Кипчака проходила также в течение XVII в.

В начале XVII в., воспользовавшись упадком политической мощи Бухары, казахские ханы овладели Ташкентом, в связи с чем отдельные группы казахов поселились в пастбищных районах Ташкентского оазиса. Часть каракалпаков из присырдарьинских степей перекочевала, видимо, еще до второй половины XVII в. в Зарафшанскую долину (Иванов, с. 69). Однако наиболее массовое (последняя значительная волна) переселение племенных групп из казахских степей началось в конце XVII — начале XVIII в. в период нашествия джунгаров в южные районы Казахстана. Население разоренных аулов вынуждено было бежать. Каракалпаки, а также значительная часть казахов и кипчаков Средней Орды спасались от преследования бегством в центральные области Средней Азии, главным образом, в бассейн Зарафшана и Ферганскую долину.

Итак, этническая история узбекского народа в XIV — начале XVII в., как и в прошлые века, была тесно связана с этнической историей родственных народов — казахов, киргизов, туркмен, каракалпаков, а также таджиков. В результате длительной этнокультурной связи в хозяйстве, быту, материальной и духовной культуре народов обширного региона Средней Азии и Казахстана сложилось много сходных черт. Однако несмотря на это каждому из них были свойственны и характерные особенности: самостоятельный язык, литература, многие черты быта и культуры, определившие их существование как отдельной народности.

ЛИТЕРАТУРА

Абу-л-Гази Бахадур-хан. Родословное древо тюрков. Перевод и примечания С. Г. Саблукова. Казань, 1906.

Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М., 1965.

Бартольд В. В. История Туркестана. Соч., т. 2, ч. 1. М., 1963, с. 109—166, 169—433, 547—623.

Бартольд В. В. Улугбек и его время. Соч., т. 2, ч. 2. М., 1964, с. 25—174, 310—314.

Бартольд В. В. Мусульманский мир. Соч., т. 6, М., 1966, с. 207—297.
Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Соч., т. 5. М., 1968, с. 19—192, 606—610.
Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.
Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950.
Захир ад-дин Мухаммад Бабур. Бабур-наме. Перевод и комментарии М. А. Салье. Ташкент, 1958.
Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX вв.). М., 1958.
Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976.
Кононов А. А. Родословная туркмен. Соч. Абу-л-Гази-хана хивинского. М.—Л., 1958.
Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков. Алма-Ата, 1969.
Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 2. М.—Л., 1938, с. 327—328.
Навои А. Суждение о двух языках. Соч., в 10 т., т. 10. Ташкент, 1970.
Семенов А. А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбанихана. Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии.— Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. Сталинабад, 1954.
Таварих-и гузиде Нусрат-наме. Исследование, критический текст, аннотированное оглавление и таблица сводных оглавлений А. М. Акрамова. Ташкент, 1967.
Уложение Тимура. Казань, 1894.
Фазлаллах ибн Рузбехан Исфахани. Михман-наме-йи Бухоро. Перевод, предисловие и примечание Р. П. Джалиловой. Под ред. А. К. Арендса. М., 1976.
Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962.
Якубовский А. Ю. К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент, 1941.

Т. К. Ходжайов

КРАТКИЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ АНТРОПОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМАМИ ЭТНОГЕНЕЗА УЗБЕКСКОГО НАРОДА

Средняя Азия в силу своего географического расположения и происходивших на ее территории в течение огромного исторического периода сложных расовых и этнических процессов является регионом, определявшим исторические судьбы не только своих, но и соседних народов.

В 30—50-ые годы в антропологическом отношении Узбекистан был одной из наиболее хорошо изученных областей Советского Союза. Большая заслуга в этом принадлежала ташкентской антропологической школе, руководимой профессором Л. В. Ошаниным. Этот талантливый исследователь организовал кафедру антропологии в Ташкентском государственном университете. Силами Л. В. Ошанина и его учеников (В. Я. Зезенкова, К. Н. Наджимов), а также московских и ленинградских антропологов были определены контуры расселения основных антропологических типов и картина их географического и хронологического соотношения. Средняя Азия была разделена ими на три антропологические об-

ласти. Наибольший интерес в данном случае представляет для нас центральная, а именно, территория Междуречья Амударьи и Сырдарьи, где в настоящее время живут узбеки и равнинные таджики, отнесенные Л. В. Ошаниным к так называемой расе Среднеазиатского междуречья. А. И. Ярхо называл эту расу памиро-ферганским типом.

Ряд антропологов полагает, что раса Среднеазиатского междуречья есть древняя формация, такая же, как андроновская или восточносредиземноморская, существовавшие на территории Средней Азии по крайней мере с эпохи неолита — 6—8 тысяч лет тому назад. Другая группа антропологов считает, что она сформировалась в эпоху раннего железа, то есть около трех тысяч лет тому назад. Нет единого мнения и о месте сложения этой расы. Одни авторы полагают, что она оформилась первоначально в южных областях Средней Азии в результате эпохальных изменений восточносредиземноморского типа. По мнению других исследователей, раса Среднеазиатского междуречья первоначально сложилась либо на территории Южного Поволжья в савромато-сарматской среде, либо в южной Сибири, а затем в результате миграций появилась на территории Средней Азии. Следовательно, она не имеет местных корней и является пришлой. Выяснение генезиса расы Среднеазиатского междуречья затрудняется и тем, что до сих пор нет единого мнения о том, кого из среднеазиатских народов считать классическими представителями этой расы — современных памирцев или узбеков и равнинных таджиков. Наконец, нет единого мнения и об основных компонентах, принявших участие в сложении облика представителей этой расы.

На первый взгляд, вопросы, которые рассматриваются в нашем сообщении, сугубо расогенетические. Однако советскими антропологами доказано и сейчас общепризнано существование тесной взаимосвязи между историей сложения расового типа (расогенезом) и происхождением того или иного народа (этногенезом). Результаты антропологических исследований древнего населения Средней Азии, проводимых в Институте археологии АН УзССР в течение последних 10—15 лет, позволяют уточнить и решить многие спорные вопросы, перечисленные выше. За этот период в результате плодотворных археологических работ в нашей республике были выявлены и изучены антропологические материалы из 93 новых памятников, охватывающие период с эпохи мезолита до современности (до наших исследований их было 80). Более 90% нового материала получено с территории Узбекистана, что позволяет осуществить дальнейшее углубленное изучение проблем сложения узбекского народа.

Полученные данные позволяют поддержать мнение тех исследователей, которые классическими представителями расы Среднеазиатского междуречья считают узбеков и равнинных таджиков. Народы Памира, отличавшиеся от них рядом важных антропологических признаков, относятся к закаспийской или каспийской расе.

Исследование фактического палеоантропологического материала дает нам основание считать, что раса Среднеазиатского междуречья не имеет древнего происхождения. Она не выявлена у населения эпохи неолита, бронзы и раннего железа. Во все эти периоды на территории Средней Азии были распространены два крупных антропологических пласта: степной протоевропейский и южный восточносредиземноморский. Оба они относятся к различным ветвям европеоидной расы и у них отсутствуют монголоидные черты. Представители северного комплекса отличаются от южного массивностью черепа, сильно развитым надбровьем, очень широким и низким лицом. На юге же обитали племена, отличавшиеся удлиненной формой головы, узким лицом, грацильным строением черепа. На севере жили относительно более высокорослые, физически крепкие люди.

Есть лингвистические и археологические данные о том, что 3—4 тысячи лет тому назад племена с протоевропейскими чертами проникли с севера (Восточная Европа) в южные области Средней Азии. Однако антропологами они не подтверждаются. По нашему мнению, граница расселения этих двух европеоидных комплексов проходила по Южному Приаралью, северу Зарафшанской и Ферганской долин, что указывает на отсутствие в эпохи неолита и бронзы такой исторической ситуации, которая привела бы к сложению расы Среднеазиатского междуречья за счет метисации этих антропологических типов. Для последних веков до нашей эры мы четко выделили расу Среднеазиатского междуречья у обитателей Средней Азии. Не исключается, что начальные этапы сложения этой расы протекали, возможно, в эпоху поздней бронзы и раннего железа.

Географический принцип исследования позволил нам установить, что первоначально раса Среднеазиатского междуречья сложилась в северных и центральных областях Средней Азии (Хорезмский и Ташкентский оазисы, Зарафшанская, Ферганская, Таласская и Чуйская долины). Начиная с первых веков нашей эры она формируется у части населения южного Узбекистана, южного Таджикистана и западной Туркмении. Однако пути формирования комплекса признаков расы Среднеазиатского междуречья по всей Средней Азии не были одинаковыми. В северных областях она сложилась в результате грацилизации мезокефального типа, характерного для местного земледельческого и кочевническо-скотоводческого населения середины I тысячелетия до н. э. Роль южного компонента в сложении физического облика населения северных областей была незначительной. На юге Средней Азии наряду с внутренними эпохальными изменениями восточносредиземноморского типа большую роль сыграли выходцы из северных и центральных областей Средней Азии, что, видимо, было связано с движением кочевых племен в конце I тысячелетия до н. э. на юг. Сложение расы Среднеазиатского междуречья в южных областях Средней Азии происходило разновременно — сначала в городах

Северной Бактрии, затем — в сельских местностях. Естественно предположить, что на юге формирование расы Среднеазиатского междуречья проходило благодаря процессу метисации, сыгравшему большую роль и в сложении расового типа населения центральных областей Средней Азии. Таким образом, первоначально раса Среднеазиатского междуречья сложилась в северных и центральных областях, позже — в южных. На севере ведущую роль в ее формировании сыграли процессы эпохальных изменений (брахикефализация и грацилизация), а в центральных и особенно в южных областях — процессы смешения. В конечном счете есть полное основание считать, что раса Среднеазиатского междуречья имеет местное происхождение и изначальными носителями ее были местные среднеазиатские народности.

Здесь частично были затронуты и компоненты, участвовавшие в сложении расы Среднеазиатского междуречья. До середины I тысячелетия до н. э. на территории Средней Азии повсеместно жили люди, характеризовавшиеся различными вариантами европеоидной расы. Две с половиной тысячи лет тому назад данная антропологическая картина изменилась. Единичные случаи проникновения племен с монголоидными чертами впервые зафиксированы в северных районах Средней Азии. Так, монголоидный компонент в виде вкраплений выявлен у населения юго-восточного Приаралья, северо-запада Зарафшанской долины, Тянь-Шаня и Алая. Наличие его в эту эпоху фиксируется даже на Украине. Раньше предполагалось, что носители монголоидных черт на территории Средней Азии стали появляться со времен великого переселения народов. Однако сейчас устанавливается их проникновение с территории Горного Алтая начиная с VI—V вв. до н. э. В последнее время в печати появились сообщения о более древнем пришествии монголоидов в Среднюю Азию. Однако их датировка эпохой бронзы вызывает сомнение и не позволяет принять эти сведения во внимание.

Анализ степени нарастания монголоидных особенностей в течение двух с половиной тысяч лет позволил выявить ряд интересных закономерностей для каждого исторического периода. Выявлены три этапа интенсивного притока монголоидного по типу населения в Среднюю Азию: середина I тысячелетия до н. э.; X—XII вв. н. э.; XVI—XVII вв. н. э. Все исследователи единодушно считали, что монгольское завоевание Средней Азии резко увеличило вес монголоидного компонента у среднеазиатского населения. Однако наши исследования позволяют внести поправку в этот общепринятый тезис. Действительно, удельный вес монголоидного элемента резко увеличивался, но этот процесс протекал интенсивно не по всей территории Средней Азии, а охватывал лишь северные и северо-восточные области — Казахстан и Киргизию. Существенные различия по степени монголоидности населения между до- и послемонгольским периодами в южных и центральных областях Средней Азии не устанавливаются. Таким образом антропологические

данные демонстрируют своеобразие расогенетических и этногенетических процессов среди кочевническо-скотоводческого и оседлоземледельческого населения эпохи бронзы, раннего железа и античности, городского и сельского — в эпоху средневековья.

С помощью данных антропологии установлен ряд важных фактов исторического характера: в период античности кочевые племена легче проникали в городскую среду, в эпоху средневековья — в сельскую. Причины эти пока неясны, дальнейшие исследования в этой области, возможно, дадут новые сведения о взаимоотношении оседлого и кочевого населения. Для X—XII вв. нашими данными достоверно устанавливается приток населения из северо-восточных областей в Центральный Мавераннахр, а именно в район междуречья Карадарьи и Акдарьи в Самаркандской области. Подобное явление отмечено и для Кашкадарьинской долины, северного Таджикистана, северной Ферганы, Ташкентского и Хорезмского оазисов. Углубленные дальнейшие историко-этнографические и другие исследования помогут ярче осветить средневековую историю населения этого региона.

Более 100 лет в антропологической литературе широко дискутируются вопросы времени появления и распространения обычая искусственной деформации головы у народов Средней Азии и использования данных об этом в этногенетических целях. Наиболее ценные результаты дает изучение лобно-затылочной деформации головы. Такая деформация бытовала с середины I тысячелетия до н. э., главным образом, у кочевников. С конца I тысячелетия до н. э. этот обычай начал расширять свой ареал, продвигаясь с севера на юго-запад и далее в юго-восточном направлении. Это дает нам основание считать, что в это время часть кочевнических племен с севера проникает на запад в район Красноводского полуострова, в южные области Узбекистана и Таджикистана. Приведенные данные, возможно, отражают путь движения кочевников, которые участвовали в разгроме Греко-Бактрии и установлении Кушанской империи.

Подводя итоги палеоантропологическим исследованиям, отметим, что территория Средней Азии на протяжении нескольких тысячелетий являлась контактной зоной различных антропологических типов и связанных с ними лингвистических и этнокультурных провинций. Это обусловило значительную неоднородность антропологического состава коренных ее жителей с древнейших времен до современности.

Таким образом, нами была осуществлена попытка этногенетической интерпретации всех палеоантропологических материалов с территории Узбекистана и окружающих районов. Однако для глубокого и всестороннего освещения проблем расогенеза узбекского народа необходимы целенаправленные археолого-антропологические поиски во всех областях Узбекистана. Наиболее важными среди этих проблем, на наш взгляд, являются следующие:

выяснение антропологической ситуации во все исторические периоды в таких важных регионах сложения узбекского народа, как Ташкентская область и Ферганская долина;

изучение антропологического состава населения каучинской культуры и ее этнокультурных связей с жителями других областей Узбекистана, в первую очередь с населением Согда и Ферганы;

выяснение того, действительно ли раса Среднеазиатского междуречья не имеет внутреннего генетического единства и представляет собой пучок локальных вариантов, морфологически и, возможно, генетически отличающихся один от другого;

определение достоверности знаний об уменьшении притока монголоидного по типу населения на территорию Среднеазиатского междуречья в раннем средневековье и причин, вызывающих этот процесс;

установление антропологического состава населения эпохи камня, раннего железа и позднего средневековья.

Пробелы в наших знаниях приходятся на антропологический состав не только древнего, но и современного узбекского народа. В последние годы во всех республиках Советского Союза, в том числе и в среднеазиатских, проведены и проводятся широкие антропологические исследования современного населения, носящие многосторонний и комплексный характер. Учитывая специфику антропологического состава населения нашей республики (наличие крупных территориальных и этнографических групп), а также «старение» имеющихся данных, необходимо проведение планомерной многолетней работы, в процессе которой были бы охвачены все основные территориальные группы в составе узбеков.

Однако такое обследование не исчерпывает проблемы изучения антропологии узбеков и их этногезена на основании антропологических данных. Необходимо провести работы по следующим направлениям:

краниоскопические признаки (генетико-антропологический анализ распределения аномалий черепа) представляют таксономическую ценность и позволяют решить вопрос об отношении современного населения к древнему в плане выявления родственных связей между ними;

исследование посткраниального скелета по полной программе, которая позволила бы расширить и углубить расовые характеристики, а также сведения о физическом развитии древних и современных народов;

графическая и пластическая реконструкция древнего человека на основе черепа является дополнительной антропологической диагностикой для более объективного суждения о процессе этногенеза;

палеодемографический анализ древнего населения в значительной мере помогает реконструировать исторические процессы, происходившие в далеком прошлом.

В области изучения современного населения можно перечислить следующие проблемы, изучение которых необходимо в первую очередь.

Изучение популяционной структуры включает выяснение этнического состава, выделение территориальных групп. Особое внимание должно быть уделено генеалогическому методу исследования, который выявляет степень родственных отношений, круг брачных связей. Теснота круга брачных связей привлекает внимание антропологов как показатель однородности популяции. В предлагаемой работе необходимо дать характеристику распределения генных частот (геногеографию) по ниже перечисляемым биохимическим, физиологическим, морфологическим и функциональным признакам в соответствии с популяционной структурой. Определение генетической близости популяции и различий между ними является общепризнанным при проведении этноисторических исследований.

Антропометрия и антропоскопия. Путем измерения головы и лица и визуального определения цвета кожи, волос, глаз и др. выделяются определенные территориальные антропологические типы, обладающие комплексами достаточно устойчивых признаков во внешнем облике, форме, пропорциях и строении тела.

Этническая одонтология и одонтоглифика (изучение морфологических особенностей зубной системы, представляющих собой результат наследования древних структур, измененных вследствие эволюции и инволяции). Исследование межгрупповых различий в строении зубов древнего и современного населения восполнит пробел в этнической одонтологии Узбекистана, выявит эпохальные изменения зубной системы и некоторые особенности ее территориальных вариаций.

Данные дерматоглифики (изучение кожного рельефа пальцев и ладони) значительно расширяют возможности антропологов, разрабатывающих проблему этногенеза. Дерматоглифические признаки имеют наследственную основу, не зависят от внешней среды и не меняются с возрастом, четко дифференцируют расовые стволы и образуют реальные исторически сложившиеся территориальные комплексы, которые формируются независимо от соматологических расовых признаков, а под влиянием исторических причин.

Антропологическая серология, изучающая закономерности распространения групп крови (системы АВО, Резус, MN и т. д.), передаваемых наследственностью, позволяет проследить историю отдельных территориальных групп единого в расовом отношении населения.

Сведения о наследовании сывороточных (белковых) систем крови: гаптоглобин (Hp), трансферрин (сидерофилин), альбуминовые и постальбуминовые группы, а также ферментов (щелочная и кислая фосфатаза и др.), четко совпадающих с этнической дифференцировкой и открывающих новые связи между популяциями, взаимоотношения которых не всегда прослеживаются с помощью иных методов анализа.

Изучение прочих генетико-антропологических признаков с простым типом наследования, таких, как сенситивность к фенилтиокарбамиду (ФТС), цветовая слепота, а также морфологических признаков (цвет волос, радужины, обволошенность средних фаланг на руках, направление завитков волос, сворачивание языка, складывание рук, переплетение пальцев, право- и леворукость). Антропологическая значимость этих признаков в качестве расово-диагностических считается установленной. Учитывая, что узбекское население по всем перечисленным параметрам изучалось слабо, такие исследования крайне необходимы.

В. П. Алексеев, Т. П. Кияткина, Т. К. Ходжайов

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ ЭПОХИ НЕОЛИТА И БРОНЗЫ

Вводные замечания

Большое историческое значение палеоантропологических исследований на территории Средней Азии предопределяется рядом обстоятельств. Первым в ряду других является ранняя хозяйственная дифференциация популяций по природным зонам, при которой уже для эпохи неолита имеется археологически достаточно четко выраженная возможность культурного противопоставления южных, занятых преимущественно земледельцами, и северных, занятых преимущественно скотоводами, районов Средней Азии и Казахстана. Более поздний, чем на территории Восточного Средиземноморья и Передней Азии, но все равно относительно ранний переход к земледелию и вместе с ним — к производящей экономике не мог не обусловить роста численности земледельческих коллективов, не вызвать демографического давления, оттока излишнего населения и тем самым способствовать смещению групп, являвшихся носителями разных археологических культур и принадлежавших к разным хозяйственным укладам. Наконец, общеизвестная сложность этногенетических процессов на территории Средней Азии, значительная роль автохтонных компонентов в формировании современных среднеазиатских народов, уходящая в глубокую древность многокомпонентность и смешанность их антропологического состава заставляют обращаться к эпохам неолита и бронзы, когда многие из этих компонентов были выражены в более чистом виде.

Последующее изложение опирается не только на оригинальные данные, впервые вводимые в научный оборот, но и на достаточно многочисленные коллекции палеоантропологических материалов, уже описанные другими исследователями, в том числе и авторами этой статьи. Здесь же подчеркнем, что начиная с работ Дж. Серджи и Т. Моллисона о скелетах из Анау, известных преимущественно западноевропейскому и американскому читателю, опубликова-

но значительное количество палеоантропологических материалов, позволяющих судить о физических особенностях древнего населения различных районов Средней Азии. Известным обобщением исследований в области палеоантропологии Средней Азии, в том числе палеоантропологии населения эпохи неолита и бронзы, явилась книга В. В. Гинзбурга и Т. А. Трофимовой, к настоящему времени в связи с интенсивным накоплением новых материалов уже несколько устаревшая. Итог изучения палеоантропологии населения эпохи неолита, сформулированный в этой книге в типологических терминах, сводится к тому, что юг Средней Азии был занят носителями комплекса признаков средиземноморской расы, северные районы заселялись представителями протоевропейской расы. Точной и полной морфологической характеристики этих рас не приведено, но из текста книги ясно, что наибольшее внимание в дефиниции рас было уделено ширине лица и массивности черепа: широколицые массивные варианты относились к протоевропейским, узколицые грациальные — к средиземноморским. На территории Таджикистана (исключая Памиро-Алай) и Приаралья (низовье Амударьи) средиземноморская раса, по мысли авторов, взаимодействовала с протоевропейской и там образовывались смешанные промежуточные комбинации признаков.

Недостаток данных часто заставляет антропологов обращаться к изучению единичных палеоантропологических находок и уделять им такое внимание, которого они в принципе не заслуживают. Не избежали этого и авторы многих предшествующих исследований по палеоантропологии Средней Азии. Мы постараемся опираться в последующем изложении на серийный материал, тем более, что его накопилось к настоящему времени, как уже говорилось, довольно много. Единичные находки будут упомянуты лишь в тех случаях, когда они морфологически своеобразны или кроме них для характеристики населения тех или иных районов нет никаких других данных. Что касается программы краниологических и остеологических измерений, то она опирается на известную схему Р. Мартина (1928), и только в краниологическую часть программы внесены некоторые дополнения, касающиеся специальных измерений углов горизонтального профиля лицевого скелета (о них см.: Алексеев, Дебец).

Археологический фон и могильники, давшие палеоантропологический материал

Широко известное и упомянутое выше подразделение территории Средней Азии эпохи неолита и бронзы на южные области, заселенные земледельческими группами, и северные, население которых занималось преимущественно скотоводством, не исчерпывает культурно-хозяйственного разнообразия древнейшего населения Средней Азии. По берегам и в междуречье крупнейших среднеазиатских рек — Сырдарьи и Амударьи — были широко распростра-

нены поселения рыболовов и охотников, археологические данные о которых недавно суммированы А. В. Виноградовым (1981). Культура скотоводов севера — это андроновская культура эпохи бронзы, охватывающая практически всю территорию Казахстана, на западе уходящая в заволжские степи, на востоке простирающаяся до Минусинской котловины. Эпоха неолита на этой огромной территории малоизвестна, не исключено, что энеолитические племена также уже начали заниматься скотоводством. Культура

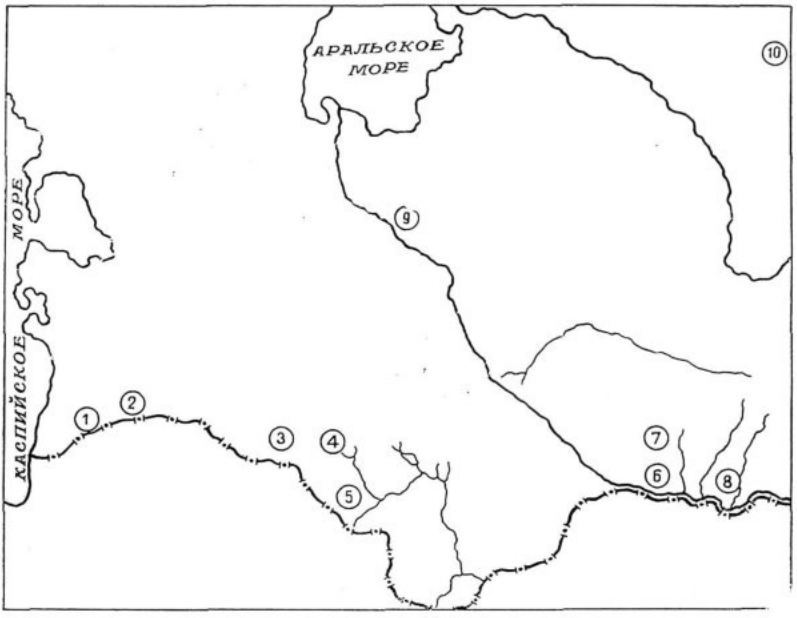

Рис. 1. Географическое положение исследованных серий.
1 — Пархай 2; *2* — Сумбар; *3* — Карадепе, *4* — Геоксюр; *5* — Алтындепе; *6* — Саппалитепа; *7* — Джаркутан; 8 — Тигровая Балка; *9* — Кокча 3; *10* — Андроновская культура Казахстана (суммарно).

земледельцев представлена блестящими по своему археологическому значению многослойными поселениями эпохи неолита и бронзы, давшими огромные серии керамики, орудий труда и предметов искусства. Они менее древние, чем в Передней Азии, что свидетельствует о более позднем возникновении в Средней Азии земледелия и переходе к производящей экономике под влиянием переднеазиатских импульсов, но на территории СССР — это древнейшие земледельческие поселения.

Находящийся в нашем распоряжении палеоантропологический материал неравноценен (рис. 1). С территории распространения

андроновской культуры происходят единичные черепа из отдельных могильников, сгруппированных территориально с целью получения более представительных серий (Алексеев, 1967). Среднеазиатское междуречье представлено в палеоантропологических материалах несколькими неолитическими черепами (Трофимова, 1979) и небольшой серией эпохи бронзы из могильника Кокча 3, синхронного могильникам андроновской культуры и сходного с ними в культурном отношении (Трофимова, 1961). Довольно значительны краниологические серии из южных районов Средней Азии, исключая Памир. На западе, на территории нынешней Туркменской ССР, это могильники Сумбар, Пархай 2, Карадепе, Геоксюр и Алтындепе. Скелеты из Карадепе и Геоксюра уже описаны (Трофимова, Гинзбург), черепа из могильников Пархай 2, Сумбар и Алтындепе еще ждут монографического исследования. На территории теперешней Узбекской ССР открыты и исследованы два могильника, давшие большие серии скелетов,— Сапаллитепа (Ходжайов, 1977) и Джаркутан (Алексеев, Ходжайов, Халилов). Довольно значительная по численности серия черепов из могильников Тигровая Балка (Кияткина) также дает нам информацию о физическом типе населения Таджикистана. Среди всех перечисленных материалов скелеты из Карадепе и Геоксюра датируются энеолитическим временем, тогда как все остальные серии относятся к разным периодам эпохи бронзы. Отдельные находки неолитического времени описаны в книге В. В. Гинзбурга и Т. А. Трофимовой.

Палеодемография

Палеодемографические возможности палеоантропологического материала не очень велики, несмотря на большое число соответствующих разработок. Основное ограничение налагается тем, что палеоантропология не дает нам никаких оснований для суждения о численности популяции. Второе ограничение, носящее, правда, методический, а не принципиальный характер, состоит в необходимости иметь полностью учтенный палеоантропологический материал из могильника, раскопанного до конца. Такие материалы попадают в наши руки редко, поэтому палеодемография находится в стадии накопления данных, среди которых много ненадежных.

Как обойти эти трудности и получить из изучаемого палеоантропологического материала некоторые палеодемографические сведения? Если соответствующий могильник не раскопан полностью, но при раскопках тщательно собирались все кости, можно определить процент детской смертности, который является важной палеодемографической характеристикой. Если же костный материал собирался не полностью, то остается лишь такая демографическая характеристика, как возраст умерших взрослыми, которая далеко не тождественна продолжительности жизни, но близка к ней по значению.

При рассмотрении демографии древнего населения Средней Азии мы вынуждены иметь дело с этим последним параметром, так как почти во всех случаях речь идет о памятниках далеко не полностью раскопанных, костный материал с которых собирался недостаточно регулярно; плохая сохранность костей в погребениях в подавляющем большинстве районов Средней Азии также имеет известное значение; сами памятники, как уже говорилось, различны по характеру: отдельные могильники, совокупности могильников, суммарные серии. Средний возраст умерших взрослыми, вычисленный отдельно для мужчин и женщин, является в этих условиях единственным параметром, который мы можем получить сколько-нибудь объективно, да и то не во всех случаях, так как не для всех серий опубликованы индивидуальные определения возраста, а средний возраст умерших не приведен во многих расчетах.

Процедура вычисления этого параметра элементарна. При количественном определении возраста по категориям juvenis, adultus, maturus, senilis, характерном для большинства краниологических работ, для каждого возраста принимается условно стандартная величина, которая и используется при вычислении среднего возраста умерших: juvenis — 18 лет, adultus — 30 лет, maturus — 45 лет, senilis — 65 лет (Алексеев, 1972). Получившиеся величины очень условны, но и они дают нам какую-то информацию, которой мы не имели бы, пренебрегая ими. Вычисление их для населения различных районов СССР и разных эпох показало, что средний возраст умерших в ходе истории увеличивался очень медленно, и лишь в эпоху средневековья он заметно возрос, что свидетельствует и об увеличении продолжительности жизни. Локальные вариации среднего возраста умерших имеют место, но не носят достаточно закономерного характера, кроме некоторого понижения в южных районах, и не могут быть приурочены к какой-то ландшафтно-экологической нише или определенному хозяйственному укладу, — по-видимому, репертуар направлений культурной адаптации человечества был достаточно разнообразен во все эпохи истории его развития и позволял относительно успешно преодолевать неблагоприятные воздействия природной среды. Различия в среднем возрасте смерти закономерны у мужчин и женщин — почти во всех случаях женщины жили меньше. По-видимому, такая ситуация предопределялась родами и неблагоприятной санитарно-гигиенической обстановкой в древних поселках, тяжесть которой женщины и дети испытывали больше, чем мужчины, занятые сельскохозяйственными работами за пределами поселков, а также принимавшие участие в военных походах.

Приводим средний возраст смерти для мужчин, пользуясь данными спубликованных работ (Алексеев, 1972; Массон, Кияткина, Ходжайов, 1977; Алексеев, Ходжайов, Халилов). Соответствующая величина для Тигровой Балки вычислена на основании индивидуальных определений возраста, произведенных Т. П. Кияткиной.

Памятник	*Количество наблюдений*	*Возраст, лет*
Карадепе и Геоксюр	18 (3 из них—Геоксюр)	38,1
Алтындепе	45	36,1
Сапаллитепа	39	35,0
Джаркутан	104	33,0
Тигровая Балка	26	43,8
Кокча 3	14	33,6

Все цифры в общем близки, только люди, оставившие могильники в Тигровой Балке, умирали позже, чем остальные. В какой мере эти результаты подтверждаются данными о возрасте смерти женщин?

Памятник	*Количество наблюдений*	*Возраст, лет*
Карадепе и Геоксюр	18 (5 из них—Геоксюр)	36,1
Алтындепе	39	35,2
Сапаллитепа	53	34,0
Джаркутан	114	33,4
Тигровая Балка	26	41,5
Кокча 3	10	37,5

Достаточно отчетливо видно некоторое уменьшение возраста смерти у женщин: в четырех случаях он меньше, чем у мужчин. В Джаркутане они умирали практически в одном возрасте и лишь в популяции, оставившей могильник Кокча 3, женщины умирали на 4 года позже мужчин. Люди из Тигровой Балки опять обнаружили тенденцию к долгожительству. Для полной ориентации приведем общий средний возраст смерти без различий по полу, имея в виду, что в могильнике Джаркутана было раскопано большое число скелетов, половую принадлежность которых нельзя было определить, но возраст поддавался определению. Число наблюдений в этом случае почти вдвое выше, чем при суммировании данных по обоим полам.

Памятник	*Количество наблюдений*	*Возраст, лет*
Карадепе и Геоксюр	36	37,1
Алтындепе	84	35,7
Сапаллитепа	92	34,5
Джаркутан	434	30,6
Тигровая Балка	52	42,7
Кокча 3	24	35,4

Приведенные данные в общем соответствуют тем, которые мы имеем о возрасте смерти людей эпохи неолита и бронзы. Предположение о зональном уменьшении возраста смерти (Алексеев, 1972) этими данными не опровергается, но они демонстрируют и исключения (Тигровая Балка), причины которых пока трудно объяснить.

Остается сказать о детской смертности. Мы имеем три памятника, на раскопках которых, произведенных полностью или на

большой площади, тщательно собирался палеоантропологический материал — Алтындепе, Сапалли и Джаркутан. Относительная доля людей, умерших в этих группах в детском возрасте, равна 40,0%, 37,0% и 28,5%. При учете детской смертности соответственно средний возраст понижается до 22,6 (Алтындепе, 118 наблюдений), 22,9 (Сапаллитепа, 146 наблюдений) и 22,2 (Джаркутан, 673 наблюдения) года. Эти цифры близки к обычно фиксируемому среднему возрасту смертности (включая детскую), приближаясь к минимальным величинам.

Размеры скелета, длина и пропорции тела

Несмотря на многократно отмечаемую важность изучения скелета, с помощью которого можно получить представление о росте и пропорциях тела умерших людей, расогенетическое значение исследования скелета остается недостаточно ясным, так как на нем нет, как на черепе, признаков, которые дифференцировали бы, скажем, все европеоидные группы от монголоидных. Поэтому в палеоантропологии роль скелета определяется доставляемыми его измерением данными о физическом развитии древних популяций.

В условиях Средней Азии кости скелета в погребениях сохраняются еще хуже, чем кости черепа, кроме того, они часто игнорируются археологами, поэтому доступная информация о вариациях костей скелета очень ограничена. В таблицах 1 и 2 приведены сведения о четырех сериях скелетов, послуживших предметом исследования. Скелеты из Карадепе были измерены и опубликованы В. В. Гинзбургом и Т. А. Трофимовой, в этой же публикации содержатся измерения пяти скелетов из Геоксюра. Сапаллинский материал изучался Т. К. Ходжайовым (1977), материал из могильника Кокча 3 — Ю. А. Дурново. Скелеты из Джаркутана описаны в специальной монографии (Алексеев, Ходжайов, Халилов).

В целом и вариации длины, и вариации массивности отдельных костей колеблются в близких пределах, хотя есть некоторые различия, видные при попарном сопоставлении серий. Так, плечевые кости были наиболее массивны у людей из могильника Кокча 3, бедренные — у людей из Джаркутана. Они же отличались самой короткой большой берцовой костью. Все эти особенности фиксируются только у мужчин, поэтому их функциональное значение остается неясным. В целом люди из перечисленных могильников имели скелет умеренной массивности, по пропорциям сближающийся со средним современным типом (рис. 2).

Используемые в настоящее время формулы для восстановления длины тела далеки от желаемой точности, но ими приходится пользоваться за неимением лучших. Из большого числа их (обзор см.: Алексеев, 1966) выбраны три, дающие наилучшие или, во всяком случае, не бросающиеся в глаза своей нелепостью результаты. Все они предназначаются для восстановления длины тела при более или менее среднем типе пропорций, преобладающем как у со-

Таблица 1

Средние размеры и указатели длинных костей конечностей, пропорции тела и рост людей эпохи энеолита и бронзы (мужчины)

Признаки	Карадепе, Геоксюр	Сапаллитепа	Джаркутан	Кокча 3
Плечевая кость				
1 Наибольшая длина	301,7 (3)	304,7 (21)	319,6 (27)	335,5 (4)
7 Наименьшая окружность диафиза	60,7 (11)	58 5 (37)	62,5 (35)	67,1 (5)
7:1 Указатель прочности	19,3 (3)	19,2 (21)	19,7 (26)	20,4 (4)
Локтевая кость				
1 Наибольшая длина	265,3 (9)	260,2 (23)	265,6 (11)	262,5 (2)
2 Физиологическая длина	—	231,1 (23)	234,3 (11)	—
3 Наименьшая окружность диафиза	38,2 (12)	36,6 (30)	88,3 (19)	—
3:2 Указатель прочности	—	15,8 (23)	16,3 (11)	—
Лучевая кость				
1 Наибольшая длина	247,3 (10)	240,8 (23)	257,2 (11)	249,8 (5)
2 Физиологическая длина	—	229,0 (23)	243,4 (11)	—
3 Наименьшая окружность диафиза	42,2 (12)	39,3 (37)	42,6 (23)	
3:2 Указатель прочности	—	17,2 (23)	16,8 (11)	—
Бедренная кость				
1 Наибольшая длина	468,8 (5)	431,8 (20)	454,7 (34)	466,2 (6)
2 Длина в естественном положении	462,8 (4)	426,3 (18)	449,1 (32)	464,5 (6)
8 Окружность середины диафиза	91,6 (12)	86,9 (32)	93,6 (40)	96,7 (6)
8:2 Указатель прочности	19,8 (4)	20,4 (18)	24,8 (32)	20,9 (6)
Большая берцовая кость				
1 Общая длина	388,3 (4)	360,3 (20)	383,5 (28)	395,0 (5)
2 Суставная длина	—	369,5 (20)	367,9 (28)	—
10 Окружность середины диафиза	—	80,7 (29)	90,5 (30)	—
10:1 Указатель массивности	—	22,3 (20)	23,5 (28)	—
Малая берцовая кость				
1 Наибольшая длина	372,8 (6)	353,5 (13)	376,2 (17)	—
Пропорции тела				
Радио-хумеральный указатель	77,2 (2)	77,5 (14)	78,0 (8)	77,9 (2)
Тибио-феморальный указатель	85,6 (2)	84,3 (15)	84,5 (22)	81,8 (3)
Интермембральный указатель	—	69,0 (10)	72,2 (5)	71,5 (1)
Хумеро-феморальный указатель	—	71,8 (14)	70,2 (18)	71,6 (3)

Продолжение таблицы 1

Признаки	Карадепе, Геоксюр	Сапаллитепа	Джаркутан	Кокча 3
Радио-тибиальный указатель	63,9 (4)	72,6 (14)	65,9 (6)	69,6 (3)
Длина тела				
по формуле Пирсона и Ли	168,6 (10)	160,5 (17)	168,0 (53)	169,9 (10)
по формуле Троттер и Глезера	171,4 (10)	169,8 (18)	171,5 (54)	172,3 (10)
по формуле Бунака	—	163,3 (11)	168,0 (26)	—

временных европеоидов, так, судя по доступным данным, и у древних популяций. Из четырех групп три — из Кокча 3, Карадепе и Джаркутана — относительно высокорослы, люди из Сапаллитепа

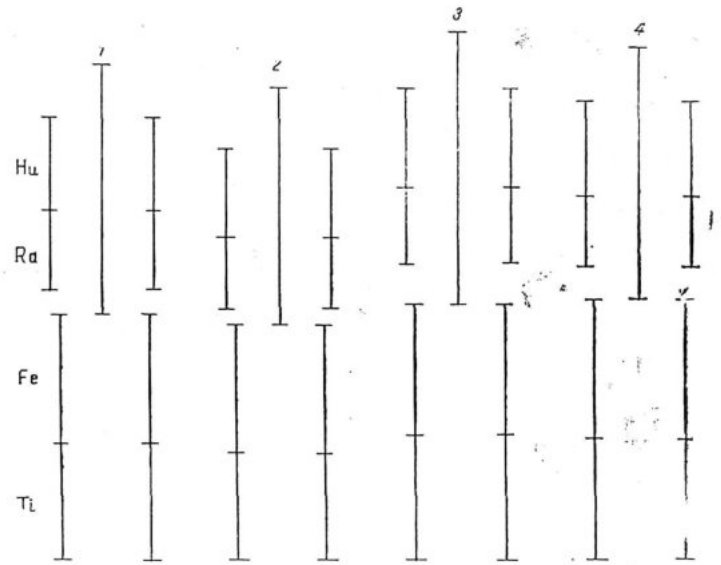

Рис. 2. Пропорции скелетов в исследованных сериях (мужчины).
1 — Джаркутан; *2* — Сапаллитепа; *3* — Кокча; *4* — Карадепе и Геоксюр.

были заметно ниже, хотя у женщин это отличие выражено слабее. Разница в длине тела у взрослых людей предполагает различие в темпах роста и является их результатом, ее нельзя в данном слу-

Таблица 2

Средние размеры и указатели длинных костей конечностей, пропорции тела и рост людей эпохи энеолита и бронзы (женщины)

Размеры и указатели	Карадепе, Геоксюр	Сапаллитепа	Джаркутан	Кокча 3
Плечевая кость				
1 Наибольшая длина	283,4 (9)	287,8 (15)	295,3 (15)	310,0 (4)
7 Наименьшая окружность диафиза	55,4 (13)	56,1 (21)	58,0 (27)	64,7 (4)
7:1 Указатель прочности	19,9 (9)	19,5 (15)	19,4 (15)	20,9 (4)
Локтевая кость				
1 Наибольшая длина	242,3 (7)	240,8 (14)	245,5 (9)	262,5 (2)
2 Физиологическая длина	—	213,5 (14)	218,6 (9)	—
3 Наименьшая окружность диафиза	32,0 (9)	31,3 (21)	32,0 (18)	—
3:2 Указатель прочности	—	14,4 (14)	15,0 (9)	—
Лучевая кость				
1 Наибольшая длина	219,4 (7)	221,7 (12)	227,4 (6)	223,0 (2)
2 Физиологическая длина	—	211,4 (12)	215,4 (6)	—
3 Наименьшая окружность диафиза	34,6 (11)	34,5 (19)	39,0 (15)	—
3:2 Указатель прочности	—	16,3 (12)	18,3 (6)	—
Бедренная кость				
1 Наибольшая длина	420,7 (9)	401,0 (8)	420,9 (23)	425,0 (4)
2 Длина в естественном положении	416,1 (7)	396,5 (8)	420,3 (25)	422,2 (4)
8 Окружность середины диафиза	80,7 (15)	79,3 (18)	84,0 (36)	83,8 (5)
8:2 Указатель прочности	19,3 (7)	19,0 (8)	19,9 (25)	19,6 (4)
Большая берцовая кость				
1 Общая длина	348,2 (4)	344,0 (12)	315,0 (25)	357,5 (2)
2 Суставная длина	—	331,7 (12)	345,6 (26)	—
10 Окружность середины диафиза	—	72,3 (18)	77,3 (31)	—
10:1 Указатель массивности	—	21,0 (12)	22,0 (25)	—
Малая берцовая кость				
1 Наибольшая длина	339,6 (3)	336,2 (10)	346,8 (13)	368,0 (1)
Пропорции тела				
Радио-хумеральный указатель	78,0 (4)	75,7 (7)	75,3 (3)	76,6 (1)
Тибио-феморальный указатель	85,0 (2)	—	84,7 (16)	84,7 (1)

Продолжение таблицы 2

Размеры и указатели	Карадепе, Геокюр	Сапаллитепа	Джаркутан	Кокча 3
Интермембральный указатель	65,6 (2)	—	66,5 (1)	—
Хумеро-феморальный указатель	68,6 (2)	71,2 (7)	72,1 (6)	72,9 (3)
Радио-тибиальный указатель	62,1 (2)	64,9 (6)	62,1 (4)	—
Длина тела				
по формуле Пирсона и Ли	153,8 (10)	154,6 (14)	156,7 (48)	157,6 (5)
по формуле Троттер и Глезера	157,9 (10)	159,0 (14)	159,9 (50)	161,7 (5)
по формуле Бунака	—	154,2 (3)	159,6 (22)	—

чае объяснить внешними факторами, так как все группы жили в условиях более или менее сходного, хотя и малоблагоприятного для здоровья людей климата и находились на относительно одинаковом уровне хозяйственного развития. Сходные данные близко расположенных памятников Джаркутана и Сапаллитепа наводят на мысль о том, что различия в длине тела, как и в его пропорциях, имеют генетическую основу и отражают территориальные вариации.

Суммарное сопоставление краниологических серий

Измерение серий, фигурирующих на рис. 1, отражено в таблицах 3 и 4. Географическое размещение этих серий на территории Средней Азии неравномерно, хотелось бы располагать большим числом наблюдений из северных районов. Ограничиваясь доступным палеоантропологическим материалом, мы интерпретируем его с целью выяснения генетического родства тех популяций, которые представлены имеющимися сериями, и этногенетических сопоставлений.

Традиционный для антропологии подход к географическому изучению отдельных признаков, теоретические принципы которого были сформулированы Е. М. Чепурковским, был реализован нами в другой работе применительно к населению эпохи неолита и бронзы всей Передней и Средней Азии (Алексеев, Ходжайов, Халилов). Попытка эта, опиравшаяся на карты географической изменчивости всех основных краниологических признаков, не дала определенных результатов. Правда, на территории Средней Азии нет таких грацильных серий, как, скажем, черепа из Тепе-Гиссара, но в целом ни по одному из признаков географические вариации не обнаружили сколько-нибудь клинальной изменчивости или ясно выраженной географической приуроченности. Можно было бы отказаться от

рассмотрения географической изменчивости отдельных признаков и перейти сразу к сравнению групп, пользуясь каким-нибудь статистическим приемом суммарного сопоставления. Однако в пределах Средней Азии прослеживается тенденция к проявлению различий между населением северных и южных районов в отдельных признаках. Речь идет о форме черепной коробки и ширине лицевого скелета, правда, обе эти морфологические особенности связаны между собой морфологической корреляцией — длинноголовые имеют, как правило, более узкое лицо, и наоборот. Эта внутригруппо-

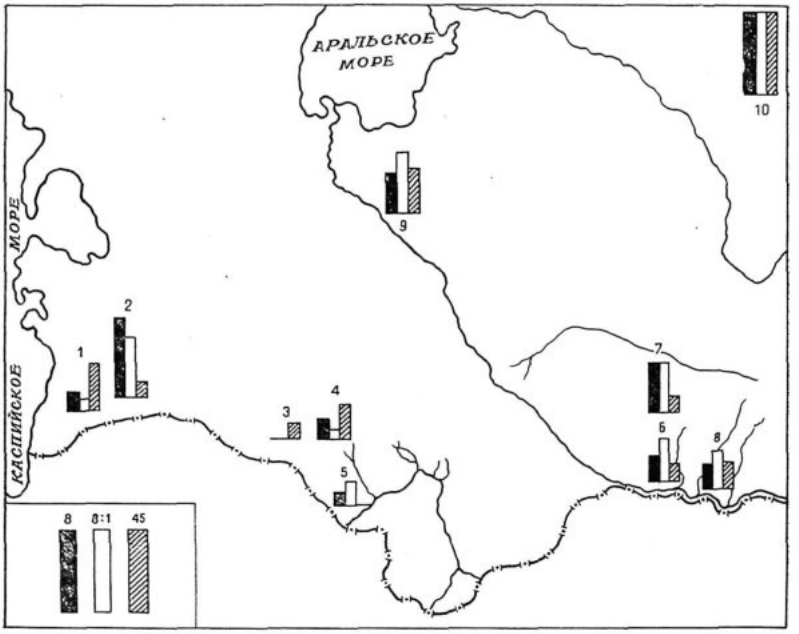

Рис. 3. Географическая изменчивость поперечного диаметра *(8)*, черепного указателя *(8 : 1)* и скуловой ширины *(45)* в исследованных сериях (мужские черепа).

вая корреляция далеко не всегда реализуется в межгрупповом масштабе — брахикранные серии далеко не всегда бывают широколицы, долихокранные — узколицы. В рассматриваемом случае мы сталкиваемся с фактом именно проявления внутригрупповой корреляции в межгрупповой изменчивости: долихокранные серии — более узколицы.

Вариации поперечного диаметра черепной коробки, черепного указателя и скуловой ширины лицевого скелета нанесены на карту отдельно для мужских и женских серий (рис. 3, 4). На обоих ри-

сунках показано, что население андроновской культуры и близкое к нему в культурном отношении население, представители которого погребены в могильнике Кокча 3 в Приаралье, отличались отчетливо выраженной мезокранией и тенденцией к увеличению

Средние размеры и указатели черепов эпохи энеолита и бронзы

Размеры и указатели	Пархай 2	Сумбар	Карадепе	Геоксюр
1. Продольный диаметр	192,6 (30)	188,2 (6)	194,8 (14)	195,3 (33)
8. Поперечный диаметр	136,4 (20)	141,0 (4)	134,9 (14)	136,2 (33)
17. Высотный диаметр	137.0 (8)	135,0 (4)	143,7 (7)	138,2 (23)
5. Длина основания черепа	102,7 (8)	105.0 (3)	107,3 (6)	108,1 (22)
9. Наименьшая ширина лба	95,5 (27)	97,5 (4)	95,2 (15)	98,9 (34)
8:1. Черепной	70,4 (20)	74,8 (4)	69,4 (14)	70,0 (32)
17:1. Высотно-продольный	72,4 (8)	71,9 (3)	74,8 (7)	71,1 (23)
17:8. Высотно-поперечный	100,3 (8)	97,8 (3)	105 7 (7)	100,8 (23)
40. Длина основания лица	96,2 (4)	101,0 (4)	101,8 (6)	103,6 (22)
45. Скуловая ширина	133,0 (4)	130.0 (5)	129.9 (15)	132.0 (31)
48. Верхняя высота лица	70,7 (12)	73,2 (5)	72.6 (15)	72,4 (35)
51. Ширина орбиты (лев.)	40,5 (15)	42,7 (3)	42,5 (14)	43,6 (33)
52. Высота орбиты (лев.)	31,5 (13)	31,7 (3)	31,8 (14)	33,9 (34)
54. Ширина носа	24,7 (11)	24,8 (5)	26,6 (15)	26,1 (35)
55. Высота носа	50,5 (14)	53,0 (4)	51,2 (15)	53,2 (34)
Дакриальная ширина	—	22,0 (1)	22 6 (7)	22,1 (21)
Дакриальная высота	—	12,0 (1)	13,4 (7)	13,8 (21)
Симотическая ширина	9,1 (18)	9,4 (2)	10,8 (6)	9,4 (28)
Симотическая высота	5,0 (18)	4,5 (2)	5,5 (6)	5,7 (28)
40:5. Выступание лица	96,4 (4)	97,5 (3)	94,9 (6)	96,2 (22)
48:17. Вертикальный краниофациальный	51,6*	54,2*	51,4 (7)	52,7 (23)
48:45. Верхний лицевой	52,0 (3)	57,2 (4)	56,0 (15)	55,0 (31)
52:51. Орбитный (лев.)	79,0 (12)	74,2 (3)	74,8*	75,4*
54:55. Носовой	48,6 (11)	47,6 (4)	52,1 (15)	49,0 (34)
Дакриальный	—	54,5 (1)	59,8 (7)	62,6 (21)
Симотический	54,5 (18)	47,8 (2)	51,6 (6)	60,4 (28)
32. Угол лба	—	—	82,5 (12)	83,6 (32)
72. Общий угол лица	—	—	83.9 (12)	86,2 (32)
75 (1). Угол носовых костей	31.2 (10)	36.0 (4)	31.4 (9)	31,8 (26)
77. Назомалярный угол	140,1 (5)	134.0 (1)	134,2 (15)	135,9 (31)
Зигомаксиллярный угол	132,7 (2)	121,2 (2)	126,0 (14)	126,5 (31)

* Индекс средних размеров

скулового диаметра, тогда как краниологический материал из Узбекистана, Туркмении и Таджикистана, различаясь между собой, все же отличается определенной долихокранией и разными степенями узколицести. Все это — различия в пределах европеоидного комплекса признаков, ни одна из серий не обнаруживает никакой

монголоидной примеси, хотя Средняя Азия и примыкает к ареалу древних монголоидов в Азии. Подобные различия позволяют, по-видимому, говорить о европеоидных вариантах, различающихся не только морфологически, но и генетически, о чем речь будет идти

Таблица 3

Алтындепе	Сапаллитепа	Джаркутан	Тигровая балка	Кокча 3	Андроновская культура Казахстана (суммарно)
189,4 (32)	187,7 (21)	190,0 (38)	188,4 (26)	186,1 (13)	184,5 (25)
136,0 (32)	136,3 (19)	138,3 (41)	136,9 (23)	138,1 (13)	141,6 (21)
134,6 (29)	133,5 (14)	137,3 (40)	134,9 (11)	141,1 (10)	138,4 (13)
102,9 (21)	103,2 (15)	104,5 (37)	107,4 (11)	105,4 (11)	106,7 (11)
95,6 (34)	96,9 (21)	95,3 (38)	97,3 (18)	98,4 (13)	98,6 (25)
71,6 (29)	73,3 (18)	73,1 (35)	72,8 (23)	74,4 (13)	76,4 (22)
71,9 (19)	70,5 (14)	72,9 (35)	71,8 (11)	76,2 (10)	75,0 (13)
99,6 (19)	100,4 (14)	100,1 (36)	97,9 (11)	102,1 (10)	97,7 (13)
90,4 (19)	97,8 (14)	97,1 (34)	100,2 (8)	99,4 (10)	102,4 (10)
129,1 (28)	130,5 (21)	130,3 (42)	131,8 (18)	133,4 (13)	137,4 (20)
70,6 (32)	71,5 (20)	70,9 (42)	71,8 (18)	68,4 (14)	69,4 (22)
42,6 (33)	42,4 (24)	40,4 (42)	42,4 (18)	43,2 (14)	43,7 (15)
32,4 (33)	33,6 (21)	31,9 (44)	31,2 (21)	30,9 (14)	32,2 (20)
25,2 (32)	23,2 (20)	25,0 (41)	24,7 (17)	23,5 (12)	25,5 (18)
51,5 (32)	50,7 (19)	51,0 (44)	51,6 (17)	51,4 (13)	52,2 (21)
20,1 (16)	21,9 (10)	21,2 (35)	—	22,1 (4)	22,1 (12)
2,6 (16)	15,3 (10)	12,1 (35)	—	14,2 (4)	13,8 (12)
8,8 (26)	10,6 (17)	9,2 (42)	8,1 (16)	9,6 (9)	9,5 (12)
5,3 (25)	6,2 (17)	5,4 (42)	5,3 (15)	5,8 (9)	5,3 (13)
96,0 (19)	95,0 (14)	93,0 (34)	95,5 (8)	95,6 (10)	96,4 (10)
52,4*	53,6 (13)	51,6 (36)	52,2 (7)	47,7 (10)	50,6 (12)
54,6 (27)	55,5 (17)	54,7 (38)	53,9 (16)	51,4 (13)	50,7 (19)
76,4 (33)	79,7 (21)	75,8 (41)	73,6*	71,5*	75,9 (15)
49,1 (32)	48,9 (17)	49,5 (41)	48,4 (17)	45,7 (12)	48,8 (18)
63,6 (16)	72,1 (10)	60,4 (35)	—	65,7 (4)	63,2 (12)
61,6 (25)	59,7 (17)	59,8 (42)	65,0 (15)	61,7 (9)	55,9 (12)
80,7 (24)	81,6 (18)	85,9 (33)	77,3 (10)	80,3 (11)	84,7 (16)
84,0 (20)	85,4 (15)	87,2 (33)	83,4 (10)	82,9 (11)	85,8 (16)
34,4 (23)	34,1 (14)	31,6 (40)	35,8 (15)	30,7 (8)	30,9 (15)
137,1 (32)	135,6 (20)	136,7 (34)	135,6 (13)	137,2 (11)	138,8 (17)
123,1 (26)	122,9 (15)	126,7 (32)	122,4 (14)	129,6 (8)	127,1 (14)

ниже. Таким образом, рассмотрение географии отдельных признаков все же дало возможность уловить различия в составе рассматриваемого населения, задача последующего анализа должна состоять в подтверждении их с помощью той или иной статистической техники.

Наиболее простым и в то же время достаточно эффективным статистическим приемом является формула А. Пенроза под редакцией Р. Кнуссманна (Knussmann). Ее применение не требует необозримой вычислительной работы, а получающиеся результаты вполне демонстративны, о чем свидетельствует широкое использо-

Средние размеры и указатели черепов энеолита и бронзы

Размеры и указатели	Пархай 2	Сумбар	Карадепе	Геоксюр
1. Продольный диаметр	180,6 (29)	177,1 (8)	183,0 (13)	184,8 (29)
8. Поперечный диаметр	132,7 (25)	131,3 (6)	132,1 (13)	132,5 (27)
17. Высотный диаметр	131,1 (10)	128,8 (5)	134,9 (7)	130,5 (20)
5. Длина основания черепа	99,7 (12)	97,6 (5)	100,0 (6)	98,7 (20)
9. Наименьшая ширина лба	93,3 (23)	93,0 (7)	92,2 (12)	93,5 (28)
8:1 Черепной	73,5 (23)	73,9 (5)	72,2 (13)	71,6 (27)
17:1 Высотно-продольный	72,7 (10)	73,8 (5)	73,4 (7)	70,6 (20)
17:8 Высотно-поперечный	97,5 (9)	99,8 (4)	100,4 (7)	98,5 (19)
40. Длина основания лица	97,0 (3)	97,2 (4)	96,6 (5)	96,4 (19)
45. Скуловой диаметр	124,2 (6)	125,0 (6)	123,8 (14)	123,3 (25)
48. Верхняя высота лица	66,6 (10)	65,8 (9)	67,5 (13)	69,9 (29)
51. Ширина орбиты (лев.)	38,2 (8)	39,4 (9)	41,6 (14)	41,9 (29)
52. Высота орбиты (лев.)	31,7 (9)	31,4 (9)	32,0 (14)	32,2 (29)
54. Ширина носа	23,8 (9)	22,9 (9)	24,7 (14)	25,1 (30)
55. Высота носа	46,1 (13)	46,9 (9)	47,9 (14)	50,8 (30)
Дакриальная ширина	—	19,5 (2)	20,8 (11)	20,8 (17)
Дакриальная высота	—	11,5 (2)	11,6 (11)	12,2 (16)
Симотическая ширина	9,3 (15)	7,8 (9)	10,8 (11)	8,9 (28)
Симотическая высота	4,8 (15)	3,5 (9)	4,6 (11)	5,0 (28)
40:5. Выступание лица	98,9 (3)	98,7 (4)	96,6 (5)	97,7 (19)
48:17. Вертикальный краниофациальный	50,8*	51,0*	50,2 (6)	53,3 (19)
48:45. Верхний лицевой	53,5 (5)	52,2 (5)	54,9 (13)	57,2 (24)
52:51 Орбитный (лев.)	83,2 (8)	79,8 (9)	77,0 (14)	79,4 (29)
54:55 Носовой	50,0 (7)	48,9 (9)	51,7 (14)	49,6 (30)
Дакриальный	—	58,9 (2)	55,9 (11)	58,6 (16)
Симотический	51,9 (15)	40,7 (9)	42,6 (11)	57,9 (28)
32. Угол лба	—	—	86,6 (10)	85,2 (25)
72. Общий угол лица	—	—	81,9 (10)	84,8 (24)
75 (1) Угол носовых костей	31,7 (9)	28,0 (10)	25,8 (10)	29,1 (24)
77 Назомалярный угол	138,4 (7)	136,8 (3)	136,9 (12)	137,9 (26)
Зигомаксиллярный угол	126,5 (2)	124,0 (3)	126,1 (13)	123,4 (26)

вание этой формулы в краниологических работах самого разнообразного содержания. В зарубежных исследованиях она применялась к набору признаков, не содержащему угловые размеры. Чтобы иметь возможность включать в подсчет и угловые измерения, А. Г. Козинцев предложил модификацию формулы, смысл которой

состоит в том, что различия в угловых размерах используются только как показатель различий между сериями в «величине», но не в «форме». Дальнейшие расчеты опираются на применение этого варианта формулы.

Результаты рассчетов представлены в таблицах 5—8. Просмотр

Таблица 4

Алтындепе	Сапаллитепа	Джаркутан	Тигровая Балка	Кокча 3	Андроновская культура Казахстана (суммарно)
181,8 (26)	181,1 (32)	188,2 (69)	179,7 (20)	177,6 (10)	176,7 (31)
134,9 (26)	133,1 (29)	134 5 (57)	133 1 (20)	136,4 (10)	137,2 (31)
132,8 (18)	128,9 (23)	130,8 (57)	130,4 (14)	131,7 (6)	131 8 (16)
99,9 (15)	99,0 (22)	100.0 (63)	98,1 (17)	101,3 (6)	97,8 (17)
94,6 (31)	93,4 (29)	94,6 (57)	93,3 (14)	94,6 (9)	94,5 (32)
74,0 (24)	73,5 (29)	73,0 (54)	74,5 (18)	76,8 (10)	77,5 (34)
73,1 (18)	71,1 (23)	71,8 (55)	73,3 (14)	74,7 (6)	74,6 (16)
100,0 (17)	96,9 (21)	97,4 (49)	97,0 (13)	96,7 (6)	96,0 (16)
94,3 (13)	93,9 (23)	93,7 (57)	92,5 (15)	98,7 (6)	95,8 (13)
121,4 (19)	121,8 (29)	123,8 (68)	124,5 (18)	128,5 (10)	127,4 (25)
67,9 (22)	68,7 (30)	68 4 (70)	69,2 (18)	66,2 (10)	66,8 (26)
40,7 (26)	41,5 (27)	41,5 (70)		41,2 (9)	41,5 (18)
32,5 (26)	32,5 (29)	32,8 (74)	31 9 (20)	31 8 (10)	31,8 (26)
24,3 (23)	24,6 (30)	24,7 (62)	23 7 (16)	23,8 (9)	25,0 (25)
49,4 (20)	49,6 (28)	49,2 (70)	49,2 (18)	49,4 (9)	48,2 (26)
19,3 (6)	20,3 (19)	21,1 (52)	—	20,8 (3)	21,0 (14)
12,0 (6)	12,7 (19)	11,7 (52)	—	12,7 (3)	11,5 (14)
8,7 (19)	10,1 (24)	9,8 (64)	8,2 (18)	9,3 (7)	9,1 (15)
4,6 (18)	5,3 (24)	4,7 (64)	4,5 (19)	4,4 (7)	4,2 (15)
94,7 (12)	95,5 (22)	93,6 (57)	94,0 (13)	97,5 (6)	97,7 (13)
51,0 (15)	53,4 (20)	52,4 (52)	52,6 (10)	49,4 (6)	51,0 (15)
56,8 (15)	56,6 (26)	55,7 (61)	55,1 (16)	51,6 (10)	52,8 (22)
79,3 (25)	78,8 (25)	79,8 (70)	—	76,5 (9)	76,1 (18)
49,4 (20)	50,3 (26)	50,6 (60)	48,1 (15)	48,2 (9)	51,8 (25)
64,7 (6)	62,4 (19)	54,8 (52)	54,9	61,4 (3)	55,1 (14)
53,3 (18)	47,4 (17)	47,8 (64)	56,2 (18)	54,1 (7)	43,2 (15)
84,1 (17)	85,2 (23)	87,0 (59)	85,0 (10)	83,9 (9)	85,7 (18)
84,7 (15)	86,4 (22)	86,7 (56)	85,4 (8)	83,7 (7)	84,2 (16)
28,5 (17)	32,5 (25)	30,0 (65)	33,7 (16)	28,0 (4)	26,6 (15)
140,0 (24)	135,0 (23)	137,6 (55)	138,0 (14)	143,1 (5)	140,0 (20)
123,8 (22)	121,3 (22)	125,8 (43)	126,8 (15)	133,9 (3)	127,0 (17)

расстояний показывает, что визуально в их распределении трудно фиксировать какие-либо закономерности. Обращают на себя внимание отдельные случаи большого сходства двух серий из близко расположенных могильников, например, Карадепе и Геоксюра — по суммарным расстояниям (но еще меньшее суммарное расстоя-

ние между Алтындепе и Сапаллитепа, разделенными несколькими сотнями километров). При просмотре таблиц видно, что различия между сериями проявляются в основном в категории «величины», но не в «форме». Сам автор формулы считал, что подобный характер различий свидетельствует об относительной гомогенности материала, к которому применена формула. И действительно, разница в размерах при их пропорциональных изменениях, то есть при сохранении «формы», не говорит ни о чем, кроме разницы в интен-

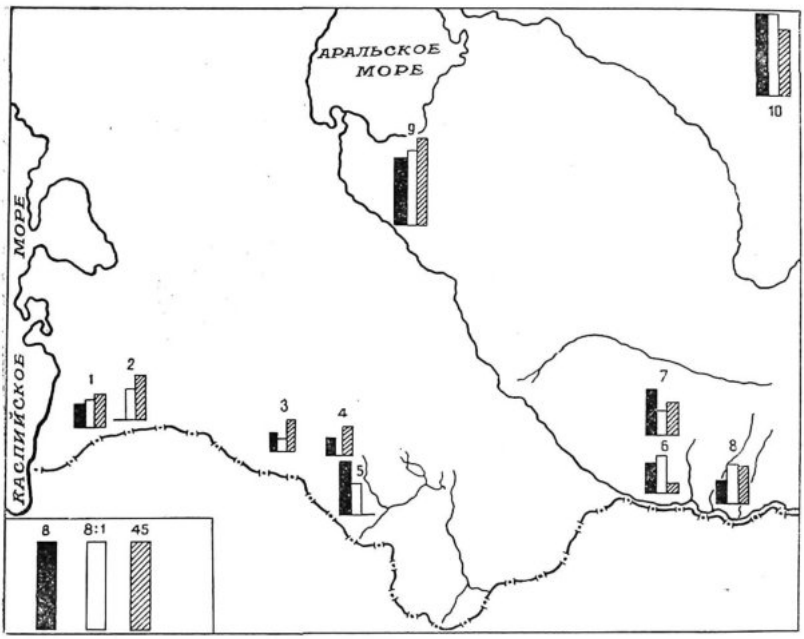

Рис. 4. Географическая изменчивость поперечного диаметра *(8)*, черепного указателя *(8 : 1)* и скуловой ширины *(45)* в исследованных сериях (женские черепа).

сивности роста, а она может зависеть от многих внешних причин, в частности, от уровня питания, определяемого уровнем развития и характером хозяйственного уклада. Следовательно, те два варианта, о которых было сказано при визуальной оценке признаков, близки и, если и не имеют общего генезиса, то восходят к родственным комбинациям признаков.

Классическим графическим выражением матрицы расстояний между группами является дендрограмма, образованная с помощью традиционного парно-группового метода. Прежде чем перейти к рассмотрению этих диаграмм, составленных отдельно для мужских

и женских серий, оценим представленные в таблицах 4—7 матрицы другим способом. Речь идет о градуировании расстояний по

Таблица 5

Расстояния по „форме" (внизу слева) и „величине" (вверху справа) между краниологическими сериями III—II тысячелетий до н. э. Средней Азии и Казахстана (мужчины)

Памятники	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1 Пархай 2		0,81	0,59	0,49	0,47	0,54	0,21	0,55	0,41	0,58
2 Сумбар	0,00	—	0,45	0,51	0,26	0,28	0,41	0,23	0,55	0,41
3 Карадепе	0,00	0,00	—	0,23	0,33	0,45	0,44	0,48	0,63	0,74
4 Геоксюр	0,05	0,05	0,05	—	0,30	0,31	0,35	0,47	0,61	0,43
5 Алтындепе	0,05	0,03	0,04	0,17	—	0,10	0,31	0,10	0,44	0,49
6 Сапаллитепа	0,02	0,02	0,02	0,13	0,01	—	0,29	0,18	0,57	0,51
7 Джаркутан	0,01	0,00	0,00	0,06	0,03	0,01	—	0,52	0,58	0,30
8 Тигровая Балка	0,02	0,01	0,06	0,21	0,00	0,01	0,04	—	0,39	0,57
9 Кокча 3	0,03	0,03	0,03	0,14	0,00	0,00	0,02	00,0	—	0,38
10 Андроновская культура Казахстана (суммарно)	0,00	0,05	0,05	0,00	0,17	0,06	0,04	0,21	0,14	—

величине и картографировании наименьших величин расстояний, то есть о графическом выражении матриц расстояний не с по-

Таблица 6

Расстояния по „форме" (внизу слева) и „величине" (вверху справа) между краниологическими сериями III—II тысячелетий до н. э. Средней Азии и Казахстана (женщины)

Памятники	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1 Пархай 2	—	0,14	0,51	0,37	0,33	0,50	0,39	0,33	0,65	0,57
2 Сумбар	0,33	—	0,42	0,54	0,31	0,44	0,39	0,33	0,67	0,52
3 Карадепе	0,01	0,08	—	0,21	0,19	0,41	0,23	0,31	0,71	0,31
4 Геоксюр	0,01	0,22	0,03	—	0,15	0,16	0,09	0,23	0,82	0,51
5 Алдындепе	0,03	0,11	0,00	0,01	—	0,19	0,12	0,21	0,54	0,41
6 Сапаллитепа	0,02	0,13	0,00	0,02	0,04	—	0,13	0,19	1,09	0,72
7 Джаркутан	0,11	0,25	0,04	0,00	0,03	0,03	—	0,11	0,51	0,33
8 Тигровая Балка	0,06	0,18	0,02	0,00	0,01	0,02	0,01	—	0,47	0,37
9 Кокча 3	0,16	0,27	0,01	0,00	0,03	0,04	0,00	0,01	—	0,13
10 Андроновская культура Казахстана (суммарно)	0,10	0,24	0,04	0,00	0,02	0,04	0,00	0,00	0,00	—

мощью дендрограммы, а с помощью карты. В данном случае принята процедура подразделения расстояний на пять равновеликих

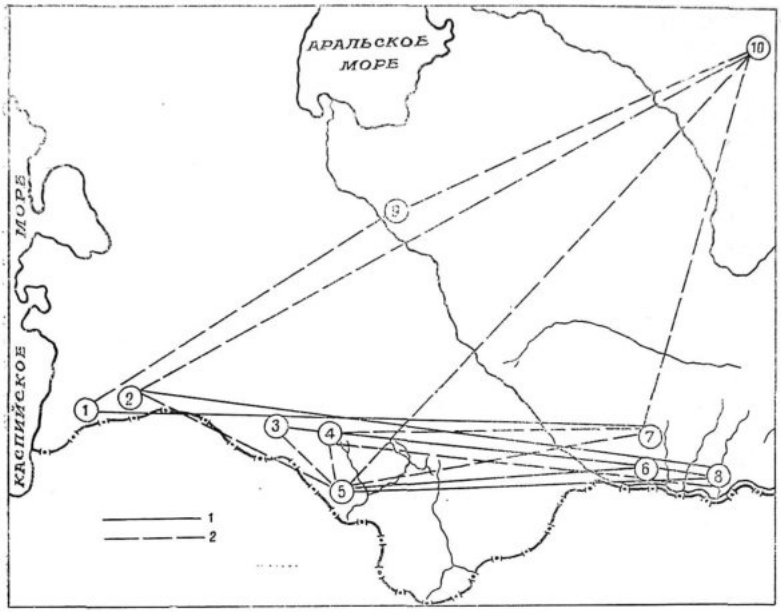

Рис. 5. Суммарные расстояния между исследованными сериями. Мужские черепа:
1 — очень малые расстояния; *2* — малые расстояния. Остальные обозначения те же, что и на рис. 1.

Таблица 7

Суммарные расстояния между краниологическими сериями III—II тысячелетий до н. э. Средней Азии и Казахстана (мужчины)

Памятники	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1 Пархай 2	—	0.81	0,59	0.45	0.43	0.52	0 20	0,53	0,39	**0,56**
2 Сумбар		—	0,45	0.47	0.24	0,26	0,41	0,22	0,53	0,37
3 Карадепе			—	0.19	0,30	0.43	0,44	0.43	0,61	**0,70**
4 Геоксюр				—	0.17	0,21	0,30	0,31	**0,50**	0.43
5 Алтындепе					—	0,09	0,29	0,10	0,**44**	0.36
6 Сапаллитепа						—	0,28	0.17	0,57	0,46
7 Джаркутан							—	0,49	0,56	**0,27**
8 Тигровая Балка								—	0,39	**0,41**
9 Кокча 3									—	0.27
10 Андроновская культура Казахстана (суммарно)										—

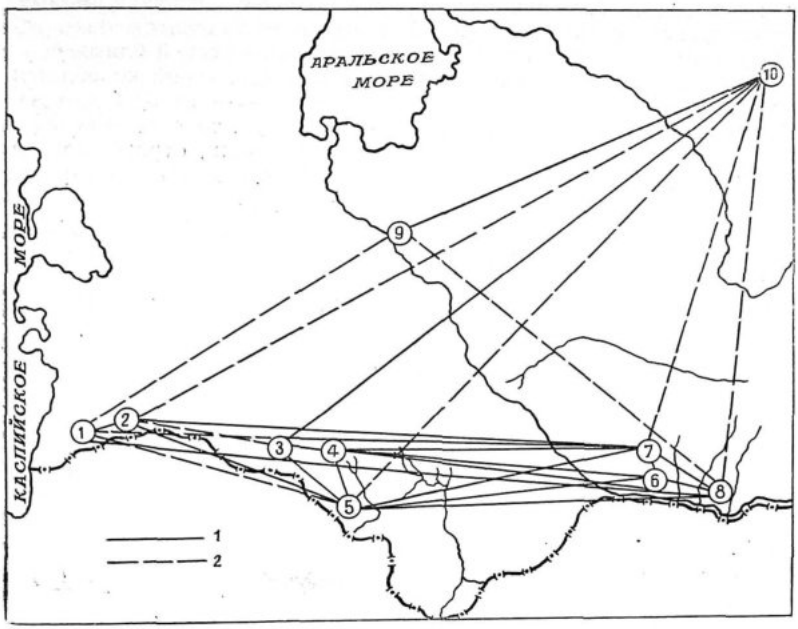

Рис. 6. Суммарные расстояния между исследованными сериями (женские черепа). Обозначения те же, что на рис. 1 и 5.

Таблица 8

Суммарные расстояния между краниологическими сериями III—II тысячелетий до н. э. Средней Азии и Казахстана (женщины)

Памятники	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Пархай 2	—	0,12	0,50	0,36	0,31	0,49	0 31	0,28	0,53	0,49
Сумбар		—	0,36	0,37	0,23	0,34	0,20	0,19	0,47	0,34
Карадепе				0,19	0,19	0,41	0,20	0,29	0,70	0,28
Геоксюр				—	0,14	0 14	0,09	0,23	0,82	0,51
Алтындепе					—	0,16	0,10	0,20	0,52	0,39
Сапаллитепа						—	0,11	0,17	1,06	0,69
Джаркутан							—	0,11	0,51	0,33
Тигровая Балка								—	0,46	0,37
Кокча 3									—	0,13
Андроновская культура Казахстана (суммарно)										/—

классов (очень большие расстояния, большие, средние, малые, очень малые) и нанесения очень малых и малых расстояний, условно свидетельствующих о большой морфологической близости.

Размах суммарных расстояний для мужских серий колеблется от 0,09 до 0,81. Класс очень малых величин — от 0,24 до 0,38. Картографирование величин этих двух классов, то есть объединение соединяющих их групп, приводит к ситуации, отраженной на рис. 5. Серии из северных районов объединяются между собой на

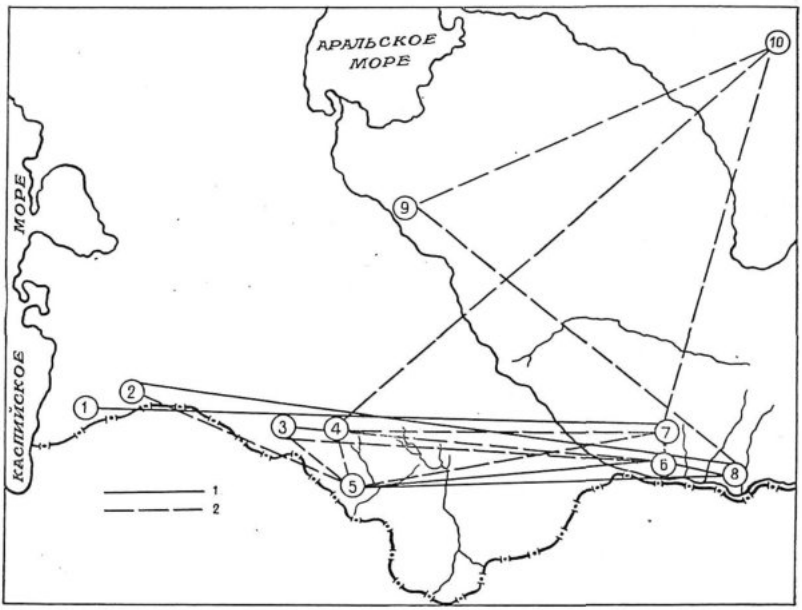

Рис. 7. Расстояния по «величине» между исследованными сериями (мужские черепа). Обозначения те же, что и на рис. 1 и 5.

втором уровне сходства, то есть примерно так же, как объединяются северные серии с некоторыми южными. В то же время на юге отчетливо виден сгусток очень малых расстояний между сопоставляемыми группами, чего нет на севере.

Переходя от этой карты к карте малых и очень малых расстояний между женскими сериями (рис. 6). нужно отметить, что границы малых суммарных расстояний в этом случае другие. Их величины колеблются от 0,09 до 1,06, первый класс очень малых величин охватывает расстояния от 0,09 до 0,28, второй класс—от 0,09

до 0,48. Получающаяся при картографировании картина почти идеально соответствует гипотезе двух морфологических вариантов, высказанной при рассмотрении вариаций отдельных признаков: расстояния, по величине относящиеся к первому классу, объединяют практически все серии из южных районов, а также черепа из могильников андроновской культуры и Кокча 3. Расстояния между обеими группами соответствуют второму классу, и только в одном случае фиксируется очень малое расстояние (андроновская культура — Карадепе).

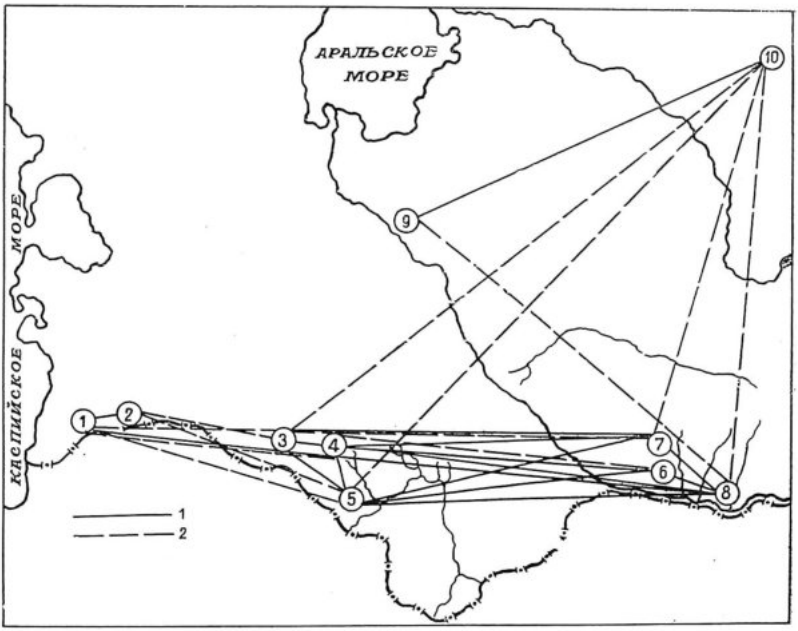

Рис. 8. Расстояния по «величине» между исследованными сериями (женские черепа). Обозначения те же, что и на рис. 1 и 5.

Порядок суммирования различий между группами очень часто автоматически повторяет порядок различий между ними по «величине», что объясняется свойствами формулы: расстояния по «величине» тем больше совпадают с суммарными, чем меньше различия по «форме», как в анализируемом нами случае. Для мужских серий величины расстояний колеблются то 0,10 до 0,81, очень малые — от 0,10 до 0,24, малые — от 0,25 до 0,39. Соответствующие величины для женских серий — от 0,09 до 1,09; от 0,09 до 0,29; от 0,30 до 0,50. Территориальное распределение расстояний, как и следовало ожидать, повторяет карты на рис. 5—6. Некоторые муж-

ские серии юга объединяются очень малыми расстояниями, сетка этих расстояний примерно одинакова по всей территории Средней Азии (рис. 7). Женские серии объединены очень малыми расстояниями на юге и на севере, между ними располагаются малые расстояния (рис. 8).

Расстояния по «форме», как уже говорилось, чрезвычайно малы, но все же их величины оказали небольшое влияние на распределение суммарных расстояний. При попарном сравнении рис. 5 и

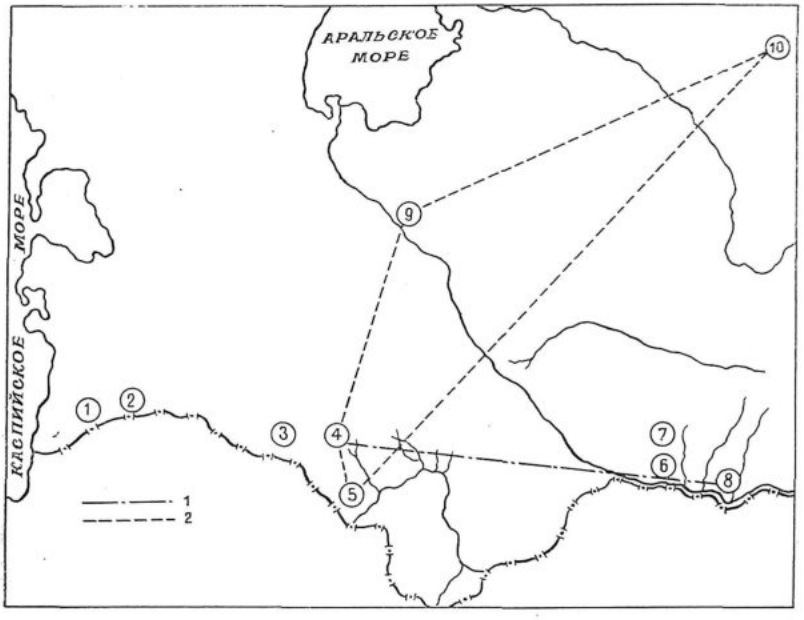

Рис. 9. Расстояния по «форме» между исследованными сериями (мужские черепа).
1 — очень большие расстояния; *2* — большие расстояния. Остальные обозначения те же, что и на рис. 1.

7, 6 и 8 видно, что параллелизм в географическом распределении расстояний, суммарных расстояний и расстояний по «величине» не носит абсолютного характера. География очень малых расстояний на юге, как это следует из рис. 5 и 7, не вполне повторяется, на рис. 6 одно очень малое расстояние объединяет, как уже говорилось, серии севера и юга, тогда как на рис. 8 его нет (расстояния по «величине» между северными и всеми южными сериями только малые и среди них нет ни одного очень малого). Все это подтверждает мысль о том, что расстояния по «форме» в данном случае не безразличны для формирования величины суммарных.

Однако картографировать их так же, как мы картографировали суммарные расстояния и расстояния по «величине», невозможно: малая величина расстояний по «форме» приводит к тому, что подавляющая их часть при выбранном способе градуирования попадает в категорию очень малых, карта, естественно, становится перегруженной и трудно читаемой. Поэтому при картографировании расстояний по «форме» на карту наносились не очень малые и малые, а очень большие и большие величины. В мужских сериях раз-

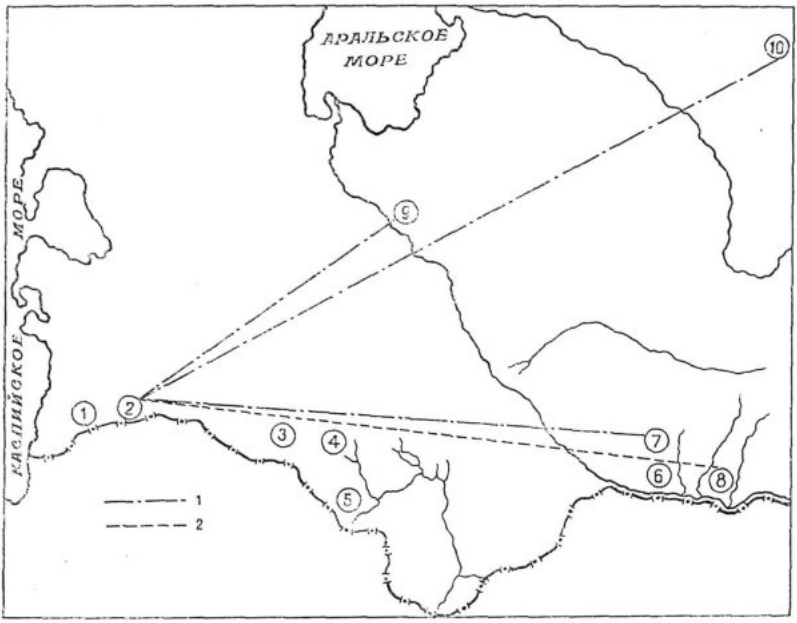

Рис. 10. Расстояния по «форме» между исследованными сериями (женские черепа). Обозначения те же, что и на рис. 1 и 9.

личия по «форме» колеблются от 0,00 до 0,21. Это означает, что категория очень большой величины различий охватывает расстояния от 0,20 до 0,24, большой величины — от 0,15 до 0,19. Они и нанесены на карту (рис. 9). На ней видно, что очень большая и большая категории расстояний не распределяются территориально правильно: в одном случае расстояние зафиксировано между двумя южными сериями, а в другом — между одной южной и одной северной. Категория больших расстояний представлена на севере и на юге.

Более определенные результаты дает география расстояний по «форме» между женскими сериями (рис. 10). Два случая очень больших расстояний падает на различие между севером и югом, один случай — между южными сериями, их же разделяет и одно большое расстояние. Таким образом, женская часть древних популяций и по «форме» дифференцировалась так же, как дифференцировались все популяции по «величине» и суммарно, то есть север опять отделился от юга.

Итак, при рассмотрении территориальных вариаций отдельных признаков мы выявили известную закономерность в географичес-

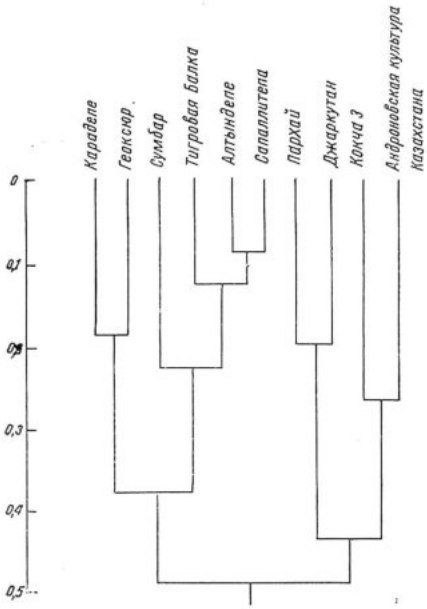

Рис. 11. Дендрограмма суммарных расстояний для мужских серий.

ком распределении ширины черепной коробки, черепного указателя и скуловой ширины, свидетельствующую о некотором различии между двумя северными сериями и всеми южными, а также при оценке суммарных различий между группами два не очень четко выраженных, но все же достаточно определенных кластера: один включает все серии юга Средней Азии, другой — гораздо более малочисленный — две серии из погребений андроновской культуры и из могильника Кокча 3. Графически мы иллюстрируем это дендрограммами, составленными на основе суммарных расстояний отдельно для мужских и женских серий (рис. 11, 12). На дендро-

грамме для женских черепов серии андроновской культуры и могильника Кокча 3 противопоставляются всем остальным, на дендрограмме для мужских черепов видно то же противопоставление,

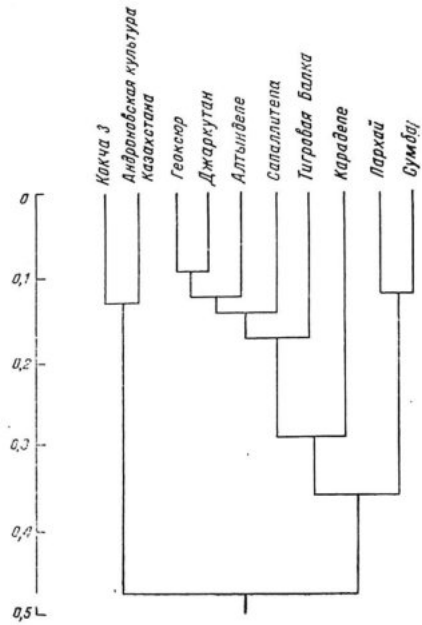

Рис. 12. Дендрограмма суммарных расстояний для женских серий.

но менее отчетливо: обе серии объединяются в один более крупный кластер с сериями из Пархая и Джаркутана, имеющих южное расположение.

Этногенетические соображения

Применительно к изучаемому периоду они носят весьма относительный характер, так как в нашем распоряжении, как известно, нет письменных памятников, которые сообщали бы нам этногенетическую информацию в узком смысле слова, то есть древние этнонимы, и давали возможность судить о языковой ситуации. Поэтому этногенетические выводы из находящегося в нашем распоряжении материала ограничиваются возможностью судить об автохтонном или инородном происхождении изученных групп и морфологических аналогиях с населением окружающих территорий. Это означает, что этногенетическая трактовка данных по палеоан-

тропологии эпохи неолита и бронзы, строго говоря, не является таковой по существу, учитывая известную и широко обсуждаемую в археологической литературе спорность интерпретации доставляемой археологией историко-культурной информации в этническом плане. Эта интерпретация в совокупности с результатами археологических исследований лишь подготавливает почву для этногенетических построений, которые в полной мере могут быть реализованы лишь при накоплении знаний об этнической ситуации в узком смысле слова — самоназвании и размещении соответствующих народов, их языковой принадлежности и т. д.

Выделение двух краниологических вариантов в древнем населении Средней Азии, один из которых характерен для северных районов казахстанских степей и Приаралья, другой — для более южных регионов земледельческой зоны — ставит вопрос о таксономической ценности этих вариантов, степени морфологических различий между ними и преобладающих направлениях генетических связей, которые имел каждый из них. Исследования антропологических особенностей населения эпохи бронзы степных районов СССР показали, что оно отличалось сильно выраженными особенностями европеоидной расы и массивным строением скелета. Эта комбинация признаков получила наименование «кроманьонского» типа в широком смысле этого термина и рассматривалась, как «выражение стадиального сходства» и «общий прототип европейского расового ствола» (Дебец, с. 65—67). И сам термин, и подобное толкование генезиса типа были перенесены на неолитическое и мезолитическое население тех же районов и укрепились в литературе (см., например: Гохман; Кондукторова). Один из авторов настоящей работы употреблял термин «палеоевропейский тип» (Алексеев, 1961), но это не меняло сути дела, так как понимание генезиса обозначаемой этим термином комбинации признаков оставалось, по существу, тем же.

Некоторые серии эпохи бронзы выделялись на фоне комплекса признаков известным своеобразием, например, черепа из погребений андроновской культуры эпохи бронзы отличались от остальных серий большей массивностью и повышением черепного указателя. На этом основании был выделен «андроновский» вариант «кроманьонского» типа (Дебец), что тоже получило распространение в литературе (см., например: Алексеев, 1961; Гинзбург, Трофимова).

Одна из причин распространения типологических характеристик в палеоантропологии так же, как и сведения всего реально существующего краниологического разнообразия к небольшому числу так называемых типов, столь критически оцениваемого в последние два десятилетия — немногочисленность краниологических данных, при которой резче проявлялась случайность индивидуальной изменчивости и преувеличивались таксономические и генетические различия между немногочисленными и поэтому иногда резко отличавшимися друг от друга выборками. Накопление данных

привело к тому, что «андроновский» вариант потерял четкие морфологические очертания, что касается «кроманьонского» типа, то первоначальное представление о его морфологической гомогенности не получило подтверждения.

В первом случае речь идет о палеоантропологии населения, оставившего памятники андроновской культуры в западных районах Казахстана (Гинзбург; Алексеев, 1964). Краниологический материал, полученный из этих памятников, свидетельствует о том, что группы людей, жившие здесь в древности, отличались узколицестью и долихокранией. Суммарная оценка различий между территориальными группами населения андроновской культуры также подтвердила, что идея своеобразия «андроновского» варианта в очень малой мере относится к населению верхнего Енисея и совершенно не приложима к населению более западных районов (Алексеев, 1967). Носители андроновской культуры Казахстана не сильно отличались от других людей эпох неолита и бронзы, рассматриваемых в качестве представителей «кроманьонского» типа; различия, если и имели место, то проявлялись лишь в большей грацильности.

Сам «кроманьонский» тип потерял, как уже было сказано, свою морфологическую определенность. Описанные и описываемые серии демонстрируют большой краниологический полиморфизм, выражающийся в вариациях как раз тех признаков, определенное сочетание которых легло в основу выделения «кроманьонского» типа — ширине лицевого скелета и форме черепной коробки (Алексеев, 1974). Необходима ревизия всего известного краниологического материала из могильников каменного века и эпохи неолита и бронзы из степных районов Евразии, которая выявит число, морфологические особенности и территориальное положение отдельных независимых вариантов, якобы составляющих единый «кроманьонский» тип. Но и до результатов этой ревизии мы утверждаем, что его реальное существование весьма проблематично, следует говорить о пучке морфологических форм, имеющих в каждом отдельном случае относительно независимое происхождение.

Каково при таком взгляде на вещи положение черепов андроновской культуры Казахстана и из могильника Кокча 3 в таксономическом поле краниологических вариантов эпохи неолита и бронзы? Они совершенно идентичны более ранним и синхронным сериям западных районов. Это сходство отмечается и в культуре. Археологические исследования, разбросанные, к сожалению, по сотням изданий и необобщенные должным образом и в полном объеме, демонстрируют широкую панораму культурно-хозяйственных связей, существовавших между отдельными локальными группами скотоводческих племен балканских степей на западе и казахстанских и минусинских — на востоке. Н. Н. Чебоксаров подразделил всех европеоидов центральных районов Европы на относительно светлопигментированных гиперморфных, тяготеющих в своем происхождении к северу, и более темных гипоморфных, расселенных

преимущественно на юге. Рассматриваемый нами краниологический материал, вероятно, относился к гиперморфным европеоидам, что создает альтернативу: либо они имели северо-западное происхождение по отношению к той территории, на которой мы их застали, то есть в степях Казахстана и в Приаралье, либо, что более вероятно, Приаралье и Казахстан входили в зону формирования этого комплекса признаков, ареал которого в древности был в несколько раз обширнее современного.

И дендрограммы, и графики, и карты отдельных признаков показали нам, что черепа из Сумбара сблизились с черепами северных серий. Свидетельствует ли этот факт о проникновении гиперморфных европеоидов в западный участок туркменской пустыни или их обнаружение здесь носит случайный характер — сейчас неясно, но это и неважно: в целом гомогенность популяций, проживавших в южных районах Средней Азии в эпохи неолита и бронзы, выглядит достаточно правдоподобно, ее можно считать доказанной в ходе предшествующего анализа. В соответствии с традицией этот комплекс признаков, названный Э. Фишером (Fisher) ориентальным или восточным, чаще всего называют восточносредиземноморским (Гинзбург, Трофимова), подразумевая под этим специфическое морфологическое сходство и даже генетическое родство, которое объединяло якобы все популяции, населявшие Восточное Средиземноморье в широком смысле слова, и противопоставляло их народам Западного Средиземноморья. Однако морфологическое содержание, вкладываемое в этот термин, оставалось и остается недостаточно ясным.

Монографическое изучение палеоантропологии Средней Азии начиная с эпохи камня и кончая поздним средневековьем (Ходжайов, 1981) показало, что в составе комплекса признаков, который называется восточносредиземноморским, можно выделить минимум три варианта — восточносредиземноморский I, восточносредиземноморский II и восточносредиземноморский III. Локальными их назвать нельзя, так как они имеют очень расплывчатые ареалы: скажем, восточносредиземноморский I охватывает далеко расположенные друг от друга серии из Карадепе и Геоксюра, к варианту II могут быть отнесены Сапалли, Джаркутан и Алтындепе (в последнем случае речь идет о расстоянии в несколько сот километров). Однако эти восточносредиземноморские варианты имеют достаточно четкое морфологическое содержание, отличаясь друг от друга горизонтальными диаметрами и, особенно, высотой черепной коробки, шириной лобной кости, размерами лицевого скелета. Таким образом, в пределах восточносредиземноморского комплекса признаков можно различить ряд морфологических комбинаций, характеризовавших отдельные группы популяций эпох энеолита и бронзы, проживавших в южных районах Средней Азии. Такая точка зрения близка к точке зрения М. Каппиери (Cappieri), также выделившего значительное число своеобразных краниологических сочетаний в палеоантропологических материалах из Вос-

точного Средиземноморья, включая и Среднюю Азию. Эти сочетания не совпадают с нашими, но принцип подхода к их выделению (опираясь преимущественно на морфологию) остается сходным.

Дискуссия о правомерности того или иного варианта бессмысленна, важнее подчеркнуть, что комплекс признаков, который мы рассматриваем, имеет ясные переднеазиатские аналоги. В работе, ссылка на которую сделана выше (Алексеев, Ходжайов, Халилов), было осуществлено суммарное сопоставление среднеазиатских и кавказских серий ранних эпох и продемонстрировано значительное сходство краниологических материалов из Передней Азии и южных районов Средней Азии. Это сходство может быть интерпретировано удовлетворительным образом лишь при допущении существования исходной генетической близости Передней и Средней Азии, хотя и в Передней Азии можно наметить несколько различающихся между собой морфологических вариантов, представленных в населении разных районов. Нужно отметить, что несмотря на находки в отдельных памятниках крупных массивных черепов со сравнительно широким лицевым скелетом (например, серия из Сиалка А), подавляющее большинство материалов должно быть включено в круг гипоморфных форм. По аналогии с современным населением темная пигментация представителей этих популяций кажется весьма вероятной.

Переход к производящему хозяйству, одной из основных форм которого стало земледелие, и распространение земледелия из переднеазиатского очага на окружающие территории, в том числе в южные районы Средней Азии (Массон, 1971; Аскаров, Лисицина), детально прослежены в Передней Азии на основе археологических и палеоботанических данных. Переход к производящему хозяйству, вызвавший, по всеобщему мнению, так называемую неолитическую революцию, концепция которой распространилась и в специальной, и в популярной литературе, сопровождался если не демографическим взрывом, как часто принято писать, то серьезным демографическим давлением, за которым следовало расселение из перенаселенных районов. Этим объясняется очень медленное и постепенное, но закономерное перемещение параллельно с земледельской культурой значительных масс людей в Среднюю Азию через Копет-Даг, освоение прикаспийской полосы и возникновение земледельческих оазисов по долинам рек. Некоторые исследователи полагают, что миграция населения с юга в отдельные районы Средней Азии началась даже раньше, в эпоху мезолита (Виноградов). Антропологические особенности популяций, живших в этих оазисах и в Передней Азии, были близки или тождественны.

Любопытно обратить внимание на единичные находки из неолитических погребений южной Туркмении, например, на череп из Монжуклыдепе (Гинзбург, Трофимова), отличающийся большой широколицестью — необходимость включения его в число гиперморфных вариантов очевидна. В эпоху неолита и доземледельческого хозяйства, предшествующую той, палеоантропологию которой мы

рассматриваем в этой статье, демаркационная линия между гиперморфными и гипоморфными европеоидами на территории Средней Азии проходила немного южнее, чем в эпоху энеолита и бронзы. Не исключено, что происхождение локальных очагов осветления пигментации представителей современного населения Средней Азии, трактовавшихся в ходе изучения его антропологического состава то как примесь северной расы, то как следствие генетико-автоматических процессов в условиях изоляции, восходит, хотя бы частично, к широко распространенному в древности гиперморфному населению, которое характеризовалось относительно светлой пигментацией. Накопление данных для выяснения этой проблемы имело бы фундаментальное значение для дальнейшего углубления наших знаний о расогенетических процессах на территории Средней Азии.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В. П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья в эпохи неолита и бронзы.— В кн.: Антропологический сборник III.— Труды Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. 21. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Алексеев В. П. Антропологический тип населения западных районов распространения андроновской культуры.— В кн.: Проблемы этнической антропологии Средней Азии.— Научные труды Ташкентского ун-та. Ташкент, 1964.

Алексеев В. П. Антропология андроновской культуры.— Советская археология, 1967, № 1.

Алексеев В. П. Палеодемография СССР.— Советская археология, 1972, № 1.

Алексеев В. П. География человеческих рас. М.: Мысль, 1974.

Алексеев В. П., Ходжайов Т. К., Халилов Х. Х. Население Верховьев Амударьи в эпоху бронзы по данным палеоантропологии. Ташкент: Фан, 1984.

Аскаров А. А. Сапаллитепа. Ташкент: Фан, 1973.

Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья.— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. 13. М.: Наука, 1981.

Гинзбург В. В. Материалы к антропологии населения западного Казахстана в эпоху бронзы.— Материалы, исследования по археологии СССР, № 120. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1962.

Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972.

Гохман И. И. Население Украины в эпоху мезолита и неолита (антропологический очерк). М.: Наука, 1966.

Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР.— Труды Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия). Т. IV. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.

Дурново Ю. А. Длинные кости конечностей скелетов из могильника тазабагъябской культуры Кокча 3.— Материалы Хорезмской экспедиции АН СССР, вып. 5. М., 1961.

Кияткина Т. П. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1976.

Кондукторова Т. С. Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М.: Наука, 1973.

Лисицина Г. Н. Становление и развитие орошаемого земледелия в южной Туркмении. М.: Наука, 1978.

Массон В. М. Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики).— Материалы и исследования по археологии СССР, № 180. Л.: Наука, 1971.

Массон В. М., Кияткина Т. П. Человек на заре урбанизации.— Природа, 1976, № 7.
Трофимова Т. А. Черепа из могильника тазабагъябской культуры Кокча 3.— В кн.: Могильник бронзового века Кокча 3. М.: Изд. АН СССР, 1961.
Трофимова Т. А. Черепа из погребений куюсайской культуры в могильниках Тумек-кичиджик и Тарым-кая.— В кн.: Кочевники на границах Хорезма.— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. 11. М.: Наука, 1979.
Трофимова Т. А., Гинзбург В. В. Антропологический состав населения Южной Туркмении в эпоху энеолита (по материалам раскопок Карадепе и Геоксюра).— Труды южнотуркменской археологической комплексной экспедиции, т. 10. Ашхабад: Изд-во АН ТССР, 1960.
Ходжайов Т. К. Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапаллитепа. Ташкент: Фан, 1977.
Ходжайов Т. К. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы.— Автореф. докт. дис... М., 1981.
Чебоксаров Н. Н. Калмыки западного улуса. Расово-антропологический очерк.— Антропологический журнал, 1935, № 1.
Чепурковский Е. М. Географическое распределение формы головы и цветности крестьянского населения преимущественно Великороссии в связи с колонизацией ее славянами.— Изд. общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. CXXIV, вып. 2. М., 1913.
Cappieri M. Die asiatischen Prota — Mediterranen — Ethnographisch — archeologische. Zeitschrift, B. 2, 1961.
Knussmann R. Penrose — Abstand und Diccriminanzanalyse. Homo, Bd. XVIII, н. 3. 1967.
Fischer E. Spezielle Anthropologie: Rassenlehre—In: Anthropologie (unter Zeitung von G. Schwalbe und E. Fischer). Leipzig—Berlin, 1923.
Martin R. Lehrbuch der Anthropologie in systematischer. Darstellung, B. Z. Jena, 1928.
Mollison Th. Some human remains found in the North kurgan Anau.— In: Pumpelly R. Explorations in Turkestan. Prehistoric civilisations of Anau. Washington. 1908.
Sergi G. Description of some skulls from the Northern kurgan Anau.— In: Pumpelly K. Explorations in Turkestan. Prehistoric civilisations of Anau. Washington, 1908.

Г. К. Ходжайова

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМАМИ ЭТНОГЕНЕЗА

Антропологические данные имеют большое значение при изучении этногенетических и расогенетических процессов. Они помогают установить, на базе каких этнических групп сложилась изучаемая народность, а также решить вопросы, связанные с происхождением современных этнических групп, их составом, миграцией и смешением. Особо ценную информацию дает антропология в таких зонах соприкосновения больших рас, как Средняя Азия. На этой территории в глубокой древности (около трех тысяч лет тому назад) началось смешение европеоидной и монголоидной рас, которое продолжается до сих пор.

Помимо классических морфологических и соматологических методик (антропометрия и антропоскопия) большую роль в антропологических исследованиях по этногенезу и расогенезу играет изу-

чение генетики отдельных расовых признаков и комплексов. В первую очередь, это изучение так называемых генетических маркеров — признаков с уже установленным типом наследования, чаще всего простым. В отличие от морфологических признаков, которые детерминируются многими генами, генетические «маркеры» передаются наследственно одним или несколькими генами, что позволяет вычислить концентрации соответствующих генов на основе фенотипических частот. В этом заключается исключительная ценность изучения таких признаков в антропологии, так как они позволяют судить о сходстве двух популяций, в частном случае двух этнических групп; по концентрации нескольких десятков генов даже оценить количественно степень их генетического родства по этим признакам, то есть представляют незаменимые сведения о взаимоотношениях популяций для этнической истории.

Большая часть этих маркеров связана с различными биохимическими и иммунологическими свойствами крови (группы крови, белки и ферменты плазмы и эритроцитов). Наиболее интенсивно изучаются такие наследственные факторы, как группы крови. Они являются антигенами, находящимися на поверхности эритроцитов, имеют простую генетическую структуру и подчиняются основным закономерностям наследственности, сформулированным Г. Менделем. После открытия Л. Гиршфельдом в 1919 г. групп крови АВО (первой, второй, третьей и четвертой) изучены другие системы групповых факторов крови, которых сейчас насчитывается более десятка (MNSs, Резус, Даффи, Льюис, Диего, Кидд, Келл-Келлано и др.). К настоящему времени получены данные по распределению этих групповых факторов, определена их концентрация, составлены карты по территориальному распределению у разных народов мира.

Из эритроцитарных факторов антропологами в этническом плане изучается также распределение в мировых популяциях аномальных вариантов гемоглобина (S, D, C и т. д.), а также недостатка фермента, косвенно связанного с гемоглобином — глюкозо-6-фосфатдегидрогеназы.

В последние годы в антропологии при изучении этнических вопросов исключительное значение получило исследование у разных народов сывороточных систем крови, которые также передаются по наследству, то есть генетически обусловлены и не изменяются с возрастом. Сывороточные системы крови содержат приблизительно несколько сотен белков, различающихся по своим антигенным свойствам. Выявление белковых особенностей сывороток стало возможным после открытия и внедрения сложных биохимических и иммунологических методик, в частности, электрофореза. Данные о распространении и частоте встречаемости у различных народов и рас гаптоглобинов (Hp_{1-1}, Hp_{2-1}, Hp_{2-2}), систем гаммаглобулинов (Gm(a), Gm(b), Gm(r), Gm(D) и т. д.), системы Gc, альбуминов, липопротеинов, получаемые с помощью этих методов,

имеют большую ценность при решении вопросов этнической истории.

Установлено что в крови человека детерминировано также содержание ряда ферментов. Для этнической антропологии представляет интерес изучение системы фосфатаз (щелочной и кислой), холинэстеразы трансферринов, церулоплазмина и т. д. В мировой антропологии эти исследования проводятся интенсивно, идет процесс накопления фактических данных.

Ценным для решения этногенетических проблем является также изучение некоторых микроморфологических признаков, имеющих близкий к простому тип наследования: кожных узоров пальцев и ладоней (дерматоглифика) и вариантов строения коронки зубов (одонтология и одонтоглифика).

Эти признаки являются нейтральными по отношению к позднейшим этапам редукции, не изменяются с возрастом, мало зависят от условий окружающей среды, почти не изменяются в течение последних тысячелетий и не имеют корреляционных связей с другими системами расоводиагностических признаков. На основе межгрупповой изменчивости многих элементов строения зубов и узоров пальцев и ладоней можно выделить исторически сложившиеся территориальные комплексы и провести их анализ.

Антропологическое изучение современного населения Средней Азии интенсивно проводил с начала 20-х годов Л. В. Ошанин, основатель, а затем и бессменный руководитель кафедры антропологии при Среднеазиатском Государственном университете. Под его руководством и при его участии было проведено 29 экспедиций в разные районы среднеазиатских республик. В плане изучения групп крови представляют интерес экспедиции, созданные под руководством Л. В. Ошанина при Минздраве УзССР (Ошанин, Ясевич). Научный руководитель Узбекского института переливания крови В. К. Ясевич в экспедициях в Кашкадарьинскую область, Туркмению, на Памир собрал материалы по группам крови у отдельных племен и народов Средней Азии.

В конце 20-х годов в составе историко-этнографической экспедиции под общим руководством академика В. В. Бартольда работал антропологический отряд (Б. Н. Вишневский, Г. И. Петров, Е. Г. Либман и др.), который кроме антропометрии занимался и определением групп крови АВО у таджиков, узбеков и среднеазиатских евреев.

Институтом антропологии МГУ у различных территориальных и этнических групп в Средней Азии длительное время проводились серологические исследования, отдельные результаты которых опубликованы в «Кратких сообщениях» этого Института за 1940 г. В 1931—1932 гг. была организована экспедиция, руководимая московским антропологом А. И. Ярхо (1933, 1936), которая в течение нескольких лет изучала морфологию и серологию тюркоязычных народов Средней Азии, Казахстана, Алтая и Кавказа. Получены данные по распределению групп крови АВО у отдельных

групп кыпчаков, узбеков городов Андижан, Наманган, каракалпаков, равнинных киргизов и киргизов Иссык-Куля, туркмен (йомуды, чоудары).

У таджиков и узбеков антропологами было обнаружено наличие корреляции между степенью монголоидности и увеличением содержания группы В по сравнению с группой А.

Итоги краткого исторического обзора по серологическим исследованиям представлены в таблицах 1—4. Следует отметить, что Узбекистан в 20—40-е годы был неплохо изучен в этом аспекте в соответствии с развитием антропологической науки и ее требованиями того времени. Как видно из таблицы 1, у узбеков Кашкадарьи, Хорезма, Андижана и Намангана — лица с группой крови А преобладают над лицами с группой крови В. Исключение составляют узбеки-кыпчаки, у которых группа В количественно больше, чем группа А. Однако сейчас эти данные имеют лишь исторический интерес, они представляют только систему АВО, они фрагментарны и так малочисленны, что по ним нельзя судить ни о закономерностях географического распределения изученных групп крови, ни о генетических связях между отдельными обследованными популяциями.

В последние годы деятельность советских антропологов по изучению распределения групп крови и других генетических маркеров у различных народов активизировалась. Определение генетических признаков входит в программу многолетних комплексных исследований населения Средней Азии, в том числе Узбекистана, проводимых экспедициями Отдела антропологии Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Института антропологии МГУ.

Эти исследования проводятся по обширной программе, включающей помимо антропометрии и антроскопии большое количество генетических признаков (системы крови, одонтологию, дерматоглифику и целый ряд антропологических признаков). Кроме системы АВО в крови определяется содержание систем MNSs, Резус, Льюис, Даффи, Кел-Келлано, Диего и др. Все работы отличаются спектром определяемых генетических маркеров, что зависит от наличия тех или иных дефицитных антисывороток, реактивов, оборудования. Авторами показано распределение генных частот отдельных маркеров в соответствии с популяционной структурой населения Средней Азии и Казахстана (популяционно-генетический аспект), а также сделана попытка выявить связи данных, полученных по генетическим признакам, с происхождением, формированием и развитием отдельных этнических групп и народов (этногенетический аспект).

Систематично и планомерно такие этногенетические исследования проводились в Казахстане О. Исмагуловым (1968, 1974), в Туркмении — О. Бабаковым (1977), в Каракалпакии — Н. Рысназаровым (1972). Узбекистан в этногенетическом плане с определением генетических маркеров в данное время почти не изучается,

Таблица 1

Распределение групп крови системы АВО и генных частот среди узбекского населения

Исследованные группы	Исследователи	Число наблюдений	Частота фенотипов, %				Частота генов		
			0	A	B	AB	r	p	q
Территориальные, по областям:									
Кашкадарьинская	Л. В. Ошанин, В. К. Ясевич, 1929	887	25,1	38,1	29,2	7,6	0,510	0,263	0,205
Ташкентская (без родового деления)									
Янгиюльский район	О. Исмагулов, 1968	332	26,0	28,3	34,3	11,4	0,512	0,224	0,263
Хорезмская	В. П. Глиндеман и др., 1971	2400	30,6	32,1	26,8	10,5	0,554	0,243	0,203
Кашкадарьинская	"	1828	27,7	32,8	28,8	10,7	0,525	0,252	0,223
Бухарская	"	1478	29,9	31,9	29,7	8,5	0,556	0,229	0,215
Наманганская	"	633	29,5	37,6	24,1	8,8	0,549	0,269	0,182
Хорезмская	Минкевич*	—	29,0	33,9	27,0	10,6	0,542	0,252	0,207
Самаркандская	Г. К. Ходжайова и Е. Л. Усманова, 1982	351	30,5	32,8	28,5	8,2	0,560	0,234	0,205
Андижан и Наманган	Е. Г. Либман, 1934	994	30,4	38,1	26,3	5,2	0,551	0,248	0,173
Каракалпакская АССР (без родовых делений)	Н. Рысназаров, 1972	278	29,9	24,5	23,7	21,9	0,488	0,259	0,253
Каракалпакская АССР (с родовыми делениями)	"	99	17,2	20,2	42,4	20,2	0,393	0,224	0,383
Узбечки-роженицы г. Ташкента	Х. А. Максудова, 1969	210	30,0	32,4	25,7	11,9	0,546	0,253	0,209
Афганистан	Мараньян**	74	23,4	44,5	21,6	10,5	0,492	0,331	0,177
Среднее по междуречью Кашкадарьи и Карадарьи		2166	—	—	—	—	0,529	0,262	0,209
Туркменская ССР г. Ташауз	О. Бабаков, 1977	100	32,7	31,8	25,7	9,8	0,581	0,229	0,190
Этнические: Кыпчаки	Е. Г. Либман, В. И. Белкина ***	100	30,0	26,0	36,0	8,0	0,548	0,188	0,252

Продолжение табл. 1

Исследованные группы	Исследователи	Число наблюдений	Частота фенотипов, %				Частота генов		
			0	A	B	AB	r	p	q
Локайцы Советского района Сурхандарьинской области	А. И. Пестряков, 1975	184	42,4	28,8	17,9	10,9	0.626	0,220	0.154
Тагчи Сарыасийского района Сурхандарьинской области	"	144	40,3	34,7	16,7	8,3	0.624	0.243	0,130
Ходжа (к. Каракент Самаркандской области)	Т. В. Анфалова и др.,	209	30,1	41,2	20,1	8,6	0.527	0,286	0,194
Ходжа (к. Ишан Самаркандской области)	"	244	29.0	30 3	31.6	8,2	0.546	0,223	0,231
Кишлик (к. Терсак II Самаркандской области)	А. А. Ревазов и др.. 1977	181	33,7	22,1	32,0	12,2	0,565	0,186	0.249
Кишлик (к. Терсак III Самаркандской области)	"	271	31,0	37,3	23.3	8,1	0,5 3	0,262	0.175
Барлас (к. Терсак IV Самаркандской области)	"	242	14,5	43,0	28.1	14,5	0,397	0,356	0.247
Барлас (к. Айрикия Самаркандской области)	"	132	27,3	32,6	28,0	12,1	0,518	0,256	0.226
Вся популяция четырех кишлаков	"	826	26,2	34.9	27,4	11 5	0,513	0,268	0,219

* Данные цит. по Бабакову, 1977
** Данные цит. по Хить, 1977
*** Данные цит. по Бабакову, 1977

несмотря на то, что, как было отмечено ранее, в 20—30-е годы он был одной из наиболее изучаемых областей в стране. Имеется лишь серологическая сводка, составленная В. П. Глиндеман, Л. П. Корешковой, Г. Н. Хорват по архивным материалам Республиканской и областных станций переливания крови УзССР без учета этнического своеобразия обследованных групп. Согласно сводке, у сборных узбекских групп — доноров Хорезмской, Кашкадарьинской, Бухарской и Наманганской областей — частоты фенотипов системы АВО распределяются следующим образом: A>0>B. В Кашкадарьинской области это соотношение выглядит так: A>B>0.

Небольшие выборки узбекского населения исследовались по отдельным генетическим маркерам О. Исмагуловым, О. Бабаковым, Н. Рысназаровым, А. П. Пестряковым. Ими получены разноречивые данные. Для узбеков без родового деления Янгиюльского района Ташкентской области, по данным О. Исмагулова (1974),

Таблица 2

Распределение фенотипов и генов системы Rhesus у узбеков

Этнические и территориальные группы населения	Исследователь	Число наблюдений	Частота фенотипов		Частота генов	
			Rh^+ (D)	Rh^- (d)	D	d
Хорезмская область	В. П. Глиндеман и др., 1971	2400	94,0	6,0	0,757	0,243
Кашкадарьинская область	"	1828	94,8	5,2	0,774	0,226
Бухарская область	"	1478	95,5	4,5	0,778	0,212
Наманганская область	"	638	94,3	5,7	0,766	0,234
Ташкентская область						
Янгиюльский район	О. Исмагулов, 1977	278	89,9	10,1	0,684	0,316
Самаркандская область						
Джамбайский район						
к. Каракент	Т. В. Анфалова, Н. Н. Прытков, 1975	210	99,5	0,5	0,931	0,060
к. Ишан	"	241	97,5	2,5	0,842	0,158
Вся популяция по двум кишлакам	"	451	98,5	1,5	0,876	0,124
Ургутского района:						
к. Терсак II	А. А. Ревазов и др., 1977	181	98,9	1,1	0,895	0,105
к. Терсак III	"	271	95,9	4,1	0,799	0,201
к. Терсак IV	"	242	98,8	1,2	0,890	0,110
к. Айрикия	"	132	94,7	5,3	0,769	0,231
Вся популяция четырех кишлаков	"	826	97,3	2,7	0,834	0,166
Узбеки Самаркандской области	Г. К. Ходжайова, Е. Л. Усманова, 1982	644	92,9	7,1	0,735	0,265

характерно присутствие высокой концентрации гена *q* (26%). По характеру распределения (преобладание группы B и умеренное содержание A и 0) они отличаются от узбеков Андижана, Намангана. Узбеки-локайцы и узбеки-тагчи, обследованные А. П. Пестряковым (1975), напротив, имеют очень низкую частоту гена *q*, большую частоту гена *r* и отличаются этим от узбеков-кыпчаков

Кашкадарьи и узбеков Афганистана (табл. 1). Несколько отличаются по распределению системы АВ0 и узбеки КК АССР (Рысназаров, 1972), и узбеки Ташауза (Бабаков, 1977). Некоторое своеобразие в распределении системы АВ0 обнаружено в изолированных группах, исследованных медико-генетическими экспедициями.

Таблица 3

Распределение групп крови системы *MN* у коренного узбекского населения

Исследованные группы по областям	Исследователь	Число наблюдений	Частота фенотипов, %			Частота генов	
			M	*N*	*MN*	*m*	*n*
Хорезмская	В. П. Глиндеман и др., 1977	1265	16,4	11,2	72,4	52.6	47.4
Кашкадарьинская	"	702	38,6	15,5	45,9	61,5	38.5
Наманганская	"	357	40,1	22,7	37.2	58.7	41,3
УзССР (суммарно)	"	2324	26,7	14,3	59.0	56 2	43.8
Самаркандская:	Т. В. Анфалова и др., 1975						
к. Каракент		210	28.1	25,7	46,2	51,0	49,0
к. Ишан		244	38,9	26,7	34 4	56.0	44 0
По двум популяциям (суммарно)		454	33,9	26,2	39,9	54,0	46,0
Ташкентская:	О. Исмагулов, 1969, 1971						
Янгиюльский район	"	332	43.3	11,7	45,0	65,8	34,2
г. Ташкент и область (суммарно)	Х. А. Максудова и В. П. Глиндеман*	109	37,6	22,4	40,0	57.6	42.4
Узбечки-роженицы г. Ташкента	Х. А. Максудова, 1968	191	12,0	27,0	61,0	42.5	57.7
Туркменская ССР:							
г. Ташауз	О. Бабаков, 1977	100	28,7	20,7	49,6	58.1	41,9

* Цит. по Бабакову, 1977

Данные по распределению системы резус у узбекского населения приведены в таблице 2, из которой видно, что лица с отрицательным резусом, исключая изоляты, по данным разных авторов, составляют 4,5—10%. Известно, что у народов Средней Азии и Казахстана этот показатель значительно ниже, чем у населения европейской части Советского Союза. В Хорезмской, Кашкадарьинской, Бухарской и Наманганской областях, по данным В. П. Глиндеман и соавторов (1971), он составляет 4,5—5,9%, в то время как в Ташкентской области (Исмагулов, 1974) — 10,07%. Медикаме-

генетиками было показано, что в изолятах резус-отрицательный фактор значительно ниже (0,5—2,5%).

Распределение системы MN (таблица 3) такое же, как и у большинства европейских народов — MN>M>N. У населения Хорезмской области отмечено наиболее высокое содержание MN (72,4%) и более низкое — группы M. У населения Наманганской области, напротив, M>MN. Система MN у узбеков Янгиюльского района (Исмагулов, 1974) характеризуется чрезвычайно высокой частотой фактора *m*, превосходящей даже те значения, которые были получены у бурятов и монголов.

Такое расхождение в результатах исследований, имеющихся во всех системах, частично объясняется тем, что они были получены разными авторами, работавшими на разном методическом уровне. Однако, на наш взгляд, это зависит и от сложности этнического состава узбекского населения, многочисленности родоплеменных подразделений, то есть от тех факторов, которые не учитывались исследователями.

Особенно ценно изучение групп крови и других генетических маркеров у заведомо древних этнических популяций, изолированных в течение многих поколений социальными, географическими, религиозными и другими барьерами. В условиях изоляции, когда заключаются эндогамные браки, происходят резкие отклонения в генных частотах от исходных материнских популяций. При эндогамии и наличии мощных генетических барьеров повышается теснота родства в популяциях, изменяется их генетическая структура, создаются благоприятные условия для течения генетико-автоматических процессов (изменения и концентрации генофонда популяции вне действия селекции). По-видимому, изоляция является одним из решающих факторов в формировании расовых групп в направлении дивергентного развития и имеет исключительно большое значение для решения проблем расогенеза.

Изучение генных частот крови AB0 и MN у изолированных групп горных таджиков (Гинзбург, 1937, 1954), жителей Западного Памира (Хить, 1960, 1961; Дементьева), Дагестана (Гаджиев), а также изолятов Самаркандской области показало резкое различие в концентрации этих систем. В. Г. Рычков доказал присутствие такого же большого географического полиморфизма и в антропометрических признаках.

Наличие изолятов, высокая степень эндогамности, многодетность семей наряду со сложным этническим составом, характерны для Узбекистана. В соответствии с программой медико-генетического обследования населения, в Узбекистане длительное время работают экспедиции Института медицинской генетики АМН СССР под руководством академика Н. П. Бочкова (Кулешов, Гинтер, Козлова, Гарькавцева, Краснопольская, Ревазов, Дементьева, Анфалова, Дьяченко и др.). Эти исследования включают описание отдельных семей с редкой наследственной патологией, изучение распространения тех или иных заболеваний у населения, создание ре-

гистров наследственной патологии для отдельных регионов и определяют общую степень наследственной отягощенности популяций.

В медико-генетических исследованиях населения Самаркандской области активное участие принимали сотрудники Самаркандского Государственного медицинского института (Хаитов, Ханнанова, Рузыбакиев, Ходжайова, Хамраев, Рахимбаева и др.). Дан-

Распределение фенотипов и генотипов двух систем крови у узбеков

Этнические группы Самаркандской области	Исследователь	Частота фенотипов и генотипов гаптоглобинов, %					
		число наблюдений	1—1	1—2	2—2	Hp¹	Hp²
к. Каракент	Т. В. Анфалова и др., 1975	201	5,5	32,3	62,2	0,213	0,784
к. Ишан	"	211	4 3	39 8	55,9	0 242	0,758
Суммарно по двум кишлакам	"	412	4,8	36 2	59,0	0,229	0,771
к. Терсак II	А. А. Ревазов и др., 1977	178	3,9	41 6	54,5	0,247	0,753
к. Терсак III	"	259	3,1	33,6	63,3	0,199	0,801
к. Терсак IV	"	235	7,2	31,9	60,9	0,232	0,768
к. Айрикия	"	121	3,3	37,2	59,5	0,219	0,781
Суммарно по четырем кишлакам	"	793	4,5	35,4	60,1	0,223	0,777

ные по распределению групп крови АВ0, Резус, Р, Льюис, а также гаптоглобинов у популяций кишлаков Каракент, Ишан и четырех кишлаков Ургутского района (Терсак—II, Терсак—III, Терсак—IV и Айрикия) приведены в таблицах 1—4. Кроме того, антропологом Т. К. Ходжайовым (1979) были взяты зубные оттиски у популяций Каракента и Ишана, которые были изучены в этническом плане.

В работах вышеперечисленных исследователей представлены демографическая и популяционная характеристики обследованных групп, антропологические признаки, цитогенетика, клиническая и биохимическая диагностика большой группы наследственных болезней. Было показано, что среди сельского населения Самаркандской и Кашкадарьинской областей наследственные болезни встречаются значительно часто. В первую очередь, это нервно-психические заболевания и заболевания крови, связанные с аномальными гемоглобинами и ферментной недостаточностью.

Группы крови и другие генетические маркеры имеют определенные закономерности распределения также и в больших популяциях со значительным уровнем межпопуляционной миграции, то есть позволяют выявить панмиксные популяции. В отличие от изолятов в панмиксных популяциях генные концентрации более или менее

устойчивы и их изменения, видимо, являются результатом смешения, которое приводит к определенной гомогенности генетических признаков, к однородности расового состава и к единой расовой общности. Антропологическое изучение туркмен по антропометрии, группам крови (системы AB0 и MN), одонтологии и дерматоглифике (Гинзбург, 1937; Ошанин, 1926, 1959; Бабаков) показало их однородность по всем изученным признакам и системам. Среди

Таблица 4

Частота фенотипов и генотипов системы P, %					Частота фенотипов системы Ze, %				
число наблюдений	P+	P−	P_1	P_2	число наблюдений	a−b+	a+b−	a−b−	a+b+
210	72,4	27,6	0,145	0,851	205	35,6	23,4	29,8	11,2
244	84,4	15,6	0,081	0,919	219	30,6	21,0	38,4	10,0
434	78,6	21,4	0,114	0,886	424	33,0	22,2	34,2	10,6

обследованных племенных групп нет ни одной, которая выделялась своеобразием хотя бы одной из систем.

Население Средней Азии по дерматоглифике изучено гораздо слабее, чем в соматологическом отношении. В имеющихся работах по дерматоглифике решалась в основном задача выявления основных групп Средней Азии по степени европеоидности и монголоидности. Ладонные и пальцевые оттиски у узбеков исследованы в небольших выборках Т. Д. Гладковой и Т. Тотом, Г. Л. Хить (1975), О. Бабаковым. Кроме того, дерматоглифические исследования в незначительном объеме были включены в программу работ экспедиций Института этнографии АН СССР, медико-генетических экспедиций, проводимых Институтом медицинской генетики АНМ СССР при изучении изолятов Узбекистана, а также медиками при диагностике нервно-психических заболеваний. Г. Л. Хить, собравшая наибольшее количество дерматоглифических материалов по популяциям Средней Азии, выявила однородность изученных ею групп узбеков в строении ладонных и пальцевых узоров.

Антропологическое обследование современного населения выполняется по единой одонтологической программе, предложенной А. А. Зубовым (1968, 1973), который ввел в практику этнической антропологии одонтологический и одонтоглифический методы на

основании собственных обширных исследований и обобщения работ зарубежных и советских антропологов. Систематические одонтологические изыскания на территории СССР проводятся с 1965 г. К настоящему времени собран большой и разнообразный материал, позволяющий сделать выводы о формировании антропологического состава разных этнических групп.

В Узбекистане материалы, характеризующие строение зубной системы населения, представлены в недостаточном количестве. Они довольно фрагментарны, ограничиваются несколькими небольшими выборками, полученная информация ограничивается иногда двумятремя визуальными признаками. Обследовано всего пять групп узбеков: А. А. Зубовым в 70-х годах (город Наманган), Г. В. Рыкушиной в составе Среднеазиатской археолого-этнографической экспедиции МГУ (узбеки-кыпчаки к. Халдар-кипчак Ура-Тюбинского района и к. Янкурган Таджикской ССР), Н. А. Дубовой (Сарыасийский район Сурхандарьинской области, Пскентский район Ташкентской области УзССР), Т. К. Ходжайовым (род Ходжа из кишлаков Каракент и Ишан Джамбайского района Самаркандской области), О. Бабаковым (города Ташауз, Куня-Ургенч Туркменской ССР). Следует отметить, что вышеперечисленные выборки не отражают своеобразия многочисленных этнотерриториальных групп узбекского народа, который имеет сложную многовековую историю смешения местных земледельческих племен с кочевниками, пришедшими на территорию нынешнего Узбекистана в домонгольское и послемонгольское время.

Подводя итоги работы по изучению генетических маркеров крови, а также дерматоглифики и одонтологии у населения Узбекистана, следует отметить фрагментарность и малочисленность имеющихся результатов. Определено только распределение систем крови АВ0, частично MN и Резус на отдельных территориях и у отдельных этнических и территориальных групп населения. Большинство маркеров не изучалось вовсе из-за отсутствия соответствующих дефицитных сывороток. Однако, чем шире их спектр, тем разнообразнее получаемые генетические данные, тем богаче этнографическая интерпретация. Отдельные сведения были получены при медико-генетическом обследовании нескольких популяций Самаркандской области. Приводятся данные о распределении групп крови Р, Льюис, а также гаптоглобинов в кишлаках Ишан и Каракент и гаптоглобинов в четырех кишлаках Ургутского района.

Несомненно, что параллельное изучение соматологических, дерматоглифических, одонтологических и серологических признаков приведет к получению более ценных результатов по этногенезу. Необходимо тщательное и детальное исследование генетических признаков — маркеров — в совокупности с признаками сравнительной морфологии (антропометрии и антропоскопии) у всех крупных этнических и территориальных групп, характерных для основных этапов сложения узбеков. Программа и перспективы проведения таких исследований подробно изложены В. П. Алексеевым,

А. А. Аскаровым и Т. К. Ходжайовым (1980), В. П. Алексеевым и Т. К. Ходжайовым (1982). Эти исследования уже проводятся антропологической группой Института археологии АН УзССР. К настоящему времени собраны материалы по одонтологии и дерматоглифике по двенадцати этно-территориальным группам Узбекистана, которые готовятся к публикации. Предварительные результаты серологического обследования населения Самаркандской области по системам АВО и Резус (приведенные в таблицах 1—2) будут обсуждены в следующей работе.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В. П., Аскаров А. А., Ходжайов Т. К. Некоторые проблемы комплексного изучения этногенеза узбекского народа.— Общественные науки в Узбекистане, 1980, № 11.

Алексеев В. П., Ходжайов Т. К. Организация антропологических исследований по изучению этногенеза узбекского народа.— Общественные науки в Узбекистане, 1982, № 8.

Анфалова Т. В., Прытков А. Н., Коробец Л. И., Филлипов И. К., Шарец Ю. Д. Медико-генетическое изучение изолятов в Узбекистане. Сообщение II. Антропологические признаки, группы крови и белки сыворотки.— Генетика, 1975, т. 11, № 11.

Бабаков О. Антропологический состав туркменского народа в связи с проблемой этногенеза (Исследование современного населения). Ашхабад, 1977.

Бабаков О., Дубова Н. А., Зубов А. А., Рыкушина Г. В., Ходжайов Т. К. Народы Средней Азии и Казахстана.— В сб.: Этническая одонтология. М., 1979.

Гаджиев А. Г. Антропология малых популяций Дагестана. Махачкала: Изд-во Дагестанского филиала АН СССР, 1971.

Гинзбург В. В. Изогемагглютинация у горных таджиков.— Антропологический журнал, 1934, № 1—2.

Гинзбург В. В. Горные таджики. Материалы по антропологии Каратегина и Дарваза.— Труды Института антропологии, этнографии и археологии АН СССР. Т. 16. М., 1937.

Гинзбург В. В. Изогемагглютинация у туркмен.— Антропологический журнал, 1937, № 2.

Гладкова Т. Д., Тот Т. Материалы по дерматоглифике узбеков.— Вопросы антропологии, 1970, вып. 34.

Глиндеман В. П., Корешкова Л. П., Хорват Г. Н. Распределение групп крови систем АВО, MN и Rhesus (D и C) среди коренного населения Узбекистана.— Вопросы антропологии, 1971, вып. 37.

Дементьева Е. С. Популяционное и медико-генетическое изучение изолированной популяции Западного Памира.— Автореф. канд. дисс., М., 1974.

Дубова Н. А., Рыкушина Г. В. О некоторых аналогиях в зубной системе древних популяций Южной Сибири и современного населения Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых этнографических и антропологических исследований в 1974—1975 гг. Душанбе, 1976.

Зубов А. А. Одонтология. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968.

Зубов А. А. Этническая одонтология. М.: Наука, 1973.

Исмагулов О. Материалы по группам крови у населения Юго-Восточного Казахстана.— Вопросы антропологии, 1968, вып. 30.

Исмагулов О., Петриковец Н. И. Распределение кровяных групп систем АВО, MN, Rho (D) у некоторых народов Средней Азии и Казахстана.— Труды XII Международного конгресса по переливанию крови. М., 1972.

Исмагулов О. Серологические данные по некоторым родо-племенным группам казахов Старшего жуза.— В кн.: Расогенетические процессы в этнической истории. М., 1974.
Козлова С. И., Дяченко С. С., Ханнанова Ф. К., Кулешов Н. П., Ходжайова Г. К., Шатская Т. Л., Гарькавцева Р. Ф., Бочков Н. П. Медико-генетическое изучение изолятов в Узбекистане. Сообщение IV. Клинико-биохимическая диагностика наследственных болезней.— Генетика, т. 12, 1976, № 5.
Кулешов Н. П., Рузыбакиев Р. М., Ханнанова Ф. К., Козлова С. И., Хамраев А. Х., Ходжайова Г. К., Рахимбаева Р. М. Медико-генетическое изучение населения Узбекистана.— В сб.: Общая и медицинская генетика. Ташкент, 1977.
Либман Е. Г. К вопросу о серологических расах в Средней Азии. Труды IV Всесоюзного съезда зоологов, анатомов и гистологов. Киев, 1930.
Либман Е. Г. Кровяные группы Средней Азии.— В сб.: За индустриализацию Советского Востока. М., 1934, вып. 3.
Максудова Х. А. MN — дифференцировка крови рожениц и новорожденных.— Вопросы антропологии, 1969, вып. 29.
Ошанин Л. В. Каракумская антрополого-физиологическая экспедиция Узбекского института экспериментальной медицины. 1937.— Бюллетень УзНИЭМ, Ташкент, 1937, № 1.
Ошанин Л. В. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов. Ч. 1—3. Ереван, 1957—1959.
Ошанин Л. В., Ясевич В. К. Материалы по антропологии Узбекистана, вып. 1, Ташкент, 1929.
Пестряков А. П. Серологическое изучение (система АВО) населения Юго-Востока Средней Азии.— В кн.: Современные этнические процессы. М., 1975.
Ревазов А. А., Ахмина Н. И., Гинтер Е. К., Асанова А. А., Жураев В. Н., Козаченко Б. Н., Сергеев А. С., Тарлычева Л. В., Хамраев А. Х., Зайцева В. Н. Медико-генетическое изучение населения Узбекистана. Сообщение II. Популяционно-генетическое описание четырех кишлаков Ургутского района.— Генетика, 1977, т. 13, № 11.
Рысназаров Н. Черты наших предков. Нукус, 1972.
Рычков Ю. Г. Антропология и генетика изолированных популяций (Древние изоляты Памира). М., 1969.
Хить Л. Г. Группы крови у таджиков Памира.— Вопросы антропологии, 1960, вып. 1.
Хить Л. Г. Распределение групп крови у населения Памира.— Вопросы антропологии, 1961, вып. 8.
Хить Л. Г. Расовая дифференциация населения СССР. Расы и народы. М., 1975.
Ярхо А. И. Туркмены Хорезма и Северного Кавказа.— Антропологический журнал, 1933, № 1—2.
Ярхо А. И. Антропологический состав турецких народностей Средней Азии.— Антропологический журнал, 1933, № 3.
Ярхо А. И. Краткий очерк изучения турецких народностей за 10 лет.— Антропологический журнал, 1936, № 1.

Г. К. Ходжайова, Е. Л. Усманова

СЕРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (СИСТЕМЫ АВО И РЕЗУС) В САМАРКАНДСКОЙ ОБЛАСТИ

К настоящему времени собраны данные о факторах крови и их концентрациях у разных народов мира, что дает возможность осуществить анализ географического распределения вариаций ген-

ных частот групп крови в целом по земному шару; выявить комплексы концентраций генов, по их сходству установить границы ареалов распространения, сравнить геногеографические зоны между собой.

Обычно этническая антропология изучает расовые морфологические признаки, которые мало зависят от физиологического статуса организма и имеют сложную наследственную структуру, не поддающуюся быстрым и случайным изменениям. Однако серологические данные, полученные при изучении современных популяций, могут использоваться в этнической антропологии с целью выяснения происхождения больших и малых популяций. Каждая большая популяция имеет свой ареал распространения и характерный серологический комплекс, который в рамках определенного исторического периода изменяется незначительно. На большую древность серологических комплексов указывает тот факт, что варианты некоторых из них приурочены к определенным и большим территориям, как и соматические комплексы. Например, признается, что на территории Восточной Европы серологический тип сформировался в мезолитическое или неолитическое время (Бунак, 1969).

При миграции населения часть генофонда одной популяции перетекает в другую, которая территориально может быть весьма удаленной и находиться в совсем другой геногеографической зоне. В таком случае ожидаемую частоту генов в смешанной популяции можно предсказать, если известны частоты генов в родительских популяциях и можно установить долю участия каждой родительской популяции в формировании новой группы. В ряде случаев возможно обратное: исходя из концентрации генов в дочерних популяциях, восстановить частоты родительских. Это гораздо сложнее сделать, когда смешивающихся групп более двух. Именно такое наложение генокомплексов характерно для всей Средней Азии и Узбекистана в частности. Выявление вариабельности каждого серологического гена, особенностей сочетания его с комплексом других серологических генов на территории Узбекистана является задачей как геногеографического порядка, так и этнического.

На территории Узбекистана исследования распределения частот групп крови у местного населения проводятся давно. Однако они представлены либо работами разных авторов с небольшими выборками, либо исследованиями широкого круга лиц, в основе которых лежит разделение населения по принципу территориально-административного деления. Наши исследования служат дополнением к общей картине распределения групп крови систем АВ0 и Резус в Узбекистане и заполняют пробел в определении концентрации генов этих факторов в г. Самарканде и его области у узбеков.

Групповую принадлежность по системе АВ0 определяли перекрестным методом с помощью реакции гемагглютинации со стандартными антисыворотками. Разновидность резус-фактора определялась сывороткой анти Rho (Д) методом конглютинации в желатине. При расчете генных частот вносилась поправка по формуле

Бернштейна. Проверка соответствия распределения фенотипов генетической гипотезе Харди-Вайнберга произведена методом X^2.

Кровь исследовалась у 263 женщин и 371 мужчины. Частота генов в таблице подсчитана суммарно, так как половая дифференциация по этим факторам достоверно не обнаружена. Деление на сельское и городское население не проводилось, так как мы ставили задачу получить обобщенную характеристику Самаркандской области по концентрации генов крови для возможности сравнения с данными других авторов по другим областям республики. Исследование различий по частоте распределения генов крови между городским населением и населением отдельных районов Самаркандской области должно носить более детальный характер с обязательным учетом родоплеменных делений, что является целью наших дальнейших исследований. Распределение фенотипов и генотипов системы АВ0 у узбеков Самаркандской области выглядит следующим образом:

n	*Частота фенотипов*, %				*Частота генотипов*			X^2	*P*
	O	*A*	*B*	*AB*	*r*	*p*	*q*		
644	28.5	33,4	29,3	8,8	0,543	0,241	0,216	1,762	0,1<P<0,25

Из результатов исследования видно, что в процентном соотношении группа А преобладает над группами 0 и В, доли которых почти равны. Соотношение групп по Самаркандской области выглядит следующим образом: А>В>0>АВ. Анализ данных по распределению системы АВ0 в целом по Узбекистану за последние 50 лет показал, что концентрации этих групп крови по данной области аналогичны тем, которые вычислены для других областей. Диапазон колебаний частот генов системы АВ0 по Узбекистану представлен графически на рис. 1, который составлен на основе таблицы 1, приведенной Ходжайовой Г. К. в работе, напечатанной в данном сборнике.

Как видно из рис. 1, частоты генов системы АВ0 по Самаркандской области занимают срединное положение среди изученных территориальных и этнических групп.

Распределение генов системы Rhesus (Д) у узбеков Самаркандской области выглядит следующим образом:

n	*Частота фенотипов*, %		*Частота гена*	
	Rh $^+$*(Д)*	*Rh* $^-$*(d)*	*D*	*d*
644	92,9	7,1	0,735	0,265

Узбеки Самаркандской области с отрицательным резус-фактором крови составляют 7,1%, что значительно ниже, чем на территории Восточной Европы, но в пределах его колебаний по Узбекистану (от 4,5 до 10%). Данные по распределению системы Резус у узбекского населения приведены в работе Ходжайовой Г. К. в настоящем сборнике (таблица 2). На основе этих данных опре-

делен размах колебаний частоты гена *d* на территории Узбекистана, графически представленный на рис. 2.

В отличие от системы АВ0, частота гена *d* у узбеков Самаркандской области немного превышает усредненную частоту колебания этого гена (0,235) в больших территориальных группах населения Узбекистана. Мы не смогли подробнее исследовать резусный комплекс из-за отсутствия сывороток анти-е, анти-с, анти-С, анти-Е. Об этом приходится писать с сожалением, так как изуче-

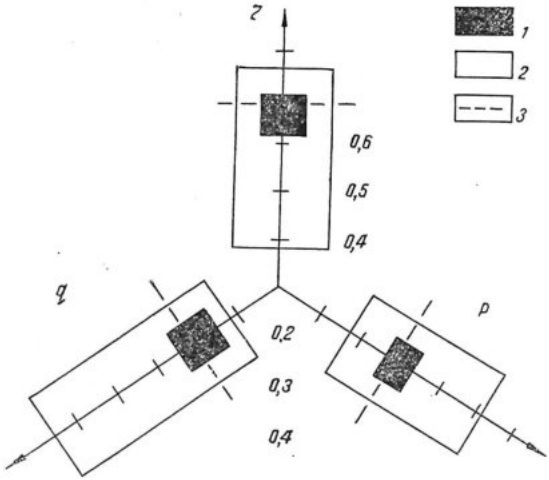

Рис. 1. Размах колебаний генных частот системы АВО на территории Узбекистана.
1 — диапазоны колебаний частот генов, *r* *p* и *q* больших территориальных групп; *2* — диапазоны колебаний частот генов *r* *p* и *q* с учетом мелких групп; *3* — место населения Самаркандской области.

ние распределения генов резусной системы, особенно генокомплексов R_2 и *r*, может быть весьма перспективно для выявления становления узбекского народа, поскольку территория Узбекистана (как и всей Средней Азии) была местом смешения монголоидов и европеоидов, которые резко отличаются друг от друга именно по этим признакам (R_2 и *r*). По резусной системе можно судить о степени смешения популяций, относящихся к разным расовым стволам.

В существующих геногеографических зонах частоты генов системы АВ0 соответствуют определенным концентрациям, и эти концентрации весьма стабильны в пространстве и во времени. Генокомплекс по системе АВ0 един для всего Узбекистана, который в свою очередь входит в большую геногеографическую зону, видимо,

охватывающую всю Среднюю Азию и некоторые сопредельные территории (например, Поволжье). Время и этапы сложения современного генокомплекса на территории Узбекистана в древности, восстановление его является еще одним частным дополнением к общему вопросу становления узбеков как народности.

Каждая из групп, пришедших на данную территорию из разных геногеографических зон в разное время, имела свой серокомплекс, характерный для определенного ареала обитания популяций. Некоторые предположения о нем можно сделать, исходя из современного распределения серологических комплексов на сопредельных

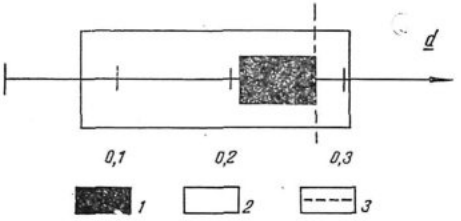

Рис. 2. Размах колебаний частоты гена *d* на территории Узбекистана.

1 — диапазон колебаний частоты гена *d* больших территориальных групп; *2* — диапазон колебаний частоты гена *d* с учетом мелких групп; *3* — место населения Самаркандской области.

с Узбекистаном и всей Средней Азией территориях, кроме того, в некоторых случаях возможен путь восстановления частоты генов системы АВ0 по ископаемому материалу.

Для сравнительного анализа, который бы отражал определенную тенденцию в распределении частот генов и фенотипов системы АВ0 и Резус Средней Азии и отдельных областей, выбраны этнические группы, входящие в различные геногеографические зоны по распределению частот этих систем.

Частота гена *r* на весьма обширной территории, включающей и Среднюю Азию, существенно не меняется и колеблется в пределах 50—55% (табл. 1)[1]. В большинстве случаев на территориях, окружающих Среднюю Азию, наблюдается ее увеличение (56—65%). В пределах Средней Азии наибольшая частота гена *r* характерна для жителей Памира (57%) и казахов (59%). В I тысячелетии до н. э., т. е. до сложения современного комплекса генов системы АВ0 в этом регионе, на северо-запад, север, северо-восток от Средней Азии (евразийские степи) на ископаемом материале установлена концентрация гена *r* в довольно широких пределах—56—70% (Перевозчиков, 1976).

[1] В установлении пределов (классов) мы использовали классификацию Бунака (1969).

Таблица 1

Сравнительные данные частот фенотипов и генотипов системы АВО у некоторых народов Азии и Европы

Этнические группы	Автор, год	Число обследованных	Частота фенотипов, %				Частота генов			Генный индекс $\frac{(p+r)}{(g+r)}$
			0	A	B	AB	r	p	g	
Сирийцы (христиане) *	Parr	2091	37,8	42,4	12,1	7,7	0,615	0,281	0,092	1,267
Армяне (г. Ереван)	Нерсесян В. М. и др., 1979	44632	28,9	49,9	13,3	7,9	0,538	0,348	0,114	1,359
Азербайджанцы (Цекинский р-н)	Воронов А. А., 1974	287	40,1	38,3	16,7	4,9	0,638	0,247	0,115	1,175
Русские (г. Москва)	Умнова М. А. и др., 1965	31896	33,5	37,8	20,6	8,1	0,579	0,265	0,156	1,148
Татары (казанские)*	Цит.	3199	30,0	31,6	30,3	8,1	0,558	0,225	0,217	1,010
Башкиры	Акимова М. С., 1973	1476	27,4	32,1	31,2	9,3	0,534	0,236	0,230	1,007
Туркмены	Бабаков О., 1977	1575	30,1	33,9	26,1	9,9	0,548	0,252	0,200	1,100
Каракалпаки**	Либман Е. Г. и др., 1934	916	28,3	27,7	32,6	11,4	0,522	0,230	0,252	0,971
Казахи	Исмагулов О., 1968	9518	33,8	26,9	29,5	7,8	0,591	0,204	0,208	0,995
Киргизы***	Либман Е. Г., 1934	1288	29,5	25,4	37 8	7,3	0,543	0,190	0 269	0,902
Уйгуры (с. Аксу)	Исмагулов О., 1968	164	25,3	27,2	35,3	12,2	0,503	0,222	0,275	0,931
Хакасы	Горохов В. Г., 1971	653	28,0	24,8	33,5	13,6	0,516	0,213	0,271	0,926
Якуты	Золотарева И. М. и др., 1968	935	37,5	25,0	30,0	7,5	0,613	0,718	0,209	0,962
Монголы-халхи	Золотарева И. М., 1972	692	37,4	21,2	34,0	7,4	0,611	0,155	0,234	0,906
Индийцы (ахиры)	Воронов А. А., и др., 1980	101	29,7	28,7	34,7	6,9	0,561	0,200	0,230	0,962
Памирцы (суммарно)	Дементьева Е. С., 1974	2480	—	—	—	—	0,579	0,251	0,172	1,105
Таджики (Ура-Тюбе)****	Петров	465	29,7	34,8	27,7	7,7	0,557	0,244	0,199	1,058
Таджики (г. Самарканд)	„	82	26,8	43,9	23,2	6,1	0,541	0,297	0,162	1,192
Узбеки (суммарно)	Глиндеман В. Н. и др., 1971	6344	29,4	33,6	27,3	19,6	0,546	0,248	0,206	1,056

* Цит. по: Бунак В. В., 1969
** Цит. по: Исмагулов О., 1963
*** Цит. по: Золотарева И. М. 1972
**** Цит. по: Хить Г. Л., 1960 (генные частоты подсчитаны нами)

Вполне вероятно, что на территории Средней Азии в древности концентрация гена *r* могла быть не на много выше современной средней. В ином случае монголоидные волны должны были нести очень низкую концентрацию гена *r*. Для большинства монголоидных групп, территориально близких к Средней Азии, такая частота совсем не характерна.

Концентрация гена *p* колеблется в пределах 21—25%. На запад и северо-запад от Средней Азии частота гена повышается (25—30%). Во всех других направлениях — понижается (16—20%).

В отношении гена *q* наблюдается прямо противоположная закономерность. Особенность увеличения доли гена *q* (21—30%) в Индии, совсем не характерная для европеоидных популяций, обычно объясняется территориальной близостью к распространению монголоидных популяций и сходством процессов, способствовавших увеличению частоты гена *q* (например, инфекционные заболевания могут являться одним из таких факторов). В Индии, как и в ряде других стран, были часты эпидемии чумы, оспы. Факторы А и 0 подвержены большему воздействию антигенов оспы (А), чумы (Н), нежели фактор В. Таким образом, здесь возможен регулирующий эффект болезней на концентрацию факторов крови.

На ископаемом материале, полученном в евразийских степях, установленная частота гена *p* близка к современной в Средней Азии (21—25), а гена *q* — на 5—15% меньше. Возможно, древние европеоиды Средней Азии имели концентрацию гена *q* довольно высокую. Но обычно повышение частоты гена *q* связывают с приходом на территорию Средней Азии народов центральноазиатского происхождения с высокой концентрацией этого гена.

Интересная тенденция наблюдается в некоторых этнических группах каракалпаков, уйгур, хакасов (табл. 1): частота гена *r* колеблется около 50%, концентрация гена *p* составляет 21—25%, то есть равна средней величине, вычисленной для Средней Азии, частота гена *q* у вышеперечисленных групп превышает средние значения. Сходная концентрация генов наблюдается на удаленных от Средней Азии территориях КНР, КНДР, а на более близкой — на северо-западе Монголии (Золотарева, 1972). Такая же частота генов этой системы присуща и некоторым группам узбеков, например, узбекам Янгиюльского района Ташкентской области (Исмагулов, 1977), КК АССР (Рысназаров, 1972). В связи с этим небезынтересно связать понижение концентрации гена *r* в некоторых группах на территории Средней Азии, в том числе Узбекистана, с приходом групп центральноазиатского происхождения с аналогичной концентрацией генов. Эти монголоидные группы, возможно, пришли из разных по системе АВ0 географических зон. Поэтому, видимо, необходимо учитывать разные сочетания концентраций генов *r, p* и *q*, которые могли нести различные монголоидные группы.

Памирцы как наиболее сохранившиеся в «чистом» виде древние жители Средней Азии не могут считаться критерием европеоидной

слагающей генотипа по системе АВ0 современного населения в силу многовековой изоляции, которая способствует выраженному генному сдвигу в ту или иную сторону. Тем не менее, памирцы наиболее близки по концентрации всех трех генов к европеоидным группам близлежащих территорий, кроме европеоидов Индии. Ин-

Таблица 2

Сравнительные данные частот фенотипов и генов системы Rhesus (D) у некоторых народов Азии и Европы

Этническая группа	Автор, год	Число обследованных	Rh^+ (D), %	Rh^- (d), %	D	d
Арабы (Багдад)*	Kayssi, 1949	300	—	—	0,687	0,313
Армяне (г. Ереван)	Нерсесян В. М. и др., 1971	33228	87,8	12,2	0,655	0,345
Азербайджанцы (Щекинский р-н)	Воронов А. А. 1974	191	91,6	8,4	0,711	0,289
Русские (г. Москва)**	Умнова М. А. и др., 1964	1173	—	—	0,625	0,375
Башкиры	Рафиков Х. С. и др.. 1979	1066	90,8	9,2	0,697	0,303
Казахи (суммарно)	Исмагулов О., 1977	7095	97,1	2,9	0,828	0,172
Дунгане (Казахская ССР)	"	185	97,3	2,7	0,838	0,162
Уйгуры (Казахская ССР)	"	260	98,1	1,9	0,860	0,140
Киргизы**	Буренкова Л. В., 1969	2000	98,0	2,0	0,857	0,143
Якуты	Золотарева И. М. и др., 1968	265	98,5	1,5	0,877	0,123
Монголы (г. Улан-Батор)**	Шарав Ч., 1969	691	99,6	0,4	0,934	0,066
Индийцы (ахиры)	Воронов А. А. и др.,	101	—	—	0,701	0,297
Памирцы (язгулемцы)	Дементьева Е. С. и др., 1974	365	—	—	0,609	0,391
Узбеки (суммарно)	Глиндеман В. П. и др., 1971	6344	94,6	5,4	0,768	0,232

* Цит. по: Беневоленская Ю. Д., 1974
** Цит. по: Исмагулов О., 1977

тересно отметить, что туркмены и таджики наиболее близки памирским народам по характеру распределения и концентрации генов системы АВ0. Видимо, такая тенденция не случайна, особенно если учесть вероятность единого древнего антропологического слагаемого и их территориальное соседство. Такое распределение генных частот не характерно для узбеков больших территориальных групп, но в отдельных мелких группах сходная концентрация наблюдается.

Данные по резусной системе более фрагментарны и большая часть представлена лишь концентрациями нескольких генов. По-

этому в таблице 2 приведены частоты только двух генов системы Rh^+ (Д) и $Rh^-(d)$. Территория Средней Азии, особенно Узбекистана, весьма мозаична по соотношению лиц с отрицательным (*d*) и положительным (Д) резус-факторами (рис. 3). Увеличение числа лиц с отрицательным резус-фактором наблюдается в зонах расселения европеоидных популяций, уменьшение — у монголоидов. Мы попытались выявить вариации частот резус-отрицательного аллеля *r* (cde) в зоне контакта монголоидной и европеоидной рас.

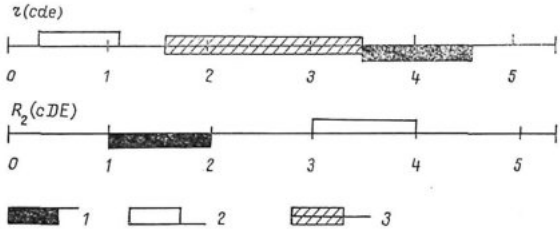

Рис. 3. Размах колебаний генов *r* и R_2 среди населения Азии и Европы.

1 — диапазоны колебаний частот генов *r* и R_2 у европеоидов; *2* — диапазоны колебаний частот генов *r* и R_2 у монголоидов; *3* — диапазоны колебаний частот генов R_2 и *r* в зонах контакта монголоидной и европеоидной рас.

В данном случае частотой генов r'(Cde) и r''(cdE) из-за их малых величин можно пренебречь и принять, что частота гена *r* равна частоте всего *d*-отрицательного комплекса. На рисунке 3 кроме размаха колебаний гена *r* в Азии и Европе показаны и вариации гена R_2(cДЕ) в этих же регионах (представлены в работе Ю. Д. Беневоленской (1974). Величины частот гена *r* в зоне контакта двух расовых ветвей занимают промежуточное положение между вариациями частот этого гена в Азии и Европе. Как видно из рисунка 3, различия существенные, и диапазоны частот генов *r* и R_2 даже не перекрываются. На территории Узбекистана можно встретить группы как приближающиеся к европеоидным, так и тяготеющие к монголоидным по частоте гена *r* (рис. 2). Наиболее часто в Средней Азии Д-резусный комплекс встречается у жителей Узбекистана. Население Самаркандской области в целом, без разделения на этнические группы, по частоте генов системы Резус находится ближе к европеоидным популяциям и характеризуется наиболее высоким процентом лиц с отрицательным резус-фактором на территориии Узбекистана (большие территориальные группы).

По системе АВ0 Самаркандская область отражает усредненные данные по Узбекистану. Таким образом, она является одним из типичнейших районов Узбекистана, который в результате многовековых исторических процессов, тесно связанных с территорией всей Средней Азии и прилегающих к ней регионов, приобрел современную частоту распределения тех или иных генов крови.

При исследовании частот распределения генов системы АВ0 и резус как в территориальных, так и в родоплеменных группах необходимо учитывать наличие различного исходного генокомплекса и непропорциональное смешение различных групп.

ЛИТЕРАТУРА

Акимова М. С. Значение данных антропологии, дерматоглифики и серологии для изучения смешанных групп (на башкирском материале).— Вопросы антропологии, 1973, вып. 44.

Бабаков О. Антропологический состав туркменского народа в связи с проблемой этногенеза. Ашхабад, 1977.

Башлай А. Г. Об ускоренном методе определения резус-фактора и изоиммунных резус-антител методом конглютинации с желатиной.— Проблемы гематологии и переливания крови, 1960, № 7.

Беневоленская Ю. Д. О характере полиморфизма популяций человека по системе Резус.— В кн.: Антропология и геногеография. М., 1974.

Бунак В. В. Гено-географические зоны Восточной Европы, выделяемые по факторам крови АВО.— Вопросы антропологии, 1969, вып. 32.

Воронов А. А. Антропологические особенности распространения групп крови в Закавказье.— В кн.: Антропология и геногеография. М., 1974.

Воронов А. А., Дас С. К., Мукерджи Б. Н. Антропологическая характеристика населения Союзной территории Дели по гематологическим данным.— В кн.: Антропология и геногеография. М., 1974.

Глиндеман В. П., Корешкова Л. П., Хорват Г. М. Распределение групп крови системы АВО, MN и Rhesus (Д и С) среди коренного населения Узбекистана.— Вопросы антропологии, 1971, вып. 37.

Горохов В. К. Распределение групповых факторов крови системы АВО у хакасов.— Вопросы антропологии, 1971, вып. 37.

Дементьева Е. С. Популяционное и медико-генетическое изучение изолированной популяции Западного Памира.— Автореф. канд. дисс... М., 1974.

Дементьева Е. С., Плотников В. И. Медико-генетическое изучение населения Западного Памира. Сообщ. IV. Группы крови и некоторые антропологические признаки у населения долин рек Ванч, Гунт, Язгулем, Пяндж.— Генетика, 1974, т. 10, № 3.

Исмагулов О. Этническая геногеография Казахстана. Алма-Ата, 1977.

Нерсесян В. М., Акопян Л. П., Щербакова Л. Н. Распределение некоторых групповых факторов крови системы АВО, Резус, MN, Fy_a, К и Р у армян г. Еревана.— Вопросы антропологии, 1977, вып. 38.

Перевозчиков И. В. Определение групп крови системы АВО у населения европейских степей I тысячелетия до н. э.— Автореф. канд. дисс... М., 1976.

Рафиков Х. С., Чеклин И. Ф., Кузеев Р. Г., Башлай А. Г., Юмагужина Н. Х., Васанова Н. И. Исследования изоантигенов крови системы резус у коренного населения Башкирии.— Вопросы антропологии, 1979, вып. 62.

Рогинский Я. Я. Закономерности пространственного распределения групп крови у человека.— Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. 1. М., 1947.

Рысназаров Н. Черты наших предков. Нукус, 1972.

Рычков Ю. Г. Некоторые аспекты серологических исследований в антропологии.— Вопросы антропологии, 1965, вып. 19.

Хить Г. Л. Группы крови у таджиков Памира.— Вопросы антропологии, 1960, вып. 1.

Ходжайова Г. К. Генетические исследования в Узбекистане в связи с проблемами этногенеза (см. наст. сб.).

СОДЕРЖАНИЕ

А. А. Аскаров. Некоторые аспекты изучения этногенеза и этнической истории узбекского народа 3
Б. А. Ахмедов. Значение письменных памятников в изучении этнической истории узбеков 14
Е. Е. Неразик. Об этнических процессах в раннесредневековом и средневековом Хорезме 30
Ю. Ф. Буряков. Археологические материалы к этнической истории бассейна Средней Сырдарьи в древности и средневековье . . . 50
Б. Д. Кочнев. Тюрки в удельной системе саманидской Ферганы (X в.). 57
А. Ш. Кадырбаев. Карлуки в эпоху монгольских завоеваний XIII—XIV вв. 75
К. Ш. Шаниязов. Некоторые вопросы этнической динамики и этнических связей узбеков в XIV—XVII вв. 83
Т. К. Ходжайов. Краткие итоги изучения антропологии Средней Азии в связи с проблемами этногенеза узбекского народа . . . 93
В. П. Алексеев, Т. П. Кияткина, Т. К. Ходжайов. Палеоантропология Средней Азии эпохи неолита и бронзы . . 100
Г. К. Ходжайова. Генетические исследования в Узбекистане в связи с проблемами этногенеза 131
Г. К. Ходжайова, Е. Л. Усманова. Серологические исследования (системы АВО и Резус) в Самаркандской области 144

МАТЕРИАЛЫ К ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Утверждено Ученым советом Института археологии АН УзССР
и Бюро отделения истории, языкознания и литературоведения АН УзССР

Редактор *И. Я. Ильясова*
Художник *Н. Рассказов*
Технический редактор *В. М. Тарахович*
Корректор *Ф. М. Касымова*

ИБ № 3412

Сдано в набор 29.10.86. Подписано к печати 20.11.86. Р — 16857. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,75. Уч.-изд. л. 10,3. Тираж 1000. Заказ 215. Цена 1 р. 60 к.

Адрес Издательства: 700047. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ФАН» УзССР
В 1986 г. ВЫШЛА В СВЕТ

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВОСТОКА

Сборник, подготовленный по материалам докладов II Советско-американского симпозиума, проведенного в 1983 г. в СССР, является результатом научного сотрудничества ученых Советского Союза и Соединенных Штатов Америки по изучению проблем древневосточных цивилизаций. Археологические исследования, проведенные ими, позволили не только по-новому раскрыть социально-экономическую историю Месопотамии, Палестины, Анатолии, но и расширить круг древневосточных цивилизаций за счет южных районов Средней Азии, выявить роль периферийных районов с более поздней восточной урбанизацией.

Цена 1 р. 60 к.